

Рауф НАСЫРОВ

ОТКУДА ТЫ
РОДОМ,
МАТРОСОВ?

Рауф НАСЫРОВ

ОТКУДА ТЫ РОДОМ, МАТРОСОВ?

УФА
«КИТАП»
1994

ББК 84 (баш.)
Н 32

Литературная запись
Я. Бурангулова

Книга издана с привлечением средств спонсоров — Кунакбаевского сельского совета (председатель Д. Г. Сафиуллин), администрации г. Учалы (М. З. Галеев), Учалинского райпотребсоюза (председатель У. М. Сафиуллин), кооператив «Абзелил» г. Магнитогорска (председатель Ф. С. Фазылов).

Насыров Р. Х.

Н 32 Откуда ты родом, Матросов? — Уфа: Китап, 1994. — 176 с.

ISBN 5-295-01524-6

Автор в своей книге ставит задачу выяснить неизвестные до сих пор страницы биографии Героя Советского Союза А. М. Матросова и в результате кропотливой поисковой работы приходит к неожиданным выводам.

Н $\frac{0503020901-59}{M 121(03)-94}$ 15-94

ББК 84 (баш.)

ISBN 5-295-01524-6

© Насыров Р. Х., 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не мог предвидеть, что новость, услышанная мною совершенно случайно пять лет назад, спустя некоторое время так сильно взволнует мое существо и станет частью моей жизни; не ожидал, что она вынудит оставить повседневные заботы и постоянно будет звать все к новым поездкам и поискам, приведет к неожиданным открытиям. Что незнакомые люди, ошеломленные ею, начнут сами включаться в поиск, а затем, когда доводов в пользу нашей гипотезы станет достаточно, будут не только просить, но и требовать быстреего завершения начатого дела. Но все вышло так...

Вначале казалось, что я взялся за обычное журналистское расследование, и не очень задумывался над тем, почему сотни и сотни людей проявляют столь острый интерес к нашим поискам, с нетерпением ожидая их результатов. Только позже открылся смысл: тут скрывается не одно лишь желание понять истоки человеческого героизма, но и искреннее стремление восстановить истину. Так, совершенно неожиданно передо мной встала очень серьезная тема. Принял решение: не давать воли чувствам, не торопиться и, как дотошный счетный работник, оперировать только фактами и документами. Главное — не допускать ни одной неточности, дабы не изменить смысла и правды, основываясь на сравнении и сопоставлении. Такие жесткие условия поставил я для себя.

За изучением материалов, фактов проходили дни, месяцы и, наконец, пришло время дать людям ознакомиться с накопленным и пригласить их к совместному размышлению. А выводы пусть каждый делает сам...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СТАВИТ ВОПРОС

Это была какая-то странная новость.

На главной улице Уфы я случайно встретил Даута Хидиятова, моего старого знакомого из Учалов. Раньше он возглавлял партком колхоза, а сейчас, кажется, работает председателем Кунакбаевского сельского Совета. Похоже, приехал по депутатским делам: под мышкой была зажата коричневая папка. Большая лохматая шапка сползла на ухо. Лоб мокрый. Видать, спешил, но уж поскольку столкнулись лицом к лицу, то остановился и тут же вместо приветствия спросил:

— Ну как, не написал куда-нибудь?

— О чем? — не понял я.

— Так ведь... Я же просил... — У председателя от обиды опустились уголки губ.

— Пстой-ка, о чем же? — И тут я вспомнил, как однажды коротали с ним долгую и скучную дорогу и он...

Поезд сквозь ночную мглу мчался в сторону неприветливых гор. Пока ехали по Иглинскому району, мелькали огни деревень, потом погасли и они. В узком проходе купейного вагона установилась тишина, слышен был лишь перестук колес. Мы, словно ночные сторожа, стоя у темного окна, вели разговор. О чем была беседа?

Хидиятов отнюдь не слыл болтливым человеком — во всяком случае никогда не слышал, чтобы он подолгу мусолил то, что напрямую не касается его работы. Всегда был серьезным. Но на этот раз, к моему удивлению, он горячился, говорил напористо, с волнением. Председатель сельсовета утверждал, что известный на весь мир герой Александр Матросов, ни много ни мало родился, думаете где? — в деревне Кунакбаево, там, где живет сам мой собеседник, поэтому, мол, журналистам следовало бы заняться этой темой. Он не просил, а требовал и даже обвинял писателей в равнодушии: о чем только они не пишут, а вот то, что лежит на виду, обходят стороной.

— Пойдите, зачем горячиться?.. Как, вы хотите сказать, что Матросов родился в Учалинском районе, даже в Кунакбаево? Не смешите людей.

Хидиятов повторил свои слова. Нет, он, кажется, не шутил. И все же я, махнув рукой, дал понять ему, что не принимаю всерьез услышанное.

— Это же бессмыслица, Даут Мухаррамович.

— Вот-вот! Верно ты сказал. Только она в книгах, а не в том, что я говорю! — буркнул в сердцах председатель. — Не веришь, почитай сам, что в них понаписано.

— Читано-перчитано уже.

... Вот что вспомнилось мне! Хидиятов вроде бы рассказывал еще о каких-то письмах. Я поспешил дружелюбно воскликнуть:

— А!.. Вы говорите про то?.. Если честно... Знаете, времени все не было.

Мои слова, конечно, были попыткой как-то оправдаться. И все же стало неловко: человек, надеясь на тебя, раскрылся, поделился сокровенным, попросил помощи. А ты как отнесся к просьбе? Равнодушно. К тому же, сколько времени прошло? Почти год!

Мы разошлись с Хидиятовым, пожав друг другу руки, но оба недовольные.

Прошло еще несколько месяцев после той встречи. Я понимал, ругать и осуждать себя за невнимание к человеку и тем не менее ничего не делать — проще простого. Но если уж до конца быть откровенным, свободного времени действительно не было. У журналистов, как правило, одна работа накатывается на другую. И так без конца... Но однажды, а было это во время отпуска, как только удалось покончить с самыми неотложными делами, решил посмотреть всю литературу о Матросове. Но ничего нового для себя не открыл. Все, как в таблице умножения, знакомо: родился в городе Днепропетровске Украинской ССР. В раннем детстве остался круглым сиротой. Воспитывался в Ивановском детском доме Ульяновской области. Потом находился в Уфимской детской трудовой колонии. Когда на нашу страну вероломно напали немецкие фашисты, добровольно ушел на фронт. Вскоре совершил геройство, прославил свое имя на всю страну.

Такова его краткая биография, и в таком виде вошла во все учебники и энциклопедии. Здесь оспаривать что-либо невозможно.

«Бог весть чего хотят эти кунакбаевцы,» — недоумевал я. В памяти всплыло покрасневшее лицо Хидиятова... Может быть, его односельчане, «оземлячив» героя, хотят пог-

реться на его славе? Разве мало случаев: один выдает себя за потомка Михаила Кутузова, другой оказался другом Василия Чапаева, был очевидцем гибели героя гражданской войны, а третий помнит, как спасли Василия Ивановича и прятали в прибрежных кустах. А уж людей, встречавших В. И. Ленина на Финском вокзале, слушавших его пламенную речь и тут же принявших большевистскую идею — хоть отбавляй. Не могла ли сыграть злую шутку судьба и в случае с Матросовым?

Однако нельзя забывать и другое. Разве наша история не написана кровью, разве нет в ней потерянных для нас имен, человеческих судеб? Ведь страницы газет до сих пор пестрят объявлениями о пропавших без вести; дряхлые старушки, а некогда красавицы-невесты, проводившие молодых мужчин на фронт, до сих пор по привычке ждут, не постучится ли в окно ее желанный? А дети, рожденные одной матерью и разбросанные по всей стране? Сколько их!словно заблудшие птенцы, они подают голос друг другу, стремясь соединиться, но так редки случаи, когда им удается встретиться.

Короче, с одной стороны, совсем не хотелось вступать в спор и пытаться опровергнуть официальную биографию А. Матросова, а с другой — невозможно было и пренебречь утверждением кунакбаевцев. Но строить догадки, как известно, дело бесполезное, лучше всего и прежде всего надо вникнуть в суть дела.

На столе были разложены книги, рассказывающие об А. Матросове. Наиболее известные из них: повесть «Герой Советского Союза Александр Матросов» П. Журбы, «Бросок в бессмертие» И. Легостаева, «Бессмертный подвиг Александра Матросова» М. Шкадаревича. Все авторы названных книг обстоятельно рассказывают о том, как воспитывался Саша в Ивановском детском доме, в Уфимской трудовой колонии, а затем — как он совершил свой подвиг. Все это не вызывает сомнений. А многочисленные газеты, брошюры, если и писали о нем, то в основном добросовестно повторяли и пересказывали уже названных авторов, не сообщив ничего нового.

Жизнь мальчика известна с 1936 года. А что же было до этого? Каждый писатель по-своему пытается преподнести предыдущий период. Однако не слишком ли много различий? Да, явно так. Например, П. Журба пишет следующее: «Саша рано осиротел. Отца, рабочего Днепронетровского металлургического завода, кулаки убили в глухом степном селе за то, что он, по призыву партии,

помогал крестьянам объединяться в колхозы. Через два года умерла мать».

У И. Легостаева читаем несколько иное: «Матвей Матросов работал на трубопрокатном заводе... К четырем годам Саша хорошо различал гудок отцовского завода». «Шел Саше шестой год. Однажды отец пришел с работы часа на два раньше обычного...» Домой приносят телеграмму (?) о том, что кулаки убили отца. Похороны (где?) его. «Вернувшись домой с похорон, Мария совсем занемогла... Через неделю Марию увезли в больницу. А через несколько дней ее не стало...».

П. Журба — о бабушке: «Саша остался с бабкой. Много сказок знала бабушка, ходила с ним на Днепр, рассказывала про деда — бывалого днепровского лоцмана, как умела, следила за его учебой в школе. Потом умерла и она...»

И. Легостаев же никакой речи о бабушке не ведет: «Егоркина (соседский мальчик. — Авт.) мать Татьяна Петровна, или Петровна, забрала мальчонку (Сашу) к себе домой, хотя у самой было пятеро по лавкам мал-мала меньше...»

П. Журба: «Вскоре после смерти бабушки Саша встретился с Тимошкой Шукиным и, увлеченный его рассказами об Алмазной горе, где так много драгоценных камней, самоцветов, мальчик-сирота со своим приятелем покинул родной город. Так началось их бродяжничество...»

И. Легостаев: «Играли мальчики на берегу в прятки, и Саша вдруг потерялся: с кем-то на лодке поплыл, сказал, что к папке».

У Журбы же мальчик идет к железнодорожной станции пешком один и далее, устроившись в вагонном тендере, направляется на север.

Многое здесь не стыкуется. Все же некоторые детали, приведенные в книге П. Журбы, не могут не привлечь внимания. «Когда два оборванца предложили ему ехать с ними на Волгу, он как-то бездумно согласился: «Да, нам по пути. Где-то на Урале живет моя тетка...», «... если не удастся разыскать тетю — не страшно: детские дома ведь есть везде... А далее, почему-то минуя Ульяновскую область, он сразу же оказывается в Уфе.

«Ушел он из детдома с твердым решением — разыскать на Урале тетю Аню. Но до нее так и не добрался. Перед ним открылось много заманчивых далей, и Саша заколесил по свету с новыми спутниками...»

Сразу же возникает вопрос: почему Саша стремится на холодный, в общем-то ничем не примечательный Урал,

а не выбирает, скажем, красу-столицу или Ташкент, «город хлебный»? Ах да, ведь у него где-то «на Урале тетя живет!» Но какими судьбами она оказалась в том краю — об этом ни слова. Не скрывается ли тут нечто такое, о чем умолчал Павел Журба?

Как раз в те дни, когда просматривал литературу о Матросове, совсем случайно в руки попал номер газеты «Правда». В нем была помещена маленькая заметка московского писателя, кандидата исторических наук М. Шкадаревича: в свое время он первым написал о подвиге героя во фронтовой газете, а затем, изучив его биографию, написал книгу о нем. Так вот, он сообщал, что еще раз побывал в г. Днепропетровске, но не нашел ни одного человека с фамилией «Матросов», из чего сделал вывод о том, что, возможно, эта фамилия выдумана. Вот так здорово! Тогда не приходится сомневаться в правоте слов генерала-полковника И. С. Медникова, написавшего предисловие к книге И. Легостаева «Бросок в бессмертие»: «О раннем детстве Матросова нет сколько-нибудь достоверных сведений».

Это была новость, которая не могла не вызвать интереса. И теперь меня стал мучить вопрос: почему, не зная истины, мы все время повторяли ложь, годами вдалбливали детям непроверенные факты? При одной лишь этой мысли стало стыдно. Ведь Матросов не выдуманное лицо, у него должен быть родной дом, мать, родившая мальчика и вскормившая грудью, улица, по которой он гулял, река, где купался. Если малую родину героя не могли выяснить П. Журба или И. Легостаев, оправдывает ли незнание нас, ныне живущих?

ТАЙНА ГРИГОРИЯ ИВАНОВИЧА

Оказалось, не спал, действовал дома председатель сельсовета Даут Хидиятов: о том, о чем мы вели разговор на улице Уфы, он довел до односельчан. И вот сейчас некто Фуат Асадуллин прислал подробное письмо, из которого стало ясно: это именно он первым начал работу по выяснению неизвестных страниц биографии А. Матросова.

Сам Фуат Гильмутдинович Асадуллин — ветеран, целых семь лет служил в армии, участвовал в Великой Отечественной войне, награжден двумя орденами Славы — почти герой!

Он в 1944 году вступил на фронте в партию. Позже в колхозе руководил строительной бригадой, был заведующим фермой, завхозом. Его избирали и председателем товарищеского суда, и председателем ревизионной комиссии колхоза. Почему он так подробно перечисляет должности? Я понял это так: если письмо попадет в руки какого-нибудь чинуши, пусть видит: и мы, мол, не лыком шиты, и у нас немало заслуг перед обществом. Написано все это было хотя и для знакомства, но читалось и как предупреждение.

Следопыт из дер. Кунакбаево, ветеран войны Фуат Асадуллин

Впрочем, что там рассуждать, в своем письме Фуат Асадуллин и не скрывал своей цели: «Мы, жители деревни Кунакбаево, — сообщал он, — ничего не опровергаем из того, что написано об А.Матросове до сих пор. Все остается, как было. Нам все равно, под каким именем он ходил. Однако считаем своим долгом выяснить до конца его биографию и место рождения».

Какой молодец! Одной лишь щедрой фразой сразил: «Все остается, как было!»

Фуат Асадуллин еще писал вот о чем: «Настоящее имя А. Матросова — Шакирьян. Отца звали Юнусом. Шакирьян до войны несколько раз бывал в родной деревне». Асадуллин перечислял односельчан, которые хорошо помнят это, но больше ссылался на утверждения некоего Григория Ивановича Черникова из Таджикистана. В конверт он вложил и письмо от Черникова.

«Здравствуйте, уважаемый Фуат! Примите большой привет из Таджикистана, прошу передать привет моим близким и родственникам.

А теперь я опишу, что знаю о Шурике, т. е. о Шакирьяне.

Он из нашей деревни уехал в 1934 году. Приехал домой через два года. Немного поработал, как и мы. Ты помнишь, рядом, где сейчас расположен город Учалы, было болотистое место, там колхоз построил домики из старых досок. Мы там ночевали после работы. Вот он и был занят, как и мы, на бороновании земли под урожай. Там он гово-

рил: «Зови меня Шуриком, а не Шакиром». В то время как было: люди забывали свой родной язык. Так случилось и с ним. Бывало, газету на русском языке он читал так хорошо, что и старшие удивлялись. И вот когда он надумал покинуть родные места, стал звать меня с собой: «Айда уедем куда-нибудь, устроимся в детдом, все-таки будем вместе». Но я не рискнул и остался дома. Конечно, через некоторое время и я собрался, уехал один. Бродяжничал. И в конце-концов попал в Каргалинский детдом Оренбургской области. В этом детдоме пробыл до 1939 года. Я соскучился по своим родным и заявил директору этого детдома, что у меня есть родные. Они тогда действительно были. Получив ответ из нашего сельсовета, мне дали сопровождающего, который привез меня домой и «сдал». Да я снова пошел путешествовать. Вот тут-то, в 1939 году, когда я находился в Уфе, снова встретился с Шуриком (Александром). Узнал, что он находится где-то возле Уфы, в детской колонии, выдает себя за Матросова Александра; теперь он активист и ему много доверяют. Приехал с ребятами в город кино смотреть. Начал меня уговаривать: «Айда к нам в колонию, знаешь, как у нас на Цыганской поляне хорошо?». Я сперва согласился, но потом раздумал, и так с ним расстался...

Г. Черников
22 ноября 1985 года»

Читал и перечитывал я эти строки. Можно ли им верить? Одно очевидно: автор-то рассказывает такие подробности, которые может знать только очевидец. Да и все складно — разве выдумаешь такое? Если все написано правда, то это сенсационное открытие. Но кто же саи этот Черников? И при чем здесь Таджикистан?

Не прошла и неделя, Фуат Асадуллин прислал еще одно письмо Черникова.

«Примите сердечный привет из солнечного Таджикистана. Также всем-всем, кого я знаю и кто меня знает, можете тоже передать привет.

Отвечаю на твое письмо. Во-первых, о себе.

Я, Черников Григорий Иванович, национал. Сейча русский. Если бы и со мной случилась такая история, тож не узнали бы, что это был Иргалин Г. Г. А ведь все та получилось из-за нашей беспризорности и безнадзорност с малых лет.

Бывало, сбежишь из одного детприемника, попадаеш в другой, что на ум придет, то и скажешь. Любую фами

дно и имя. Вот потому-то я теперь и Черников. А еще среди наших беспризорников были свои законы: если ты не русский, а национал, то тебе никогда не верили и даже сторонились. Поэтому мы всячески старались изменить родные фамилии и имена.

А теперь о Шурике. Неужели вы-то сами не помните, каким он был? Все-таки мы почти одноклассники. А вот я, что вспоминаю, то и пишу. Помню, как еще в детсадик ходили и как начинали учиться. Садик у нас был в доме, где мулла жил — напротив Фаткуллажан бабая. Помню, как нас одевали, т. е. давали ботиночки и штанишки. Также и Шакирьяну давали.

Бывало, пойдем к нему домой, Юнус бабай обязательно начнет нам что-нибудь рассказывать. Ну, а когда учились, кажется, во втором классе, Шурик как-то из дома принес красную ткань — не знаю, атлас или шелк, и разрезал, стал дарить, в основном девочкам.

Через некоторое время у нас в школе показывали кино, а утром он пришел в школу раньше всех и одну коробку ленты утащил, а в перемену рвал на куски и раздавал ребятам. Вот тогда и уехал он из деревни от страха, что его посадят.

Через полтора или два года он приехал домой, и с нами же работал в колхозе. Вот тогда, я как сегодня помню, он говорил: «Не зови меня Шакиром, а зови Шуриком». Конечно, я писал уже об этом.

Вот ты пишешь: «Вспомни, какие у него глаза, нос. Досконально не помню, а вот зубы у него (верхние) были широкие и редкие. Это я хорошо помню.

Работали мы тогда около озера, кажется, называлось Юшалы...

И меня настигла его участь, я был в детдомах и приемниках. Когда встретил Шурика в Уфе, их было несколько человек, не помню — шесть или семь. Я с ним поздоровался, говорю: «Здравствуй, Шакир», а он рассердился. Мы отошли от ребят и он все сказал: «Я сейчас Матросов Александр, и при этих ребятах ты больше меня так не зови. Ты же сам знаешь наши законы».

Они были в так называемом отгуле. Ходили в кино. Я его спросил, где же теперь находится. Он рассказал, что живет где-то недалеко от Уфы, в детколонии. Там их учат, они работают по четыре часа... Одет он был в простой костюмчик, из-под рубашки была видна тельняшка. Штаны были заправлены под носки, обут в какие-то полуботиночки. А так досконально уже не помню, в каком году это было, но мне кажется, что в 1939.

Он все звал меня с собой: «Я тебя тоже устрою, будешь со мной в одной группе». Я не согласился, и мы расстались.

В письме все не опишешь, а вот при встрече все можно было бы вспомнить и поговорить. Ведь сколько еще односельчан, которые знают нас с малых лет... На этом кончаю писать. До свидания. Дай ответ. Что написал — хорошо ли, плохо ли — это уж вам судить.

Г. Черников.

23 декабря 1985 года».

Вот так произошло мое заочное знакомство с главным информатором. Однако после получения письма, хоть и содержавшего интереснейшие сведения, возникли вопросы: у Газнави Иргалина-Черникова, по его признанию, были родители, но почему тогда он жалуется, что все случилось из-за беспризорности? Вообще, можно ли верить тому, что Черников и Иргалин одно и то же лицо?

Снимая эти сомнения, Фуат Асадуллин сообщил следующее: «Газнави был моим соседом. Родился в 1926 году. В детстве вместе ходили на рыбалку, по ягоды, пахали и бороновали пашню. Поскольку он жил у мачехи, его постоянно обделяли. Поэтому он не раз покидал деревню.

В августе 1952 года он приехал в деревню Кунакбаево. Чисто говорил по-русски, башкирский язык уже не знал. Сказал, что фамилия его сейчас не Иргалин, а Черников. Показал паспорт. Хоть я и был фронтовиком (мне было тогда 27 лет), я почему-то испугался Иргалина-Черникова, не понравились его повадки, то, как он разговаривал. Наверно, поэтому его словам о том, что Александр Матросов из нашей деревни, не придавал особого значения. Так прошли годы. Со временем стали дорожить участниками войны, и я подумал, вдруг что-нибудь получится из нашей истории».

Письмо Асадуллина я воспринял как упрек журналистам и в то же время просьбу помочь ему. Следовало попытаться хоть как-то разобраться в этом путаном деле, самому съездить в Кунакбаево. Для начала, быть может, обратиться к читателям газеты? Значит, нужно поставить в известность обо всем редактора.

«ШЕФ» ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ

Газетой с недавних пор руководил Мансур Аюпов, филолог по образованию, с разносторонними интересами, крутым характером человек. Сегодня у него, кажется, с самого утра не было настроения. То ли от того, что «шеф» да-

же глаз не поднял, то ли я сам был подавлен сомнениями, но рассказ о письме Асадуллина получился сбивчивым. А так хотелось изложить все не торопясь, заинтересовать редактора, наметить план. Он молча выслушал меня и, наконец, оторвал взгляд от стола. Однако в его взгляде за сверкнувшими очками я прочел удивление: «Не свихнулся ли старина?» Редактор знал, что я не так уж часто захожу к нему в кабинет и тем более по пустякам. Тем не менее он не произнес ни «да», ни «нет». Как сидел, так и остался сидеть. Недовольный собой и им, я тихо закрыл дверь. Впрочем, зачем обижаться? Газета — не та вещь, с которой играют. И не частная лавочка редактора. Опубликовав непроверенные факты, можно попасть впро- сак.

Однако чувствую: официальное обращение к руководству газеты для меня не прошло даром. Мысль работала направленно. Да, надо немедленно выехать в Учалы. Но отправиться в поездку быстро не удалось. Пришлось пока ограничиться письмом к Черникову, в Хаджентонский район Ленинабадской области.

А имеющиеся письма Григория Черникова уже пошли по рукам в редакции, их обсуждали, в спор включились посетители, в том числе и ветераны войны. Излагая свой взгляд, я хотел проверить, как люди его воспримут. Никто не оставался равнодушным: одни, не скрывая удивления и восхищения, настойчиво предлагали продолжить поиски, другие, напротив, многозначительно ухмылялись, а третьи, как только начинался разговор о Матросове, переводили его на другую тему. Особенно странным показалось поведение старейшего журналиста Г. К. Базекина. Бывший военный, подполковник в отставке, родом с Дальнего Востока, но давно осевший в Уфе, Георгий Кириллович года два назад выпустил аккуратненькую книжечку-альбом под названием «Музей Александра Матросова в Уфе». Беспокойный литератор, несмотря на преклонный возраст, успешно занимался поисковой работой, нашел в том числе доселе неизвестные фотографии А. Матросова и включил их в свое издание. Однако, как бы красочен и интересен ни был альбом из 60 страниц, по содержанию он не отходил от привычных штампов: Саша был очень дисциплинированный, старательный мальчик, являл пример другим, с малых лет готовил себя в герои. Матросова воспитали: пионерская и комсомольская организации. Однако не исключено и то, что могли остаться и неиспользованные документы, воспоминания, какие-то факты, что нередко бывает при подготовке книги.

Базекин часто заходил к нам в редакцию и, будучи некогда страстным охотником, следопытом, вспоминал разные случаи и рассказывал всякие байки. Слушать его было интересно, однако, как только я начинал говорить Матросове, он делал вид, что это его несколько не касается, переводил разговор на другую тему.

Однажды я не стерпел и не совсем корректно прервал его:

— Вы, Георгий Кириллович, рассказываете, конечно интересные вещи, но вот других слушать не умеете.

Осекся Георгий Кириллович, сделал удивленное лицо, долго сидел молча, а потом все же немного раскрылся и рассказал несколько заслуживающих внимания эпизодов

«Много лет назад мне приходилось беседовать с неким Коростелевым, — вспомнил Базекин. — Он работал в Уфимской детской колонии шофером. Однажды возил «колонистов» в какой-то совхоз. Матросов был назначен старшим, его пришлось взять в кабину. По дороге разговорились. На вопрос, где он родился, Матросов ответил, что родился в Башкирии, на какой-то железнодорожной станции». К сожалению, Г. Базекин не мог вспомнить названия той станции.

Узнав, что Коростелев жил в Орджоникидзеvском районе г. Уфы, на следующий же день я попытался найти его, но выяснилось, что он умер.

Г. К. Базекин рассказывал также о своем знакомстве с бывшей заведующей учебной частью Уфимской детской колонии Л. В. Корепановой и услышанном от нее интересном эпизоде. Как-то Лидия Васильевна зашла в библиотеку и застала там оживленно болтавших ребят. Они не заметили завуча и продолжали свой разговор. Она прислушалась. Саша со смехом откровенничал, как он, устраиваясь в детдом, назвал своим родным местом город, в котором ни разу в жизни не был.

Г. К. Базекин, поведав об этом, выразил сожаление, что в свое время не взял у Л. В. Корепановой справку за ее подписью.

— Маленьким, но все же документом послужила бы, — сказал он.

— Ну, тогда хоть Вы сами дайте мне такую бумажку. О том, о чем услышали, — попросил я Георгия Кирилловича.

Он сделал вид, что не расслышал. Потом несколько раз давал обещание, что выберет время, напишет и принесет. Мы по этому поводу созвонились по телефону. Но прошло несколько месяцев — и до меня дошла горькая

весть: скончался Георгий Кириллович... Вот ведь как бывает.

Еще одну тайну, раскрытую мне Базекиным, потом подтвердил и другой человек. Однажды в Уфу приезжала женщина из Нижнего Тагила. Выдавала себя за сестру Матросова, горько плакала из-за неверия других. Она возложила цветы к памятнику А. Матросова. Чем мог помочь ей Базекин, к которому она обратилась? Понятно, ничем. Правда, он написал письмо в милицию Нижнего Тагила с просьбой установить личность просительницы. Но из этой затеи ничего не вышло.

«Странную женщину» видели и в Кировском райвоенкомате Уфы. Об этом сообщил ветеран Великой Отечественной войны М. С. Уметбаев: «Я в начале 70-х годов служил начальником 4-го отделения Кировского райвоенкомата. Как-то ко мне в кабинет заходят две женщины примерно лет 50-ти и одна из них заявляет, что она является родственницей А. Матросова. Они приехали, кажется, из Челябинской или Свердловской области.

Я, будучи новым человеком в военкомате, обратился к своим сотрудникам — Жанне Константиновне Даниловой, Антонине Александровне Путинцевой и Фаине Мухаметовне Галеевой, которые заявили, что таких «родственников» у Матросова было много...

Все же я поднял книгу призывов периода Великой Отечественной войны и нашел имя А. Матросова, призванного из нашего военкомата.

О женщинах я доложил райвоенкому полковнику Мардимасову Николаю Яковлевичу, который сказал мне с юмором: «Много таких было и не удивляйся, если у тебя появятся родственники Николая Гастелло».

У этих женщин с собой были какие-то письма и маленькая фотография мальчика шести-семи лет. Я посоветовал им обратиться в МВД, в чьем подчинении была колония им. Матросова, так как райвоенкомат не располагает другими данными.

Конечно, этот случай мне показался странным, поскольку о нем написано столько книг, статей и очерков, в биографии А. Матросова белых пятен не должно было быть.

М. С. Уметбаев.
10 октября 1988 года.»

Вот когда была упущена возможность узнать тайну! Прояви полковник чуточку внимания к посетительницам,

побеседуй с ними без предвзятости, кто его знает, может мы уже давно добрались бы до истины!

Но как бы ни было, можно предположить: если наш поиск завершится удачно, пожалуй, его результаты не только раскроют истоки героизма простых советских солдат, но и трагедию семьи Матросовых и их близких. Тогда, вполне может быть, сумеем помочь и тем неизвестным женщинам, обивавшим пороги военкоматов, других учреждений. Чем черт не шутит. Во всяком случае, с первых же шагов этой поисковой работы в лицо будто дыхнуло горячее пламя далекой войны...

Скоро мне представилась возможность выехать в Кунакбаево. Как-то редактор стал вызывать к себе одного за другим заведующих отделами газеты. О чем будет беседа — все догадывались. Начиналась подписная кампания, борьба за тираж газеты, а это значило: уйти от «текучки» и постараться дать читателю необычные материалы.

Каждый вносил свои предложения. Я, недолго думая, напомнил тему о Матросове. Редактор несколько не удивился, очевидно, помнил о нашем разговоре. Он сразу же, будто ждал этого момента, предложил свой план работы.

Наметки «шефа» первоначально были крайне просты: срочно пойти в райвоенкомат и найти «Личное дело» А. Матросова, не позднее завтрашнего дня побывать в Уфимской детской воспитательной колонии и изучить все, что там есть, а затем связаться с республиканским ЗАГС-бюро. Все это необходимо сделать срочно. Причем от повседневных редакционных дел никто тебя не освобождает. Как все осилить? А Аюпов, давая понять, что в данном вопросе все предельно ясно и решение уже принято, остальное выполнить кое-какие формальности, произнес:

— Что еще нужно?

— Ничего, — сказал я. — Мне сегодня же надо выехать в Кунакбаево.

«ШТАБ» СОВЕТУЕТСЯ

С запада, со стороны громадной и хмурой Иремели, на город тяжело ползли темные облака. Как раз перед рассветом прошел сильный дождь, и под ногами противно хлюпала вода.

Вообще-то до деревни рукой подать — всего четыре-пять верст. Если выйти к окраине города, можно поймать попутку.

Кунакбаево делится на две части. Первая, ближняя улица, тянется вдоль тракта Учалы—Белорецк. Здесь вплотную к дороге стоит здание правления колхоза и сельского совета. Недалеко виднеются магазин, автога-раж, школа. А на другой улице, на том берегу речки, нет общественных зданий. Быть может, поэтому там все спо-койно и тихо. И дома, словно прислушиваясь к мирному течению Кандыбулака, равнодушно наблюдают за жизнью на другой стороне.

Мой давнишний друг, председатель колхоза, послал за мной к гостинице машину, встретил у конторы. Но когда понял, что корреспондент не интересуется жатвой, потерял к нему всякий интерес, укатил в бригаду. Женщины, за-нятые писаниной в сельском совете, отправили посыль-ного на ту вторую улицу за Асадуллиним. Скоро появил-ся и он. Человек в годах, запыхался. Но не подал виду, поздоровался, широко улыбаясь. Познакомились. Для того, чтобы обговорить все, решили пригласить еще трех-четы-рех сельчан.

Пока собирались, поговорили о Газнави Иргалине.

— Написал ему письмо в Таджикистан, — сообщил я. — Только почему-то ответа нет.

— Так ведь умер он, бедолага, — вздохнул Фуат-агай. — Эпилепсией мучился...

— То-то, ни слуху ни духу. А где он работал?

— В Белорецке, на канатно-проволочном заводе. А по-том рабочим в Ташкенте. Перед пенсией был мастером на швейной фабрике.

Приглашенные задерживались. Люди встречали стадо с пастбища. Асадуллин решил, видимо, терпеливо дожидаться односельчан. Он навалился широкой грудью на край стола и заговорил:

— Отправил, браток, тебе письмо и долго размышлял о Шакирьяне. Вспомнил свое детство, молодые годы, — Фу-ат агай призадумался. — Отец мой в летние месяцы в кол-хозе был пожарником. Коротал дни на пожарной каланче. Там же, в сарае, содержали самых быстрых скакунов. Раньше в Учалах сабантуи тянулись по два дня. Повесив на дуги звонкие колокольчики, разукрасив коней, приез-жали гости из Байрамгула, соседних хозяйств. Все в на-циональных костюмах. Приезжали обычно под вечер и располагались на берегу реки. Ночевали. А я тут как тут. На два дня занимался к табунщику и помогал пасти ко-ней. Зарабатывал на этом четыре рубля, из них два от-давал матери, а на оставшиеся покупал пряники и семеч-ки. Словом, устраивал свой пир.

Деревня Кунакбаево Учалинского района

«Почему рассказывает об этом Асадуллин? Наверно неспроста», — подумал я. Нет, Фуат Гильмутдинович скорее всего хотел обрисовать мне ту атмосферу, в которой жил сам, а также Шакирьян. Так оно и вышло.

— На пожарной каланче, на сбитых из жердей и застланных сеном настилах проводили мы время, — продолжил Асадуллин. — В 50—60-ти метрах от нее стояла избушка Юнус агай. Сам он был инвалидом, не работал вот и ковылял в сторону пожарки. За ним следовал Шакирьян.

— Юнус агай был мастер рассказывать разные небывальщины. Например, такая байка у него была. Якобы он вместе с Лениным прятался на Иремели, был и в Бухаре, спал его в пустыне. Будто бы за это Ленин одарил его богатством, а Юнус спрятал драгоценности на огороде. За тем, велел следовать за ним, тыкал палкой то в одно, то в другое место и приговаривал: «Кажется, здесь я зарыл золото с серебром, а вон там должен быть бочонок с чистым дегтем».

Или якобы их самолет, где пассажирами были Ленин Сталин и Юнус, из-за нехватки керосина совершил вынужденную посадку на Иремель. Все проголодались — что делать? Юнус быстренько спустился с горы, подстрелил дичь, устроил ужин и вдобавок притащил бочку с горю-

чим. Вот так он спас вождей, а те хвалили старика: «Ай да молодец, Юнуска!» Мы, пацаны, верили сказкам... Когда надоест слушать старика, бежим к реке.купаемся, пугаем тут же плавающих гусей. Или, чтобы узнать, кто сколько раз женится, пускаем по воде гладкие камушки. Больше всех «невест» бывало, конечно, у Шакирьяна. Из-за крайней бедности он одевался хуже всех, но никогда не унывал. Особенно мастерски он играл в бабки, альчики и выигрывал у нас.

Кажется, после 1932 года стали показывать «немое» кино. Его привозил из села Асыулы (Учалы. — Ред.) Сафаргали Хайбуллин, сам демонстрировал фильм, сам же говорил вместо диктора или начинал петь протяжные башкирские песни. Электричества не было, поэтому «безбилетники» вместо денег отдавали Сафаргали свои шапки и «крутили динамо». А тот, уезжая в Учалы, за деревней их выкидывал. Но в следующий раз мальчишки снова пускали в ход те же самые ушанки.

Так же ходил в кино и Шакирьян...

Асадуллин прервал свои воспоминания, так как в дверях появилась женщина со смуглым лицом. Это была учительница пенсионерка Лиза Миндияровна Бакиева.

— Простите, кажется, опоздала, нет? — спросила она впопыхах и стала оправдываться. — Замесила тесто — пришлось задержаться.

В комнату вошел еще один приглашенный — Заманов Габдрахман. У подъезда конторы промелькнул красный «Москвич» — значит, подъехал и Хидиятов, сейчас зайдет сюда.

Вот и собрался весь наш «штаб». Мы беседовали около двух часов. Как будто затронули все вопросы, но я все больше высказывал свои сомнения, а они, в свою очередь, раз за разом дружно сводили их на нет. Затем строили догадки, думали, как вести поиск, кто чем должен заниматься.

— Все же мне не дает покоя утверждение Иргалина, — напомнил я еще раз. — Вот вы скажите мне, почему я должен верить ему? Почему Иргалин не раньше, а только сейчас решил раскрыться?

— А это очень просто объяснить, — возразил Асадуллин. — Не забудьте, какую он жизнь прожил. Начав оформлять пенсию по старости, боялся, как бы ему не напомнили молодость. Ведь могли же поставить препоны? Могли. А уж когда оформил документы, успокоился, решил все предать огласке. Это тоже не сбрасывайте со счетов.

— Да что там сомневаться!.. Не один же Газнави го-

ворит о Шакирьяне, — вмешалась в разговор Бакиева. — Знаете, я об этом слышала еще 35 лет назад.

— Как, в 50-е годы? — удивился я. — И с тех пор молчали?

— Почему молчали... А что значил наш голос? Сколько раз пытались доказать правду. Но все старания сводились на нет... Вернувшись с учебы, я работала в Учалинской средней школе. Оттуда в 1953 году РОНО направил в Кунакбаево. Сказали: будешь учительствовать и вести пионерскую работу. Ладно... Приступила к делу с энергией, присущей молодым. Поинтересовалась, какие названия носят пионерские отряды. Перед детьми поставила такую задачу: имя какого героя носит отряд, о том герое собрать и материал. Потом сделать альбом. Однажды, когда просматривали записи о Матросове, кто-то из учеников говорит: «Апай, а дед мой сказал, что Матросов родился в нашей деревне». Я оторопела, не поверила, но с нетерпением дождалась окончания урока. Как только прозвенел звонок, я напрямик к тому дедушке. Он на мой вопрос довольно скупно произнес: «Да, он сын Юнуса». Больше ничего внятного я от него не услышала, но он дал совет обратиться к сведущим старикам. А их тогда было мало...

— И что дальше?

— Посоветовалась с коллегами. «Мы знаем столько же, сколько знает старик, — говорят они. — Вот только нет доказательств».

— Вот-вот. Сами себе мешаем, — проворчал Фуат агай.

— Но этот случай долго не давал мне покоя. Вышла замуж, пошли дети. На некоторое время все как будто забылось. Но как только встала на ноги, дай-ка, думаю, возобновлю дело. Свое намерение высказала Миргазиму.

— А кто это Миргазим?

— Да муж мой! Ты, говорю, конечно, моложе Шакирьяна, но все равно, может, что-нибудь слышал? А он мне: «Чему тут удивляться? Люди ведь не зря говорят, и мне самому приходилось с ним встречаться». Вот те на! Совсем озадачил меня мой муженек. После этого я прочитала все журналы, все книги о Матросове. Было это в 1957—1958 годах. Муж велел посоветоваться с Фуат агаем, добыть адрес Газнавия.

— Только слишком долго пришлось искать его адрес, — сожалеюще показал головой Асадуллин. — Нашли, списались. Потом начали посылать письма в разные концы. Обращались и в Министерство обороны, и в Центральный Музей Советской Армии, и в Днепропетровск. Наверно, не

осталось органа, куда бы ни послали запросы. Но отовсюду один и тот же ответ: «У нас никаких данных нет». Странно получается: человек совершил подвиг, а о нем нигде ничего нет.

— А что ответили из Днепропетровска?

— То же самое — нет. Туда съездили учащиеся во главе с учителем Фаритом Нугумановичем Султановым и вернулись изумленные: построен огромный музей, а о Матросове, кроме одной старенькой фотографии, ничего нет.

— Вы, наверное, знакомы в Уфе с Анвером Бикчентаевым? — продолжила Бакиева. — Он в своем романе писал о том, что Саша готовил побег из детдома, как он около недели где-то пропадал. Писатель вспоминает конец 1941 года. Именно в этот период Шакирьян приезжал в Кунакбай. Я через знакомого послала письмо к Бикчентаеву с просьбой написать, на какие факты при работе над этим эпизодом он опирался. Мой знакомый вскоре известил меня о том, что Бикчентаев об этом даже слышать не хочет: за книгу «Орел умирает на лету» он и так достаточно пострадал.

Долго мы слушали Лизу Миндияровну. Нельзя было не восхищаться этой энергичной женщиной, работавшей учительницей, вырастившей кучу детей, занятой и сейчас общественными делами. Все на ногах, все второпях — вот и сейчас на щеке, как пудра, белый след муки — возилась до нашей встречи с тестом. Почему она снова взялась за поисковую работу, хоть и дома дел невпроворот? Словно читая мою мысль, она продолжила:

— Шакирьян-Саша никем мне не приходится. Но приехав в Кунакбаево и выйдя здесь замуж, я начала жить мечтой, которую осуществить была не в силах. Я ей и дальше не изменю. Те, кто отвергнет наши доказательства, пусть сначала найдут нам Шакирьяна. Был бы жив Шакирьян, как и Газнави, рано или поздно вернулся бы в свою деревню, или как-то дал знать о себе. Разве не так?

Бакиева как будто с кем-то мысленно спорила и была готова в клочья разорвать своего противника. Почувствовал это и Хидиятов.

— Лиза Миндияровна, — сказал он, улыбаясь, — вы переволновались. Давайте сделаем так...

— Подождите, а что скажет Заманов? — С этими словами я повернулся к суровому на вид человеку, прислонившемуся к стене у окна. — Ведь это вы, Габдрахман агай? Вы вроде были близким товарищем Шакирьяна?

— Нет, я по годам намного моложе его. Родился в 1930 году. Но все перед глазами... Моего отца звали Хаер-

Учительница Лиза Бакиева

Габдрахман Заманов (дер. Ку
накбаево)

заман. Фамилия Кутлузаманов. Уроженец этой же деревни. Здесь и жил. Юнус почему-то звал его зятем. Отец мой был слеп на оба глаза, но умный был старик. Юнус тоже был слаб зрением и, помню, то ли в конце июля, то ли в августе 1941 года, Шакирьян привел его за руку. Старики долго беседовали.

— Ты не о стариках, а про Шакирьяна говори, — нетерпеливо перебил его Фуат Асадуллин.

— А я что делаю?.. Русский Шакирьян знал хорошо. Был в черном костюме. Мне показалось, что костюм был с подплечниками, я даже попробовал нажать на плечи. Одет был еще то ли в голубоватую, то ли в светло-серую рубашку. Без фуражки. Прическа была короткая, волосы торчали. Зубы белые, крупные.

— Как же вы запомнили столько подробностей?

— Обычно пережитое, увиденное в детстве, надолго остается в памяти... Я был мал, и он вряд ли замечал меня и придавал значение. И все же, пока взрослые чаевничали, он смастерил мне игрушку... Дней десять-пятнадцать Шакирьян оставался в деревне, а потом исчез.

— Вот вы сейчас все говорили Юнус да Юнус. А как его фамилия?

— Должно быть, Мухамедьянов, — неуверенно произнес Фуат.

— Почему Мухамедьянов? Наверно, Мухаметрахимов? — возразила ему Бакиева.

— Нет, это мнение, бытующее в деревне, ошибочно. Фамилия «Мухаметрахимов» принадлежит той женщине

которую Юнус привел со стороны, — начали растолковывать остальные присутствующие. — Жена, когда получала муку на складе, ставила в ведомости именно эту фамилию. Ведь сам Юнус не работал, ему муку не выдавали. А почему же тогда фамилия младшего сына Юнуса — Юсупов? — вмешался Хидиятов.

— Не Юсупов, а Юнусов.

— Но ведь так не бывает: Юнус Юнусов!

— Постойте, о каком «втором» сыне толкуете вы?

— Он в Уфе живет. Шофер. Зовут Муртаза. Как-то приезжал домой, к тете по материнской линии. Кажется, к Галие Курбангалиевой тоже заезжал. Адрес тебе найдем. «Вот тебе еще сенсация! Поразительно: родной брат Матросова, да еще живет в Уфе!»

— Об этом лучше всех скажет старуха Хасби. Быть может, заглянем к ней?

— Да, неплохо бы обойти и других, а? — посмотрел я на Хидиятова.

Председатель сельсовета не возражал. Но в его взгляде промелькнула растерянность: он, как мне показалось, начал раскаиваться в своем почине. А Асадуллин, напротив, похоже, вошел в раж, он остановил собравшихся уходить односельчан:

— Подождите, не торопитесь, мы же ничего не выяснили! Например, как зовут мать Шакирьяна? Вообще-то мне говорили — Муслима. Допустим, что это так. И еще... Поговаривали, у Юнуса был еще один сын — Загидулла, по-старше Шакирьяна... Загидулла или Ахметзагит... Я интересовался. Одни говорят, не было такого, другие утверждают, что был, уехал в Челябинскую область. Вот найти бы его. Приходилось слышать и о том, что в семье была еще какая-то девочка. Будто Юнус привез ее откуда-то во время гражданской войны. Другие не помнят ее. Если и была, говорят, вскоре умерла.

Словом, надо было искать, не впадать в уныние. В такие моменты лучше всего идти к людям, советоваться с ними. Помогут только они, простые деревенские жители, не испорченные ни газетами, ни лекциями, не засорившие свою память случайными сведениями, хранящие удивительную память о том, чему были свидетелями в детстве или юности. В своей журналистской практике я не раз убеждался в этом.

... Итак, мы с Хидиятовым направились на вторую половину деревни. Автомашина, проехав по узкому насыпному мосту через Кандыбулак, свирепо урча двигателем, начала всходить на крутой яр, взобравшись, чуть взяла

вправо и вошла в узкий переулок. Давая дорогу машине, к плетню прижались две старушки. Хидиятов велел шоферу остановиться.

— Бабушки, здравствуйте! Скажите, где стоял домик Юнус бабая? Не помните?

Старушки даже не стали допытываться, что за Юнус. Та из них, что была выше и одета в телогрейку, ткнула пальцем в соседний огород.

— Здесь он был. Впрочем, его домом-то нельзя было назвать. А теперь и вовсе ничего не осталось... — Старуха крест-накрест сложила руки на суховатую палку и горестно положила на них подбородок.

На указанном месте чернела земля. Чей-то участок под картошкой. Чуть дальше, на следующем огороде, видимо, стояла пожарная каланча. Но и там посадили картофель.

— Шакирьяна я тоже помню. Как он тут играл, — подала голос одна из женщин, ее звали Гульшагар Ахмадиева. — За ними же Хасби присматривала. Вы бы к ней съездили.

Утопая в жидкой грязи, мы направились к южному концу улицы. На нижней стороне за дощатыми воротами во дворе слышался звук ручной пилы. Хидиятов толкнул ворота. В глубине двора старуха пилила дрова. Одна. А говорили, ей 82 года.

Старуха, хоть и заметила незнакомых гостей, все равно не выпускала из рук пилу и продолжала стоять, готовая снова продолжить работу. Пришлось без приглашения подойти к ней. Мы задали ей несколько вопросов.

— Да, Юнус приходится мне зятем, — сказала Хасби. — Жили трудно. В 1921 году сестра Фархиямал отправилась на заработки и вернулась с зятем Юнусом. Держась за руки, можно сказать... Да, верно сказали, сестра померла в 1943 году. В больнице, в селе Учалы. У нее было двое детей, оба померли тоже. Младшенького звали Лутфуллой, и до трех лет не дожил. Старший — Муртаза. А Шакирьян — он остался от прежней жены. Когда вернулась Фархиямал, его уже дома не было... Зять все твердил: «Эх, где мой Шакирьян, где мой сын». Очень скучал по нему. Позже хвалился, что его сын погиб героем. Все помню... У меня самой тогда четверо детей было. Да к тому же надо было ходить на колхозную работу...—Последние слова прозвучали так, как будто она оправдывалась в чем-то. — Прихожу однажды с работы, а Муртазы и след простыл. Ушел от нас. Зять после смерти два дня лежал дома, и никто об этом не знал. Когда узнала, побежала в сельсовет, дали мешок завернуть по-

койника, о белой ткани и мечтать не могли. Было это не то в 1943, не то 1944 году.

Попрощавшись со старушкой, мы поехали к Закире Каримовой.

— Не знаю, был ли Загидулла у Фархиямал, — отрицательно покачала она головой. — А вот Муртазу помню, приходил ко мне... Правильно, Шакирьян, говорят, героем был. А тому, что никто толком подтвердить не может, удивляться не надо: очень уж они бедны были. А сытый голодно-го не разумеет.

Заглянули и в дом Фагили Шаймардановой. Нас информировали, что она, начиная с 1919 года, жила по соседству с Юнусом. К сожалению, бабушка оказалась глухой. Дочь ее, домохозяйка, оказавшаяся рядом, старалась хоть как-то нам помочь, кричала матери в ухо, но кроме ответа: «Да, я знала Шакирьяна», — ничего не могла добиться. Наконец она уступила свое место Хидиятову.

— Как звали первую жену Юнус бабая? — громко спросил председатель сельсовета.

Старая женщина немного подумала и, вспомнив, произнесла:

— Да-да... Ее звали Муслима.

Значит, мать Шакирьяна звали Муслимой.

Теперь осталось выяснить ее фамилию и из этой ли она деревни? А кем же тогда приходится Шакирьяну Фархиямал? Вероятно, мачехой. Раз Юнус был женат на ней...

В этом же доме нам подсказали, что надо повидаться с Магинур Каримовой, сохранившей хорошую память.

Эта была горбатая, но с очень приятным лицом, ясными глазами, пожилая женщина. Очевидно, в молодости слыла красавицей.

— Отец мой работал бухгалтером в колхозе, — не топясь стала рассказывать Каримова. — Поэтому хорошо помню, как они приходили в правление. Старик Юнус был инвалидом. Первую его жену не помню. А Фархиямал убирала помещение правления. Ее сын, младший брат Муртазы, умер с голода. Вся семья жила в старой бане. А потом переехала в правление. Но председатель, приезжий

Хасби Юнусова (дер. Кунакбаево)

со стороны человек, как только устроился на квартире, назначил домохозяйку сторожем правления, а Фархиямал уволил. Несчастливая не раз приходила к нам и говорила, что сильно голодают... Бедняги, все кончили голодной смертью.

Шакирьяна я помню. Нет, не буду брать грех на душу его не обижали.

Да, в деревне было что вспоминать и кому вспоминать. Но чем чаще мы стучались в двери, тем больше становилось горьких раздумий о том времени, в каком жили Шакирьян и его родители, все сильнее сжимала сердце тоска. Не покидало чувство, что мы с представителем советской власти Хидиятовым, обходя деревню, занимаемся ничем иным, как сбором горя и печали. Показалось даже, что скудность тридцатых годов и не думала покидать этот в общем-то благодатный край, а крепко зацепилась за эти старенькие дома. Наверное, мы вызывали раздражение у этих людей: топчем пороги, расспрашиваем о давно минувших годах, когда у них своих забот хватает. Нет, пожалуй, это была минутная слабость. Я несправедлив к жителям деревни. В какой бы дом ни заходили, хозяева их, здоровы ли, больны ли, есть время или нет, приветливо встречали незваных гостей, любезно приглашали присесть и охотно делились своими воспоминаниями о Шакирьяне. Разве могут эти люди в корыстных целях что-то скрыть или схитрить?

ТЕНЬ КАТИЛА

Гостиница города Учалы. В здании тишина. Потому что сегодня воскресенье — одни выехали, другие еще не въехали.

Ночью спал плохо, хотя устроился в уютной комнате. В ушах все еще звучал глуховатый голос Фуат агая. Он вчера перед прощанием рассказал легенду. Нельзя сказать, что она была очень уж увлекательная, тем более, что я ее где-то или читал, или слышал — только в несколько ином варианте. Однако предполагаю, что рассудительный Асадуллин неспроста поведал мне ее.

«Мой отец целыми днями читал (а что же еще делать в пожарке?) старинные книги, удивляя Юнус бабая и тем более нас, пацанов, — так начал вчера рассказ Фуат Гильмутдинович. — Якобы когда-то, желая отобрать земли мусульман, из-за высоких гор постоянно нападали гяуры. Люди не знали от них покоя. Как раз в те времена среди

мусульман родился мальчик, который стал невиданно расти, набираться сил и к пяти годам уже ломал копыя меж пальцев, а в восемь лет парня прозвали Катил-богатырем. В шестнадцать лет ему не подходил уже ни один конь, его крепкого тела не выдерживали хребты даже матерых скакунов. Однажды, когда воины вышли встречать врагов-гяуров и выстроились на берегу моря, из лесу вдруг выскочило огромное, страшного вида животное с горящими в темноте глазами и с одним-единственным острым рогом. Бык, напав на скопище мусульман, сбросил многих в морскую пучину. И вдруг навстречу чудищу кинулся Катил-богатырь... Два дня и две ночи боролись они. Когда силы покинули чудище, Катил уселся на него верхом и стал объезжать вместо коня...

Мы с Шакирьяном сидели возле каланчи и боялись даже шелохнуться, с упоением слушали моего отца. Шакирьян, не сдерживая своих эмоций, прицокивал языком. Мы снова и снова умоляли прочитать эту чудесную сцену борьбы.

К сожалению, мы не смогли стать такими, как Катил-батыр, но оба мечтали быть сильными, ловкими и никому ни в чем не уступать, — произнес под конец Асадуллин. — Когда сказки отца и его друга Юнуса надоедали, мы бежали купаться — благо, река была совсем рядом, под яром. Было приятно: стоит жара невероятная, а ты в воде — выходить не хочется! А однажды наш сверстник Вакиль Валиуллин (он не умел плавать) ушел далеко от берега, попал в водоворот и его закрутило. Шакирьян тут же кинулся в воду и вытащил его...»

Асадуллин, надо полагать, давно про себя решил, что между Шакирьяном и Матросовым есть прямая связь, и, очевидно, поэтому готовил меня психологически к этой истине.

От раздумий у окна гостиничного номера меня оторвал неожиданный стук. Предо мной в двери предстал пожилой, худощавый мужчина. Глаза светлые. Похоже, человек пришел ненадолго и спешил. Я пригласил его в комнату. Познакомились. Он представился: Сахиулла Абдрахманов. Оказалось, мы заочно знакомы. Некогда я с его сыном работал вместе в одном коллективе, а в дальних поездках он был для меня вместо родного сына. Это обстоятельство сыграло свою роль, и мы с его отцом с первых же минут прониклись друг к другу искренним доверием.

Вчера на беседе со «штабом» С. Абдрахманова не было, его почему-то не пригласили, и вот он с раннего утра поспешил в город.

Сахиулла Абдрахманов, ветеран войны (дер. Кунакбаево)

Абдрахманов молча протянул вырванный из тетради исписанный лист. Читаю: «Шакирьян командовал во всех играх. Был очень смел. В 1939 году приезжал домой, тогда я видел его последний раз. Сказал, что учится и работает в Уфе... После войны, в 1956 году, вернулся Иргалин Газнави и заявил: «Ребята, а ведь Александр Матросов — это наш Шакирьян Мухамедьянов!». «А почему он назвался Александром», — спросили мы. Иргалин примерно объяснил так: «В колонии нерусских сильно почему-то обижали, и он поэ-

тому выдумал себе русское имя».

Абдрахманов, очевидно, решил, что свой долг исполнил и, попросив принять тетрадь как убедительное доказательство, больше не стал задерживаться.

В этот же день мне вручили еще одно послание — оно было от Миргазима Каримова. «Мне довелось встретиться с Шакирьяном в начале июня 1941, — сообщал он. — Мне тогда шел двенадцатый год. Он пришел к реке, где мы купались. Его сверстники воскликнули: «О! Шакирьян вернулся!» А он спокойно произнес: «Ребята, ваш агай теперь уже не Шакирьян, а Саша. Так и зовите». «Каким ветром тебя занесло, откуда ты?» — допытывались мальчишки. «Эх, ребята, где только я ни бывал! А вот сейчас прибыл с Украины», — задумчиво ответил Шакирьян. «Ты же вроде в детдоме жил?» «Сегодня я здесь, а завтра — там. Где я нахожусь, кроме меня самого, никто не знает», — добавил он. Одет он был довольно-таки культурно: в тельняшке, поверх нее — рубашка с засученными рукавами. В черных брюках и ботинках. Когда загорали на песке, предложил: «Хотите, я вам покажу фокус?» И раскрыл ладони. А там — разная мелочь наподобие гвоздя, ключа, бабки, алчигов. «Чьи, узнаете?» Мальчишки стали шарить в своих карманах. Но... вещи ребят каким-то образом оказались в руках Шакирьяна-Саша. Мальчишки с удивлением смотрели на него. Со старшими Шакирьян разговаривал только по-русски. В памяти почему-то зацепилось слово «Цыганская»... В этот

раз пробыл здесь около недели. Потом уже началась война».

Письмо Миргазима Каримова припиской дополнила его супруга Л. М. Бакиева: «Шакирьян вечером пришел в клуб. Играли «марш». Гость лихо сплясал матросский танец».

Как-то сидим у телевизора, спрашиваю у Миргазима: «А была татуировка на руке Матросова? — Миргазим засмеялся: «Да он всю грудь до живота расписал полосками наподобие тельняшки»...

Я уезжал из Учалов с блокнотом, заполненным десятками разрозненных сведений, касающихся детских лет Шакирьяна. Относятся ли они к детскому периоду Матросова, действительно ли Шакирьян Матросов — выводы еще делать рано. Чтобы проверить и перепроверить их, жители Кунакбаево назвали немало имен и фамилий бывших односельчан, проживающих сегодня в Уфе, Стерлитамаке, Верхнеуральске, Тирляне. К сожалению, их адреса были приблизительные. Придется потратить немало времени, разыскивая этих людей. Предстояло трудное разбирательство, и сложность дела неизмеримо пугала меня, но я вернулся в Уфу с уверенностью, что поиск будет успешно продолжаться.

— Как съездил? — с таким вопросом встретили на работе.

— Отлично! — ответил я побоевому, не выдавая себя, хотя на душе скребли кошки. Вкратце рассказал своим товарищам об услышанном в Кунакбаево, но умолчал о неприятном. Дело в том, что перед отъездом из Учалов я зашел в районный госархив, где ничего полезного не нашел. По словам заведующего архивом, все документы Учалинского района двадцатых-тридцатых годов еще до войны сгорели во время пожара... Правда, имелось несколько старых журналов, куда арабским шрифтом записаны имена, но пока мы искали стариков, знающих этот алфавит, прошло полдня. А там уже надо было выезжать.

Миргазим Каримов (дер. Кунакбаево)

ПАМЯТЬ ЛЮДСКАЯ

Как только в газете под рубрикой «Версия» следом друг за другом появились три очерка, в Уфе, где в общем-то не так уж много наших подписчиков, поднялся переполох. Как? Матросов родился не на Украине, а в Башкортостане? Матросов — башкир? Телефон на столе не переставая звонил — казалось, на том конце готовы были оборвать провод. Совершенно незнакомые люди, не говоря уже о приятелях и знакомых, выражали удивление и гордость.

Но я радости не испытывал. Это было чувство неясное, необъяснимое и скорее похожее на испуг. Решительность, способность идти на риск — это конечно хорошо, но... А если наша версия окажется ошибочной, что тогда?

В такой сложный переломный момент во мне все больше и больше росло чувство глубокого уважения к редактору М. Аюпову. Правда, он по-прежнему молчал, но тем не менее я чувствовал его безмолвную поддержку. Без громких слов оказывал он доверие журналисту, негласно способствовал поиску.

Я под разными предлогами то и дело заходил к Мансуру Аюпову, хотел узнать, как он реагирует на звонки. Наверняка ему тоже звонят, не исключено, что власть предержащие могут потребовать и официальных разъяснений с руководителя печатного издания. Однако редактор не очень-то распространялся. И все же однажды, не поднимая головы от стола, как бы с укором тихо спросил:

— Ну, откуда же родом Матросов?

Видимо, ему пришлось услышать упреки...

К счастью, в редакцию стали поступать письма в нашу поддержку: сегодня — два, на следующий день — три, а еще через день почта принесла пять. Мы в редакции считали, что это лишь первая реакция. А что будет потом?

Я вынужден привести лишь отрывки из первых писем:

Рашит Низамов, писатель (г. Уфа): «Очерк под названием «Откуда ты родом, Матросов?» прочитал с интересом и с щемящим сердцем, переполненным чувствами о судьбе подростка, вынужденного странствовать по стране из-за голода. Поскольку сам воспитывался в детском доме и сегодня интересуюсь бытом детей, которые живут там, общаюсь с ними, знаком с правилами, существующими официально, с порядками и неписаными законами, которые устанавливают сами ребята. Если бы Шакирьян не принял русской фамилии, он бы не прижился в детском

доме в Ульяновской области. Чтобы выжить, получить образование, освоить ремесло, человек, особенно подросток, вынужден изменить имя — обстановка заставляла. Во время войны, да и позже, мальчишек, перенявших чужое имя, было очень много. Такие случаи были и среди взрослых. Прочитав очерк, я познакомил с ним и сына. А он несколько не удивился этой новости, а напротив, сообщил следующее: «В нашем классе (50-я школа) училась Лиля Багаудинова. Ее отец воспитывался в колонии вместе с Александром Матросовым. Лилин папа нам, ученикам, при встрече с родителями рассказывал, что Александр Матросов по национальности был то ли башкир, то ли татарин. Я это знаю...» Мы тогда не поверили его словам. А теперь верю».

Таип Сагитов, инвалид Великой Отечественной войны (г. Уфа): «Какой же он был молодец, этот Шакирьян!.. Если бы он не скрыл свое настоящее имя, то не попал бы в военное училище, не завоевал доверия и не остался бы в истории... Горел желанием расти, стать человеком. Сильный, оказывается, у него был характер».

Загит Хамматов (деревня Бурангулово Абзелиловского района): «Материалы об Александре Матросове очень взволновали меня и заставили задуматься. Редакция газеты, похоже, изучает то, что было в действительности. От всех моих земляков вам огромная благодарность. Наша просьба такова — заметку об А. Матросове, известном на весь мир, надо опубликовать и в центральной печати — в «Комсомольской правде». Пусть все знают, что он был истинный башкир. Вот каков наш народ. Невзыскательный, терпеливый и скромный. С давних пор привык к трудностям, но никогда не склонял головы. Старик Юнус, зная, что сын погиб героем, не стал ничего просить или требовать для себя, иной, на его месте, наверное, кичился бы, поднял целый скандал...»

Ильяс Акбулатов, ветеран Великой Отечественной войны (колхоз «Уршак» Аургазинского района): «Очерк, опубликованный в трех номерах газеты, крайне взволновал и нас. К этому материалу я бы хотел сделать небольшое разъяснение.

Я узнал о геройстве Александра Матросова, когда служил на Дальнем Востоке, на Тихоокеанском флоте. Прошло немного времени, во флотской газете «Боевая вахта» выступил с заметкой «Мой друг — Александр Матросов» некий Зарипов (имя забыл). Зарипов рассказывал о том, что он находился в колонии вместе с Матросовым, что Саша был очень проворным мальчишкой, играл на гитаре,

умело мастерил в мастерской необходимые для дома вещи, а самое главное — Саша научил Зарипова разговаривать по-русски и сам знал по-башкирски.

После войны я писал в газету «Совет Башкортостаны» с просьбой помочь найти адрес Зарипова, но не дождался ответа. Возможно, его направили на Западный фронт, и он не вернулся оттуда, а, может быть, не прочитал газету, если, конечно, опубликовали мою просьбу...»

Салим Давлетбаев, персональный пенсионер (село Аскарково Абзелиловского района): «Я читал третью статью «Откуда ты родом, Матросов?». Там приводятся выдержки из книги П. Журбы и упоминается «Алмаз-гора, где так много драгоценных камней и самоцветов». Дальше на вопрос шофера Коростелева о месте рождения Матросов отвечает, что он с «железнодорожной станции на Южном Урале».

Конечно, я не местный, но постоянно слышу, что в селе Аскарново был детдом и он располагался как раз под горой Алмас-тау. Мне самому показывали место, где стоял детдом, где располагались столовая, колодец, пекарня — там я, как другие, сажал картошку. Алмас-тау и нынче очень богат разноцветными камнями. Мне даже известно место, где извлекали яшму в сто тонн при строительстве Петрограда. Этот детдом, судя по рассказам, перевели в село Кускарово. Детдом находился и на станции «Деревня Ташбулатово», затем его перевели в село Аскарново.

Если Матросов уроженец Учалов, а тогда руду возили со станции Ташбулатово в город Белорецк, — то вполне возможно, что Шакирьян воспитывался в этих детдомах».

С. Ф. Динисламов, партийный работник (Учалинский район): «Мой родственник из города Октябрьский Низамов Асгат в 1977 году служил в Тихорецком районе Кировоградской области. Однажды в столовой к Асгату обратился какой-то человек, спросил: «Ты из Башкирии?» — «Да», — ответил тот. «Тогда ты, конечно, знаешь Александра Матросова?» — «Знаю». «А ведь был я с ним в одном и том же лагере. Хороший был парень. По национальности он был башкир. Об этом знал только я». Жив ли, нет ли, не знаю, но, наверное, можно узнать его адрес у Асгата или написать в районную газету».

Акмурзин (обратного адреса не указал): «Здравствуйте, товарищи! В газете «Совет Башкортостаны» прочитал статью об А. Матросове. Ведь он оказался башкирским парнем! На работе рассказал об этом русским женщинам, а они не верят. Пожалуйста, опубликуйте эту статью и на

русском языке. Опубликуйте! Пусть во всех школах дети знают, весь народ прочитает и услышит. Обязательно!»

Отклики продолжали поступать. Читатели предлагали пути дальнейшего поиска: например, надо найти адрес газеты «Боевая вахта» во Владивостоке, если она существует: проверить версию об Алмаз-горе, что в Абзелиловском районе; выйти на связь с Асгатом Низамовым и т. д. Предложений хватало, вот только хватит ли времени и терпения. Хорошо, что почта стала приносить толковые, неторопливые воспоминания тех, кто видел и общался с Матросовым. А чуть позже авторы, обобщая уже опубликованное, стремились дать поиску общественную оценку. Это существенно помогло автору.

Мисбах Сайфутдинов (село Малояз Салаватского района): «Прочитав материал о Матросове, я задумался. Мои мысли о том, что Саша был башкиром, наконец-то, кажется, подтверждаются. Мне пришлось служить вместе с ним. Познакомились в Краснохолмском военно-пехотном училище. Он встретил нас с вопросом: «Кто откуда прибыл? С Урала есть?» Я сказал, что с Урала. Он показался мне родным человеком, потому что в наше училище прибыли со всех уголков Советского Союза, а Урал, кроме Саши, никто не упоминал. Потом, после знакомства, я стал размышлять, почему это наши молодые башкиры стараются разговаривать только по-русски. В то время я еще не знал, откуда конкретно прибыл Саша. Приходилось бывать с ним на дежурстве. Как-то я к нему обратился по-башкирски — вижу, понял, засмеялся, но отвечает: «Чего бормочешь?» Почему это он, будучи башкиром, не раскрылся? Я даже рассердился: научатся наши немного кумекать по-русски и тотчас задирают нос, с новичками из деревни на родном языке разговаривать избегают.

Мы жили в землянке — на одной половине рота, в которой служил Саша, а на другой — мы. При встречах кричу ему: «Здорово, башкурт!» А он в ответ: «Здорово, земляк!»

По материалам газеты можно подумать, что он мог и забыть свой родной язык. Но в условиях, в которых он жил, это невозможно. А если хотел показать себя русским, конечно, делал правильно. Но весь его облик выдавал, что он башкир. Да, он был башкиром — в этом я не сомневаюсь.

... Не прочь он был и пошалить... Бывало, сходит на станцию Платовку и принесет гороха или пшеницы, и мы карим зерно в корпусе фары от машины — еды-то не хватало.

Мисбах Сайфутдинов, ветеран войны (Салаватский район Башкортостана)

Я учился вместе с ним в военно-пехотном училище на станции Платовка Оренбургской области с сентября по декабрь 1942 года, а затем в конце декабря того же года мы выехали на фронт и до 23 февраля 1943 года были вместе — он во взводе автоматчиков, а я в артиллерии, на 120-миллиметровом миномете...»

Второе письмо М. Сайфутдинова: «Вспомнил еще один случай из жизни училища. Как-то были лыжные соревнования, где приняли участие все курсанты.

Я ходил на лыжах достаточно быстро. На тех соревнованиях обогнал многих курсантов, в том числе и Сашу. Обернулся и крикнул ему: «Что, земляк, отстаешь? Айда, со мной!» А он в ответ: «Хорошо тебе, земляк, ты из Салавата...» Саша не отстал, к финишу пришел за мной, но какое место мы заняли — нам не объявили.

...Насколько помню, он был невысокого роста — примерно 168-170 см. С широкой грудью, губы толстые, нос тупой, волосы черные. Всегда разговаривал по-русски, но по виду был башкир».

Исмагил Акьюлов (поселок Маяк Кумертауского района): «Настолько это было радостное и неожиданное событие для нас, что трудно вообразить. Газете огромное спасибо. Но Александру Матросову нелегко будет «вернуться» к своему народу под именем, которым нарекли его родители. И двери высоких инстанций будут закрыты. Мы можем опереться только на свой народ, на его силы, патриотизм, несгибаемую волю. Потребуется борьба.

Я сам с первого же очерка Рауфа Насырова поверил, что герой был выходцем из башкир. Был на седьмом небе от радости. Находились люди, которые говорили, что это сенсация и ей, мол, нужно обоснование. Даже одна учительница подняла на смех, мол, «...может и Гагарин станет башкиром?»

Повторюсь: давайте дадим импульс самоотверженному труду журналиста. Будем пропагандировать возвращение Матросова Шакирьяном. Здесь, несомненно, главную роль могут сыграть печать, радио и телевидение. Но почему-то

молчим. Сомневаемся лишь из-за того, что нет официальных документов? Но они, может, совсем не сохранились. Хотя бумагу могут «сострять», чтобы заткнуть рот журналисту. А как запретить говорить односельчанам и тем кто знал Шакирьяна-Александра? Пока они живы-здоровы, надо довести до людей настоящее имя Александра. А для этого каждый должен постараться. В каждой школе под портретом героя рядом с известным именем надо написать «Шакирьян Мухамедьянов». Необходимо дать краткую биографическую справку о нем. А из материалов Рауфа Насырова, опубликованных в газете, составить книгу.

Если Александру Матросову удастся вернуть его настоящее имя и доказать, что он действительно башкир, от этого цена его героизма ничуть не убавится. Он следом за Салаватом Юлаевым станет нашим вторым национальным батыром, будет гордостью народа».

Из Учалинского района первой откликнулась Мархаба Мутигуллина (село Учалы): «Я родилась и выросла в деревне Кунакбаево, отец — Аллаяров Фаткулла, мать звали Зулейхой. Дом наш стоял посередине села, недалеко от хибарки Юнус агая. Поскольку по соседству были только мальчишки, мне приходилось играть с братиком Анваром и Шакирьяном, сыном Юнуса. Помнится, мама по пятницам поручала: «Отнеси милостыню Юнус агаю, вот эту шаньгу с картофелем, только дождись благословения». Может, так привыкла, а может, сам Шакирьян просил, точно не помню, но каждый раз, направляясь играть, что-нибудь да брала для Шакирьяна поесть: кусочек сахара, немного хлеба, а чаще всего — теплую шаньгу.

Играли втроем, но с мальчишками мне становилось неинтересно, и я бежала к Нафисе. Шакирьян же, взяв отца за руки, отправлялся по улице.

Тяжелое было наше детство. Трудности не забываются. Юнус агай инвалид, Шакирьян еще мал для работы. И кормить-поить их должна была Фархиямал. Она трудилась в колхозе, но и там мало что получишь. Что же делать, мачеха решила избавиться от Шакирьяна и отвезла его в детский дом. По ее рассказам, она оставила мальчика в коридоре. Он плакал, его не пускали. Догадавшись, наконец, что мальчика бросили, приняли его. Фархиямал следила за всем со стороны, когда убедилась, что мальчика «прибрали», через несколько дней вернулась домой, голодная, уставшая. Помню, мать говорила: «Оказывается, Фархиямал отвезла Шакирьяна в приют». Я не понимала значения этого слова, но подумала, что приют — это

какой-нибудь город, хорошее место. Это произошло в 1934 году.

Летом 1939 года снова увидела Шакирьяна. Он разговаривал с Зиннат агаем, который жил напротив них. Шакирьян поправился, одет был аккуратно — прямо-таки джигит. На голове бескозырка, в тельняшке, на руке то ли костюм, то ли рубашка, прижал одежду к груди. Я пока выбегала и открывала ворота, он быстро прошагал мимо. «Зиннат агай, это Шакирьян, что ли?» — спрашиваю. Зиннат агай говорит: «Да, Шакирьян, сын Юнуса. Смотри-ка, каким стал молодцом, совсем урус». Мне осталось только сожалеть: «А я и поговорить не успела». Зиннат агай засмеялся: «Так ведь он теперь совсем русским стал. Себя Сашкой называет. Хвастун, в точности как Юнус агай. До чего ж похож на отца!» Это была моя последняя встреча с Шакирьяном».

Мархаба Мутигуллина оказалась ценным свидетелем. Она прислала второе письмо, из которого я узнал, что у Фархиямал была дочь, но умерла. А у Юнуса была еще одна жена — Гайникамал и ее сын Ахметзагит.

Сообщив об этом, она, конечно, не внесла особой ясности, а кажется, еще больше запутала дело... Загадочный клубок придется распутывать еще дальше.

А что добавит Бибинур Нигматуллина (деревня Кунакбаево): «Я все время жила в этой деревне и хорошо помню сына Юнус бабая — Шакирьяна. Однажды он пропал. Его отец очень горевал, плакал и все говорил: «Хороший человек вышел бы из него». Однажды я услышала, что Шакирьян снова объявился. Все твердили, что он преобразился. Хорошо одет, так к лицу ему матросская одежда. Как азартно он слясал в клубе матросский танец!..»

Сообщение Мархабы Ахметшиной (деревня Ургуново) короткое и ясное: «Юнус бабай жил от нас через два дома. Вечерами заходили к нам. Шакирьян был слишком бойкий и проворный малый. Очевидно, поэтому сноха Муслима любила повторять: «Вырастет молодцом, или, напротив, будет вором...»

Вышла я замуж, стала жить в Ургуново. От матери услышала, что он вернулся, и что стал он совсем русаком. «Как бы повидать его», — высказалась я своему мужу, но это, естественно, не понравилось ему: «Нет ли у тебя еще какого-нибудь Шакирьяна?»... Что ж поделаешь, пришлось отказаться. Что же касается фотографии, напечатанной в газете, где Матросов с голубем в руках, так я словно снова встретилась с Шакирьяном...»

К «фотографии с голубем в руках» мы еще вернемся,

а пока заметим, что М. Ахметшина напишет еще одно письмо, уточняя некоторые подробности, в частности, следующие: — «Когда умерла мать Шакирьяна, его отец взял в жены Гайникамал (опять она! — Авт.). У ней был сын по имени Ахметзагит... Вскоре Гайникамал куда-то уехала. Шакирьян остался на попечении отца. Когда Юнус привел Фархиямал, Шакирьяна дома уже не было. Время тогда было тяжелое, и я думаю, Шакирьян, пожалуй, сам ушел из деревни — вряд ли кто-то хлопотал, чтобы устроить мальчика в детский дом. Фархиямал скончалась весной 1943 года, а Юнус чуть позже, летом».

То, что поведала М. Ахметшина, было очень важно — по ее сообщению многие детали можно было выстроить в логическом порядке.

Я еще ни разу не упоминал об учительнице с тридцатилетним стажем Галие Курбангалеевой из города Учалы. Она на пару с Санией Гирфановой (тоже бывшей учительницей) активно включилась в поисковую работу, рассылала в разные концы письма, искала знакомых Шакирьяна, так же, как и другие кунакбаевцы, писала об удивительно живом характере будущего героя, о его приезде домой в гости... И вот однажды Галия Салимовна сообщила адрес младшего брата Газнавия (Черникова Григория Ивановича) — Закия Иргалина, проживающего в Челябинской области.

Итак, Заки Иргалин (с. Шеметово Верхнеуральского района Челябинской области): «Я знал, что под фамилией Матросов скрывается Шакирьян. В детстве мы вместе играли с ним. После войны много слышал о Матросове, но, поскольку у меня образование всего лишь три класса, не знал, к кому обратиться, кому писать, а так людям всегда говорил, что знал его...»

Письма, воспоминания... В каждом из них можно было почувствовать равнодушие, острое желание помочь поиску. Писали не только башкиры.

А. И. Сергин, ветеран Великой Отечественной войны, инвалид 2-й группы (г. Уфа): «Матросов — родом из Башкирии. О национальности — это вопрос. Я русский, однако смахиваю на татарина. Далекие наши предки были переселены из Казани. Суть дела. О Герое Советского Союза А. Матросове была кинокартина, нам ее показывали не раз после войны, когда я нес службу на подводной лодке в Порт-Артуре с 1945 по 1948 год. В кино была сцена, как мать Матросова приезжала в часть, где он служил. Надо поднять архив кино...

Саша призывался у нас, в Башкирии, и мы гордимся

Закия Гизетдинова (г. Учалы)

лина, Лизы Бакиевой дело. И как бы мы ни жаловались на нехватку времени или болезни, если остановить работу, нас не поймут и не простят.

Еще одна учалинка, Закия Гизетдинова, проработавшая учительницей 37 лет, поведала о том, что в 1932 году пошла в школу вместе с Шакирьяном. Им было по восемь лет. Учительница вспоминает, как он дружен был с ребятами и уважительно относился к девочкам. Но больше автор рассказывает о старике Юнусе: «Он был удивительно остроумный человек, рассказывал вымышленные истории, поражая других. Слушать его собирались не только подростки, но и солидные мужики. Односельчане пересказывали его байки. Я только сейчас прихожу к мысли: если бы Юнусу удалось получить образование, он, несомненно, мог стать писателем-юмористом».

Многое в письмах и воспоминаниях повторяется, поэтому читателю все это может быть не совсем интересно. Но мы, руководствуясь бытующим в нашем народе правилом о том, что три подтверждающих что-либо факта равны одному доказательству, решили учесть все без исключения — и положительные, и отрицательные — сведения. К счастью, версия, в основном, оправдывалась — вон сколько пришло подтверждений. Однако редактор М. Аюпов при встречах по-прежнему не забывал спросить: «Ну, где же родился Матросов?» Казалось, он не замечает или не читал письма, пришедшие из Кунакбаево.

А однажды даже заявил:

— Все это ерунда! Нужны документы.

им, независимо от того, какой бы национальности он ни был. Война не разбирается в этом. А герой — наш! Наш земляк, пусть и фамилию сам придумал. Отчаянный мальчишка...»

Мы в редакции решили поунять пыл и, руководствуясь предупреждением классика: «Осторожность, осторожность, осторожность, господа!»—вести речь в основном вокруг проблемы места рождения героя. Между тем в поисковую работу включались все новые и новые лица. Это уже стало не только мое или Фуата Асадул-

Видимо, действительно настала пора что-то предпринимать в этом направлении. И все же я возразил:

— А куда торопиться? Дело сложное. Не спросишь же обо всем у самого Матросова, подняв его из могилы.

— Так надо сходить хоть в ЗАГС, — сказал редактор, не поднимая глаз и не повышая голоса. — Телефон дать? Или мне позвонить?

— И сам найду.

— А в райвоенкомат сходили?

— Ходи-не ходи, все равно ничего не найти.

— А в колонии? Не может быть, чтобы ничего не осталось.

— Узнавал уже. Документы были. Его «личное дело» забрал какой-то полковник из ведомства колонии. Из Москвы приезжал. Начальник Политического управления, что ли?

— Ну дела!

— Мне обещали добыть номер его телефона. Сейчас этот полковник, кажется, работает редактором какого-то журнала. Узнаю телефон — позвоню на днях.

Установилась тягостная тишина. Чтобы разрядить обстановку, я продолжил разговор:

— У меня записано несколько имен людей, знавших героя. Живут в Уфе. Например, Анас Багаутдинов. Он, говорят, в курсе того, кем был Саша. Но как найти его, ума не приложу.

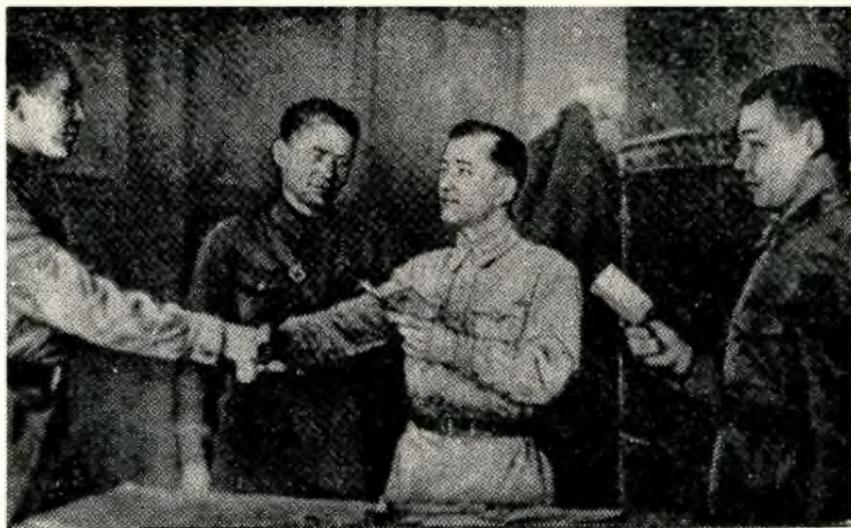
— Так ведь для этого существует адресное бюро, — укоряюще посмотрел редактор.

— Как я не догадался об этом?

МАЛЬЧИК С ГОЛУБЕМ В РУКАХ

Дело, конечно, было не в том, что я вовремя не вспомнил о ЗАГСе. Просто пока не мог справиться с текущей почтой. Письма шли ежедневно, а в них, кроме слов поддержки, — предложения, советы, адреса... Ближайшими помощниками в тот период стали, как уже упоминалось, Саня Гирфанова и Галия Курбангалеева, а связующим звеном между нами — Фуат Асадуллин. Они пытались уточнить каждый поворотный момент в жизни Шакирьяна.

В последних письмах из Кунакбаево речь шла о двух фотографиях. Первый снимок сделан в Краснохолмском военно-пехотном училище, запечатлена сцена вручения молодым воинам, в том числе А. Матросову, комсомольских билетов. Выполнял эту миссию помощник начальника по-

Во время вручения комсомольских билетов в Краснохолмском военно-пехотном училище. А. Матросов — крайний справа

литчасти по комсомольской работе училища А. А. Григорьянц.

Достоверность фотографии не вызывала сомнений: об этом политрук раньше сам писал в центральной печати. В последние годы он работал доцентом Ташкентского государственного педагогического института имени Низами. По моей просьбе, переданной в конце 1988 года через нашу землячку, кандидата филологических наук Л. Г. Басырову, он еще раз подтвердил, что на фотографии — Матросов. Впрочем, задолго до этого Аркадий Агалумович подарил упомянутую реликвию Уфимскому музею. Письмо Григорьянца опубликовано в книжечке краеведа Г. К. Базекина, где политрук писал: «Я горд тем, что именно из моих рук Александр Матросов получил комсомольский билет, страницы которого потом войдут в историю написанными на них словами «Лег на огневую точку противника...» Говорю это не как о своей особой заслуге — на моем месте мог быть и любой другой. Просто понимаю: узнать, как это было, интересно каждому советскому человеку. Выполняя тем самым и просьбу моих однополчан, от имени которых мне написала недавно Людмила Викторовна Попова, бывшая в годы войны инструктором политотдела (Кстати, ее рукой выписан комсомольский билет Матросова)...»

Вторая фотография сделана в Ивановском детском до-

Саша Матросов в Ивановском детском доме Ульяновской области

ме Ульяновской области. На ней Саша изображен с голубем в руках. Подлинность фото также нельзя взять под подозрение, потому что еще в 1958 году начальник Уфимской ДВК Хамидуллин, отвечая газете «Пионерская правда», писал: «С получением от Вас двух фотографий (мальчика с голубем в руках и мальчика в бескозырке, играющего на гитаре) подтверждаем, что действительно на этих фотографиях запечатлен Александр Матвеевич Матросов...»

Ответ дан не просто так, а предварительно составлен документ и на нем поставлены подписи директора средней школы колонии Л. И. Балакиревой, старшего воспитателя первого отряда, бывшего воспитателя Т. Д. Катеринчука, художественного руководителя В. С. Сергеева.

Второе. Найдено воспоминание и самого фотографа, Николая Васильевича Заболотного. Вот что он писал: «Я родился в 1908 году в г. Ульяновске, в семье рабочего, в настоящее время работаю в фотолаборатории Ульяновского сельскохозяйственного института... Мне часто приходилось бывать в Ивановском детском доме Ульяновского района. В большом дружном коллективе детей был мальчик Саша Матросов. Дети рассказывали о себе, о своих победах и неудачах, расспрашивали об устройстве фотоаппарата.

Мне нравился открытый взгляд Саши Матросова. Лицо его с выразительными глазами оживлялось, когда он ув-

Гадельша Каримов, участник войны, двоюродный брат Шакирьяна (дер. Рысаево)

чик, который держит голубя. Только такая разница: раньше он был худой, здесь пополнил. Волосы у него были темно-коричневые, глаза — серо-голубые, лицо — красновато-темное».

Габдрахман Заманов (д. Кунакбаево): «Увидев фотографию А. Матросова в газете, подтверждаю, что это несомненно Шакирьян, сын Юнуса».

Райда Мухамедьярова, учительница (д. Рысаево Учалинского района): «У нас живет двоюродный брат Шакирьяна (по материнской линии) — Гадельша Каримов. Увидев мальчика с голубем, он удивился: это же Шакирьян. Он помнит потерявшегося брата и рад, что отыскался его след».

Сания Гирфанова (г. Учалы): «В 229-м номере газеты, на фотографии, я увидела сына Юнуса бабая! Он держит в руках голубя! Если, конечно, не поставили похожего на него мальчика, это точно он! Я знала Шакирьяна с малых лет, пока были живы его родители, их семья всегда мылась в нашей бане. Мой отец, Гирфанов Нугуман, и мама, Гирфанова Магнямал, очень душевные люди, часто угощали их чаем, а если забивали скот, считая это своим долгом, через нас непременно отправляли им свежатину...

Возможно, я не узнала бы мальчика с голубем, если бы сызмала не играла вместе с Шакирьяном. Он был большоголовым, темноволосым, с коротковатым носом мальчишкой. Губы у него толстые, глаза немного грустные. Я знаю все его детство...

Память у меня цепкая. Помню всех, с кем вместе играла в детстве, училась, их привычки, одежду. Приведу

леченно рассказывал о голубях, которых очень любил.

Я сам большой любитель голубей, увлеченность Саши меня трогала, поэтому я с него сделал фотоснимок с голубем для газеты».

Редакция решила опубликовать оба упомянутых фотоснимка. Не прошло и недели — посыпались письма: «Так это же наш Шакирьян!» Приведем несколько отрывков из них.

Фуат Асадуллин (д. Кунакбаево): «Увидев фотографии, тут же признал в нем Шакирьяна. Особенно похож мальчик,

пример. Как-то одна женщина — она из деревни Ахуново — была поражена тем, что спустя 51 год, хотя мы не встречались все это время, я узнала ее и поздоровалась за руку. Этот случай для Вас, конечно, ни к чему, но пишу, чтобы не сомневались в моей памяти».

К сожалению, эти письма были похожи на прежние, не зря, наверное, один из постоянно интересовавшихся ходом поиска и умудренный жизненным опытом М. Г. Билалов (г. Уфа), как-то, посмеиваясь, заметил:

— Все же признайся, друг, земляки Матросова не идут дальше общих рассуждений. Тебе надо найти документы. — Советы точь-в-точь как у нашего шефа! Завершил он разговор примерно так: — Доказать будет крайне трудно. Если б прежние времена, не сносить бы тебе головы. Непременно нашли бы вину. Твое счастье, живешь в период гласности и демократизации.

Прав, во сто крат прав Муса Гайсинович: может, и не наказали бы за этот поиск, но ярлык бы приклеили. Потому что тропа, которая привела Матросова к героизму, давно уже была освоена, «подравнена» и одобрена властями, приведена в такое состояние, что по-другому ее и представить невозможно.

И все-таки, наверное, нельзя было отвергнуть приглашение Сании Гирфановой и еще раз не съездить в город Учалы.

... Дверь открыла пожилая, с продолговатым и приятным смуглым лицом женщина. Немного постояла, изучая пытливым взглядом гостя и, неожиданно улыбнувшись, пригласила войти. Мы, оказывается, старые знакомые, только давно не виделись. Она долгие годы учительствовала, а затем работала воспитательницей в детском саду.

Довольно долго беседовали мы с ней, пытаюсь свести концы с концами, проверяли, насколько возможно, достоверность воспоминаний. У Сании Нугумановны, действительно, память оказалась феноменальной и в поисковой работе с ее молчаливого согласия она заняла место своеобразного «ревизора» сведений.

Тому, понятно, были и свои причины. После войны С. Гирфанова также занималась поисковой работой и однажды, услышав, что в Уфе ставят памятник А. Матросову, специально выехала в столицу республики, но, увидев статую, расстроилась. Памятник мало походил на Шакирьяна, и она решила про себя: наверное, этот Матросов однофамилец «ихнего» Матросова. Поэтому возврат Гирфановой к поисковой работе надо было понимать как стремление утолить неудовлетворенную жажду. Мало того, Са-

ния Нугумановна начала писать воспоминания. Она вручила мне две тетради. Я привожу только отрывки из них.

«Прочитав материалы в газете, крайне обрадовалась тому, что есть люди, которые помнят 30—40-е годы. Я выражаю им искреннюю благодарность. Как было бы хорошо, если бы мы начали поиск лет десять назад.

Я помню, как в 1940 году Юнус бабай приносил моему отцу письмо Шакирьяна, адресованное почтальону. Мои родители умели писать и по-арабски и по-современному. Слышала, как Юнус бабай просил, чтобы отец составил письмо от его имени на русском языке и адресовал Александру Матросову. Я тогда училась в селе Учалы — в тот день приехала на каникулы — и поспешила к подружкам.

Хорошо помню эпизоды из детства. Как-то мать послала сестру к охотнику Хасану Янсапову за заячьей лапой для побелки печи. Я последовала за сестрой. Пришли, уехали на нары, и тут заходит мальчик. На ногах — чирики с полосатыми голенищами. Чирики еле держались на ногах — в них полно было снега. Поднявшись на нары — а внизу держали овечек, — мальчик подогнул под себя замерзшие ноги. Хасан агай, мастеровивший то ли курай, то ли свирель, поинтересовался:

— Что, братик Шакирьян, холодно на улице?

— У нас холодно, — ответил мальчик.

Я растерянно смотрела на незнакомого мальчишку, так странно сидевшего на нарах, к тому же укрывшего голову дырявым кафтаном. Нам тогда было четыре-пять лет.

Пришла весна. Мы ходили за водой к роднику за домом Юнус бабая. Там встречали Шакирьяна с какой-то тетей. Мне кажется, это была не мачеха.

... Все четыре года окна нашего дома смотрели во двор, в сторону бани. Юнус бабай с сыном приходили к нам мыться. Как-то Шакирьян, одетый в длиннополую светлую рубашку, после дождя потопал босиком по грязной улице. Отец продолжал сидеть в открытом настежь предбаннике.

... Мальчик часто стал попадаться на глаза, и он теперь смело обращался к нам. Начали играть вместе на горе Кали.

В каком-то году завелись черные жуки — ступить некуда. Было страшно, но постепенно привыкли, стали ходить по ним. Увидев это, Шакирьян возмутился: «Не топчите их! Отец сказал, что это божьи твари. Если их будут давить, наступит мор».

Стали посещать детскую площадку. Там нам подавали чай в разноцветных чашечках. Однажды Шакирьян, проходя мимо Шарифьяна Хасанова, задел его, на что тот

сердито крикнул: «Фу ты, к черту!» Его отец вместе с семьей в голодные годы жил где-то под Челябинском, видно, Шарифьян там выучил русские слова. И мы, следуя ему, и к месту, и не к месту начали употреблять «Фу ты, к черту!» Я не знала, что это означает. Шакирьян, помню, вздохнул: «Эх, знать бы по-русски! Научиться бы говорить, как Шарифьян!»

В 1930—1931 годах в деревню приехал какой-то русский с четырьмя дочерьми. Напротив Юнус бабья был заложен фундамент будущего конного двора. Мы с русскими девочками и местными мальчишками проводили тут время. Шакирьян больше находился возле меня. Я росла, как мальчуган, была злее и озорнее, чем другие, была прямолинейна, поэтому слыла среди сверстников как «бедовая девчонка». Однажды даже, вооружившись палками, поднялись на Камень-подушку, чтобы взглянуть на волчье логово; но к тому времени Шакирьяна в деревне уже не было. Поговаривали, что он вместе с Газнави подался к цыганам.

Я попыталась узнать об этом у Гульямал, сестры Газнави, да та не стала распространяться, сказала только: «Чего не бывает в голодное время... Им в детском доме хорошо». Газнави, поскольку у него здесь были родственники, иногда сообщал о себе. Шакирьяну писать уже некому стало.

... А это случилось в 1978 году. Уже жили в городе Учалы. Как раз обедали. Вдруг стучатся в дверь. Иду, открываю — а там Газнави! И он восклицает: «Точно, она! Айда, со мной!» Тянет меня в коридор. Я так испугалась! И дети подняли шум: «Не трогайте маму!» Газнави все еще по-русски: «Не бойся, — говорит, — я на «Волге» родителей твоих привез. Встречай гостей». Только после этого успокоилась. Вышли на улицу, привели всех в дом. Оказалось, Газнави искал свидетелей, чтобы подтвердить свое настоящее имя. Мои отец и мать засвидетельствовали, и наш земляк получил документ на имя Газнави Иргалина...»

Здесь прервем разговор, оставим ненадолго тетрадь в покое и обратимся к письму Заки Иргалина из Верхнеуральского района Челябинской области: «...Вот что я знаю об А. Матросове (Шакирьяне Мухамедьянове). Он мне, как говорится, не сват, не брат, и вообще не родня. Потому и пишу истинную правду.

Я помню, летом 1939 года, в июне, — тогда мне было 11 лет, — приехали мой двоюродный брат Газнави Галиевич Иргалин (он же по паспорту Григорий Иванович Чер-

ников) и Шакирьян Мухамедьянов и уговорили меня поехать путешествовать по России или попасть в какую-нибудь детскую колонию, так как в нашей деревне трудно было жить. Мы вместе, втроем, направились на Ильинский золотодобывающий прииск, который от нас в 35 километрах, чтобы договориться с шоферами, возившими руду, о поездке в город Миасс. Шакирьян и Газнави все время говорили по-русски, я их не понимал. Были они между собой дружелюбны, но грубоваты, и мой брат почему-то побаивался его. Звали они друг друга «Саша» и «Гриша».

Золотодобытчики тогда жили исправно, у них были добротные дома. Мы вошли в поселок. На одной из улиц, напротив большого и красивого дома, стояла грузовая машина. Мы все трое вошли во двор. Хозяин его оказался русским. Шакирьян стал разговаривать с ним. Но шофер отказался везти нас.

Вдруг Шакирьян заметил в окно, что в чулане на стене висит гитара и попросил поиграть. Хозяин дал инструмент, Шакирьян немного настроил его и начал играть. Играл так хорошо, что хозяин дома был удивлен. Он спросил: «Откуда вы, ребята, и как вас зовут?» Тогда мой брат показал паспорт на имя Черникова Григория Ивановича, а Шакирьян говорит: «А я — Саша Матросов». Мне было очень интересно, но я не понял, почему они так представляются.

Немного поболтали о том, о сем и мы пошли в столовую покушать. Мне с самого начала не хотелось с ними куда-то уезжать, все-таки у меня были отец и мать. И я передумал следовать за ними. Поэтому, как только вошли в столовую, я сказал брату, что хочу в туалет. Он меня отпустил, и я тайком, прячась от них, смылся домой.

Много времени прошло с тех пор. Брат часто навещал нас. Однажды в клубе показывали фильм «Александр Матросов». Я брату говорю: «Сходим в кино. Матросова показывают». А он отмахнулся: «Чего там смотреть. Я его и так хорошо знаю».

У меня нет никакого сомнения в том, что Шакирьян и Матросов — одно и то же лицо. Поэтому письмо прошу напечатать в газете «Советская Башкирия»...

Теперь продолжим знакомство с записями С. Н. Гирфановой.

«... Газнави и вместе с ним зять Балагетдин Гайсаров вечером пришли к нам, мы долго сидели и вспоминали прошлое. Про Шакирьяна разговора было много. Газнави утверждал, что Шакирьян ушел на фронт под фамилией Матросов. До войны они то ли встречались, то ли пере-

писывались — я так поняла. «Он был смысленей меня и стремился учиться», — сказал Газнави. Рассказывали и о том, как убегали из детдома, как попали в колонию. Попытаться вернуть свои настоящие имена побоялись. Времена-то какие были!

Газнави приезжал в Учалы и в 1985 году. Долго также беседовали. В последний раз Иргалин побывал в 1986 году. Я как раз возвращалась из сада, он не стал задерживаться, сказал только: «Не смог достать билета до Белорецка, выйду на дорогу ловить попутную машину». А в 1987 году мы узнали, что он скончался».

— Я перед Вами уже хвалилась, что знаю все детство Шакирьяна, — нарушила тишину Сания Нугумановна, заметив, что я кончил читать тетради. — Это никак не преувеличение. Вот еще вспомнила случай. Однажды я, сестренка моя и Шакирьян долго гуляли у моста, наблюдая, как ласточки вьют гнезда на крутом берегу. Потом мы начали кидаться камнями. В тот момент, когда я спустилась к воде, Шакирьян сверху кинул камешек и ... попал прямо в меня. Вот, видите? Сания Гирфанова показывает верхнюю губу, где остался шрам. Шакирьяна, то есть Александра Матросова, отметина, значит. Так надо полагать.

— Тогда ведь и ласточек, и голубей было много. Так скачаю сейчас по тому времени! — вздохнула хозяйка. — Природа совсем оскудела. Сердце поет.

— Пойдите, Сания апай. Вот вы проронили слово «голубь». Что, дикие голуби, да?

Я внутренне сразу подобрался и чуть не выдал себя — не самим вопросом даже, а интонацией голоса, волнением. Нет, моя собеседница не заметила этого, лицо Гирфановой по-прежнему оставалось спокойным. Неужели что-то смогу узнать относительно фото с голубями? Я все время размышлял: почему в Ивановском детском доме именно Саша, а не кто-нибудь другой, ухаживал за голубями? Я в прошлый приезд в Кунакбаево тоже интересовался: а не разводил ли кто в деревне голубей? Сказали, нет. Нет так нет. А вот сейчас из уст Сании апай, когда и вопроса об этом не было, невзначай вылетело слово «голубь». Стара-

Сания Гирфанова, выросшая вместе с Шакирьяном (г. Учалы)

юсь не торопить Гирфанову, пусть сама повествует. Тем не менее собеседница не замечает хитрости и продолжает свое:

— Папа однажды привез из златоустовского базара пару итенцов со странным названием «голубь». Самца и самку. Мне достался самец, а сестра стала ухаживать за самкой. Летом они чувствовали себя свободно, летали над крышей. А вот зимой мы их держали дома. Когда их потомство увеличилось, стало не до них, и птицы освоили сарай. Тех, которые особенно привыкли к нам, мы брали на руки. Шакирьян, конечно, крутился тут же. Играли-то вместе. А от тех голубей, которые не давались в руки, мы постепенно отвыкли».

Теперь мне стало ясно, почему именно Саша в детдоме возился с голубями... Моя радость была такова, будто сам я схватил жар-птицу.

Следующий человек, к которому я направился, был Гариф Халиков, из деревни Ургуново, который лично знал Матросова — об этом мне стало известно здесь. Дома его не застал. Жена объяснила:

— Гариф работает на складе колхоза. Но, если и найдете его, вряд ли он сможет сообщить что-то полезное. Возраст берет свое.

— Сейчас, конечно, и память не та, но в молодости-то, наверно, рассказывал, где бывал, что видел? Матросова, например, вспоминал?

— Да, о нем он говорил часто... — оживилось лицо хозяйки. — Кажется, Матросов два или три месяца находился среди матросов, научился прыгать в воду с парохода. Так муж рассказывал...

Дальше женщина перевела разговор на то, что Гариф в молодости несколько сбавил себе возраст, а вот сейчас необходимо оформлять документы на пенсию, но как исправить ошибку — ума не приложит.

Халикова мы разыскали на складе, где протравливали семена.

К воротам подошел хиленький мужичок. Лицо бледное, болезненное. Сняв шапку-ушанку, вытер ею безволосую и, наверно, оттого заблестевшую на скупом зимнем свету голову. У входа был сквозняк, и я решил не затягивать беседу на ногах, ограничиться несколькими вопросами.

Вот рассказ Гарифа Халикова, позднее подтвержденный его официальным письмом. «Весной 1942 года я, тогда 12-летний пацаненок, вынес из Учалинского заготзерна — оно находилось на этом же месте — горсть пшеницы. Украл, получается. Судили и отправили в Белорецк, а отту-

да этапом — в Уфу. Сидел шесть месяцев во второй тюрьме, после этого сдали в трудовую колонию, что в Старой Уфе. Там и познакомился с Сашей Матросовым. Он научил нас прыгать с парохода.

В колонии Саша был командиром двадцати ребят. Както он спрашивает меня: «Один талон два каша знаешь?» А я ни слова не знал по-русски. Тогда он начал объяснять на башкирском языке: «Сейчас возьмешь веник, подметешь и вымоешь пол. Мыть-то умеешь?» Я говорю: «Умею». «Гавно ты, — умею!» — грубо передразнил он меня и, взяв шланг, показал, как поливать пол. «А как закончишь мыть пол, придешь на кухню чистить картошку». Это все он сказал мне по-башкирски, я же не знал ни одного русского слова.

Матросов поинтересовался, откуда я, умею ли читать и писать. Когда я сказал, что из Учалов, он спросил, где это. Я ответил, что там живут башкиры и татары. «А! Я проезжал там», — только и сказал он.

— Еще что помните?

— Наверно потому, что я был еще мал, он оберегал меня от других и в наряды меньше посылал. Однажды, сказав, что потом будет что вспомнить, сделал мне наколку на руке — якорь. Вот она...

— Значит, защищал маленьких?

— Да, защищал, дрался даже за них. У-у, страшно он дрался, например, с Юркой... Собравшись на фронт, сказал, вот, мол, я уйду...

— А на вид какой он был?

— Волосы темные. И лицо коричневатое. На башкира был похож.

Я показал Халикову три-четыре фотографии:

— Который из них Матросов?

— Вот этот. — В первую очередь он выбрал фотографию Саши, державшего в руках голубя.

— А эти?

— Не знаю, — высказал он сомнение. — Кажется, и они похожи.

— А кого помните из колонистов?

— Знаю Хамзу Бакиева. Только забыл, из какого района. Его называли «Дудочкой»... Потом Гришку-кочегара... Рыжего — боксера. Он научил Сашу боксу. Еще кого... Юрку-бандита помню. Саша поймал его на улице Уфы и доставил в колонию. Ненавидели они друг друга, Юрка мог даже зарезать его.

— А почему ребята убегали из колонии?

— Так ведь жратвы не хватало.

Вот так впервые я кое-что узнал о жизни подростков в трудовой колонии.

РОДНИКИ ПАМЯТИ

Какие бы события ни произошли в природе или в общественной жизни, они непременно остаются в памяти народа. Сколько раз я убеждался в этом! Память людская — вечный источник, из которого, сколько ни черпай, никогда не иссякнет. Обычно вытянешь одно слово, а за ним уже тянется факт, а следом — другой, и так бесконечно. И воспоминаний становится больше, родник памяти все полнеет. При сравнении деталей отбирается лучшая, многое отбрасывается, пока одна только правда не останется. Так получилось и на этот раз.

В первый приезд мы с большим трудом, но смогли установить, что мать Шакирьяна звали Муслимой. Правда, пока у нас не было документа, но это уже не пугало, потому что несколько человек подтвердило наше открытие. Одной из них была все та же Саня Гирфанова.

Несмотря на солидный возраст, бывшая учительница провела огромную работу. В одном из писем она поделилась: «В поисках правды я обошла деревни Ильтебаново, Учалы, Ургуново, Кунакбаево. Узнала, что действительно мать Шакирьяна звали Муслимой. По словам моей мамы, она умерла в тот год, когда снимали с мечети минарет. А это событие я и сама помню. Уже глубокая осень, но снега еще не было. Я с сестрой в одних галошах и бешмете стояла на возвышенности, издали наблюдая, как ломают минарет. Женщины с испугом в глазах читали молитвы. Было страшно. И как только рухнула макушка мечети, улица стала пустой, неудобной.

Этой же зимой отец, мать, сестра и я пошли в «цирк» — в деревню приехал пахлеван Саях. Он, вызывая восхищение зрителей, поднимал многопудовые гири, крутил на плече одновременно несколько человек, зацепившихся за толстую железную палку. Людей в «цирке» было мало, потому что по деревне пошел слух: кто пойдет глазеть на представление, того проглотит земля. На другой день после зрелища я рассказала соседским девчонкам и мальчишкам, что видела в «цирке», и мы гурьбой пошли к мечети, чтобы убедиться, лежит ли там погнутый от тяжести кусок железа. Это было в 1929 или в 1930 году...»

«Раньше многие уходили на заработки, — писала дальше Саня Гирфанова. — Поскольку у Юнуса не было ло-

шади, он занял ее у соседа Гиззат бабая. Уговор был такой: половину заработанного зерна Юнус после приезда домой отдает Гиззату. Но он вернулся ни с чем и заявил, что у него отобрали и коня, и зерно. В этот период Муслима с Шакирьяном жили одни и, должно быть, смерть Муслимы совпадает с тяжелым для Юнуса временем.

Затем Юнус подался в «Болотный» за Белорецком, где добывали торф. Там, очевидно, и встретил он Фархиямал, прибывшую из деревни Аккужино. В 1929 году он вернулся домой с молодухой. Люди помнят, как он ходил на свою пашню, уже занятую другим человеком. А в 1930 году, после создания колхоза, его земля отошла к коллективу».

В другом письме С. Гирфанова дополняла: «В 1932 году я вместе с Шакирьяном пошла в первый класс, но у него не было теплой одежды, и он зимой не смог посещать занятия. Мне кажется, что он ушел сам из деревни. А может, его и Газнави отвезли в приют. Во всяком случае, бабушка Газнави говорила, что его взяли в приют. Но они сбежали. Поймали их в Миассе и отправили в детдом города Уфы...»

Третье письмо С. Гирфановой: «Только что вернулась из Якутии, где живут мои дети. Все интересуются, чем кончится история с Матросовым. Оказывается, мой отец, а их дедушка, им тоже рассказывал, что Матросов родом из Кунакбаево, от него приходили письма, и сам он приезжал домой. До этого я была в городе Петропавловске, встретила там Мирхата Сисанбаева, своего земляка. Он тоже подтвердил, что Шакирьян действительно приезжал домой под фамилией Матросов».

Марьям Саляхова, проживающая в поселке «Сельхозтехника» Учалинского района: «Моя мать, Рабига Исламовна, родилась в деревне Сафарово и в 1911 году вышла замуж за кунакбаевского парня... Раньше женщины охотно ходили друг к другу помогать по дому. Мама не раз давала мне поручение сходить за тетушкой Муслимой — то помочь чесать шерсть, то мыть потолок. К этой маленькой и худенькой женщине мать почему-то относилась как к старшей сестре. Но она незаметно гасла и также тихо умерла.

Жизнь у них была крайне тяжелой. Никакой скотины они не держали. Хибарка была маленькая, отапливалась железной печуркой. Потолок низенький, а нары — во всю комнату.

У Юнуса, инвалида (у него на одной ноге не было по-

ловины ступни), плохо стало со зрением. И он взял в жены Фархиямал, такую же несчастную, как и он сам.

Фархиямал отвезла своего сына (значит, не Шакирьяна! — Авт.) в приют, оставила мальчика в коридоре и убежала. Спустя день или два прошлась мимо приюта, чтобы проверить. Ребенка уже не было. «Наверно, приняла», — рассказывала она, вся в слезах.

Юнус и Фархиямал сторожили и убирали правление колхоза. Шакирьяна дома уже не было. Юнус говорил, что сын находится где-то в детском доме.

В 1939 году я приезжала в гости к матери. Тогда рассказывали, что Шакирьян якобы навестил отца, что подрос и поправился, имя свое изменил. Я еще подумала: наверное, соскучился парень по отцу и родной стороне, пожалела его в душе.

Началась война. Вовсе трудно стало жить. Я вернулась с детьми в Кунакбаево. Юнус бабая и его жены уже не было в живых. Умерли зимой. Очевидно, захоронили их не совсем глубоко, потому что бродячие собаки стали подбираться к останкам. Собак застрелили, а стариков захоронили повторно.

С августа 1943 года по 1945 год я работала секретарем сельсовета. В 1951—1963 годах была в Мало-Учалинском поселковом совете. Однажды в кабинет вваливается Газнави Иргалин, протягивает справку, и я на основании ее дала справку о том, что он является Черниковым Григорием. В то время он жил в каком-то колхозе Челябинской области и приехал на базар продавать мясо. Стал солидным. Я удивилась, почему это Иргалин превратился в какого-то Черникова. И еще подумала: случись искать, как найдешь вот таких?»

Я рвался домой, в Уфу, чтобы просмотреть почту. Но радоваться было нечему. Теплилась надежда на одного ветерана-милиционера, проживающего в городе Стерлитамаке, чей адрес мне вручили в Кунакбаево еще в прошлый раз и уверяли, что он приходится родственником Юнусу и должен непременно подсказать, как вести поиск дальше. Однако меня ожидало чрезмерно короткое письмо, главное содержание которого — ничего, мол, не знаю. Странно, чего испугался бывший офицер?

В Кунакбаево вспомнили еще одного авторитетного человека, ранее жившего в селе Учалы и работавшего в Госбанке. Сейчас он якобы в Уфе. Говорили, будто бы старик Юнус, а вместе с ним Шакирьян, часто навещали его дом в Учалах. С трудом нашел его квартиру в многоэтажном доме, но хозяин ничего не вспомнил.

Большая надежда возлагалась на органы милиции. По доброму совету и технической помощи прокурора Ленинского района Уфы мы через Информационный центр МВД РБ разослали по соседним областям требование выяснить, не зафиксирована ли где-нибудь фамилия Мухамедьянова Шакирьяна. На всякий случай указали и фамилии «Юнусов» и «Юсупов». Но и это не помогло. Значит, придется поработать в Уфе.

Задавшись целью выяснить адрес Анаса Багаутдинова, о нем мне говорил писатель Рашит Низамов, — я направился в городское справочное бюро. К счастью, в очереди стояло только три человека. Вот ушел последний. Я подошел к окошку, опасаясь услышать обычный для нашего времени грубый отказ. Предупреждая его, решил снять с лица всякую официальность и обратился к девушке на башкирском языке. Девушка удивленно приподняла брови, но поняла и даже чуточку улыбнулась. Слава богу, подумалось, наверно, наткнулся на отзывчивую работницу, значит, дело выгорит. Пока девушка записывала что-то для себя, я, не теряя ни секунды, рассказал в окошко о Матросове: и вот на ее лице появились признаки замешательства, а затем и мягкая заинтересованность. Она отложила свои дела и уже с искренним желанием помочь журналисту тут же приняла два заказа. Не прошло и десяти минут, как она выложила передо мной два адреса. Теперь уже я оказался в растерянности: разыскиваемые люди жили в том же микрорайоне, что и я — радости не было конца!

Квартиры нашлись быстро. Но вот людей, которые нужны были мне, там не оказалось. Куда-то переехали. И тогда стало понятно: справочное бюро города работает впустую, пользуясь старыми данными.

Хорошо, что адрес Муртазы мне дали еще в Кунакбаево.

БРАТ ШАКИРЬЯНА МУРТАЗА

Муртаза жил на улице Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Знаменательно!

Стучу в дверь. Открывается, а там парень с пышными черными усами. «Здесь проживает Муртаза Юсупов?» Задаю вопрос, а у самого сердце замерло: «Так это же он, Матросов!» Взгляд, особенно телосложение, не броские, но быстрые движения — все Сашины. Нет, так только показалось. У меня, кажется, начинается галлюцинация.

Молодой человек оказался сыном Муртазы — Володей. А где отец? Поехал за город, в сад.

Мы с ним встретились только спустя несколько дней. Не могу утверждать, что Муртаза был похож на представляемого нами Сашу, но что-то в нем было от него. Такой же крепыш. Смахивают нос, лоб.

В последние годы Муртаза перенес тяжелую болезнь, получил инвалидность. Разговаривает с трудом. С помощью жены и дочери, приехавшей в гости к родителям из-под Свердловска с двумя детьми, пытаемся разобраться в запутанном деле. Но Муртаза был далек от утверждения того, что он брат Шакирьяна, потому что совсем не помнит детство. Почему так случилось? Он рассказал следующее.

— Родился в 1935 году. Да, отца звали Юнус. Стал инвалидом еще в гражданскую войну. Держась за руки, ходили по дворам, попрошайничали. Был братишка Лутфулла, его помню хорошо, так как милостыню, которую давали люди, приносил и отдавал ему. Лутфулла умер в три года. Мать, Фархиямал, скончалась в Учалинской больнице в 1943 году. Вскоре умер и отец. Меня отвезли в Тунгатаровский детдом. Но и там многие умирали с голода. Я сбежал. Куда, спрашиваете? На Учалинский рудник, где была столовая. Там и кормился, а спал под забором. Меня словили и снова отправили в Тунгатарово. К тому времени там открыли еще один детдом — от золотоприиска. Попал туда. Сколько времени прошло, не знаю. Меня отвезли в Белорецк, а оттуда — в Серменево. Учился на курсах трактористов. Из Серменево перебрался в Уфу и стал шофером. 24 года работал на транспортном предприятии УПОГАТ-1.

— Постарше Вас брат был?

— Что было до меня, ничего не помню. Ведь забота была одна-единственная — как бы выжить.

В разговор включается хозяйка:

— Так ведь кто-то приезжал, говорил, что брата нашли. Кто это был?

— Да, кто-то говорил, якобы брат служит где-то. Но кто говорил, забыл.

Если мы сейчас придем к окончательному выводу о том, что Муртаза является братом Шакирьяна, а Шакирьян — это не кто иной, как Матросов, перед нами предстанет горестная судьба, большая трагедия целой семьи. Мы привыкли писать, утверждать, что в предвоенные годы в нашей стране полностью победил социалистический строй, экономика все крепла, и мы становились богатыми. И в

то же время вот она перед нами, неприкрытая правда — история простого деревенского человека, доведенного до крайней нищеты, дальше некуда; несчастье семьи, растерявшей всех детей, малышей, похожих на спугнутых птенцов. И таких горемык можно было встретить не только во время войны, но и позже, даже в пятидесятые, шестидесятые годы. Об этой безрадостной полосе нашей истории мы знаем мало. Нет, знаем, но почему-то закрываем глаза, стараемся забыть, как будто ничего особенного не было. Почему?

Родной брат Шакирьяна Муртаза Юсупов (г. Уфа)

При встрече с Муртазой ответа на необходимые вопросы получить не удалось. Несмотря на это, на душе потеплело. Человек, в какой-то степени связанный с Шакирьяном, — не чья-то выдумка, а реальность — вот он сидит перед нами, можно даже потрогать его руками. Он чем-то похож на Матросова, это я уже знаю наверняка. Его любезная и веселая дочь — смесь башкира с русской — вовсе вылитый Матросов. Ее дети, два мальчугана, резвящиеся на кровати, тоже напоминают маленького Сашу... Нет, мне все мерещится... Но на сегодня самым важным для меня было то, что нашелся сын старика Юнуса. Один факт, поведавший кунакбаевцами, подтвердился. А дальше, даст бог, и документы найдутся.

С этими мыслями я направился в республиканский ЗАГС.

Полутемное, прохладное помещение. Приветливые работники архива. Сразу несколько человек листаем толстые подшивки старых документов, перебираем картотску. Пожилой заведующий, бывший партийный работник, тоже взявшийся помочь, высказывает недовольство архивистам Учалинского района.

— Знаем мы эти пожары! — ворчит он. — Лень им искать, вот и ссылаются на всякое. У них же не одна, а целых четыре мечетные книги!

И все же учалинские архивисты оказались правы: документов вплоть до 1925 года — а нам так хотелось изучить бумаги 1923—1924 годов! — как не было в районе, так и здесь не нашлось. Ни оригиналов, ни копий. Жаль, ко-

нечно. Но ничего не поделаешь. Тогда полистаем хотя бы материалы конца 20-х годов. И сразу же наталкиваемся на несколько интересных документов.

Первый документ. Запись акта о рождении от 12 марта 1927 года гласит, что 7 марта 1927 года родился Габдула Юсупов. Отец — Юнус Юсупович. Мать — Муслима Хайбулловна.

Значит, правду говорили кунакбаевцы! Теперь никто не усомнится в том, что Юнус и Муслима — лица вымышленные.

2-я страница книги принадлежала Гайниямалу и Муртазе. Из нее явствовало, что Гайниямал родилась в 1928 году, Муртаза же — 10 апреля 1935 года. Отец — все тот же, Юсупов Юнус, но мать уже — Фархиямал Тажетдинова. Ей — 33, а ему — 64 года. Национальность обоих — башкиры.

Таким образом, уже кое-что есть. Но с самого начала в письмах и воспоминаниях кунакбаевцев то и дело всплывала фигура какой-то Гайникамал. Может, путают с Гайниямал? Нет, не должны. Гайниямал — дочь Юнуса. А кем же приходилась Гайникамал? Женой? Может, прав был кто-то из кунакбаевцев, который, осуждая старика, пророчил примерно так: «Хоть и инвалид, но был он бабником. Женился-то несколько раз».

Но вскоре в этот путаный вопрос внесла ясность Мархаба Ахметшина из деревни Ургуново все того же Учалинского района:

«Здравствуйте, Рауф туган! Поздравляю с Новым годом, желаю больших успехов в работе. Получила Ваше письмо, отвечаю на вопросы.

Мать Шакирьяна умерла от родов. Потом Юнус агай откуда-то привел Гайникамал. Это было в 30-х годах. Помнится, сноха Гайникамал была красивой женщиной. У ней был сын, Ахметзагит (вот как ларчик просто открывался!), белолицый, синеглазый мальчуган. Гайникамал прожила здесь совсем недолго. Позже приходила раза два, жаловалась, что скучает по Шакирьяну, и вызывала его через меня, передавала гостинцы и однажды — рубашку. Шакирьян был очень рад. Хоть он и не был родным сыном, она жалела, любила его. Куда ушла Гайникамал после этого, я не знаю. Она из какой-то далекой деревни. А Юнус женился на Фархиямал, кажется, в 1931 году. Дочь, должно быть Гайниямал, умерла еще маленькой. Фархиямал сама скончалась в 1943 году».

Из сообщений М. Ахметшиной можно сделать такой вывод: если Муслима умерла, когда Шакирьяну было все-

го четыре или пять лет, и если Фархиямал вообще не участвовала в его воспитании, то в сердце мальчика мог остаться образ только Гайникамал, доброй и красивой женщины. Повзрослев, он и мог искать именно ее, подразумеваемая в ней мать.

РАДОСТЬ САНИИ ГИРФАНОВОЙ

Итак, мы сейчас довольно смело можем заявить, что сумели прояснить детские годы Шакирьяна вплоть до 1934 года. Данное утверждение подкрепляют и сохранившиеся документы Уфимского музея А. Матросова. Приведем текст одного из них:

«В. Ч. Из Киева.

По ходатайству правления общества «Знание» Украинской ССР нами уточняется число, год и место рождения Героя Великой Отечественной войны А. М. Матросова.

По имеющимся неофициальным сведениям Матросов родился в г. Уфе.

Прошу дать задание проверить по адресу архиву ЗАГСа наличие актовой записи о рождении Матросова и в положительном случае копию актовой записи выслать нам почтой.

Результаты проверки сообщить по записке В. Ч.

Зам. начальника УООП Киевской области подполковник Киселев.

№ 17/5—474 от 10.III.1965 г.

Приняла 12.III.1965 г. Ахметзянова».

Второе. Редакция газеты «Совет Башкортостаны» направила на имя директора музея Комсомольской славы имени А. Матросова в г. Днепропетровск письмо с просьбой прислать копии документов Героя, имеющих в музее. Заодно мы попросили ответить на вопросы: 1. В каком доме, на какой улице города Днепропетровска родился А. Матросов? 2. На каком заводе работал его отец и в каком районе убили его кулаки? 3. Что стало с его матерью, бабушкой? 4. До поступления в Ивановский детдом Ульяновской области где еще он мог воспитываться?

Примерно такого содержания просьба ушла и в адрес редакции газеты «Днепропетровская правда». И в ней была приписка: «Мы думаем, что журналисты вашей газеты изучили эти вопросы и у вас сохранились какие-то документы».

Вскоре пришел ответ: «В ответ на вашу просьбу высылаем фотокопии документов А. Матросова: представление

к награде, Указ о присвоении звания Героя (т. е. известные до этого документы. — Р. Н.). На вопросы, поставленные в письме, к сожалению, ответить не можем, так как Днепропетровский архив такими данными не располагает.

В настоящее время нами планируется подробное изучение биографии А. Матросова на основании данных ЦК ВЛКСМ и других источников. Убедительно просим вас при возможности поделиться полученными новыми сведениями...»

Даже не предполагал, что дела там настолько плохи, — родилась мысль. — Ссылаются на ЦК ВЛКСМ. Но и там, и в Центральном архиве Министерства обороны СССР ничем хорошим не поживешься. Так, последний из них сообщал: «Кроме данных, которые вам уже известны, другими данными ЦАМО не располагает». Значит, вся надежда на нас.

— А почему тогда, ничего не имея за душой, построили громадный музей? — возник вопрос.

— А не там ли родился Брежнев? — засмеялся один из наших посетителей, познакомившись с ответом из Днепропетровска.

Конечно же, это шутка.

Спустя несколько месяцев из Днепропетровска пришло еще одно письмо: «Здравствуй, Рауф Хаевич! Обращаемся к Вам с просьбой поделиться материалами, касающимися биографии А. Матросова, — писала директор музея Ж. Исакова. — Мы неоднократно пытались уточнить в различных учреждениях нашего города место и дату рождения А. Матросова, но, к большому сожалению, сведений о нем в архивах и загсах никаких нет.

Надеемся на Вашу обещанную помощь.» Амны! Почему же не помочь, только надо еще немного поработать.

Пора было выйти на связь и с полковником, который увез «дело» А. Матросова в Москву. Как выяснилось, это Щелкунов Сергей Александрович. Его координаты мне сообщил начальник отдела кадров Управления исправительно-трудовых учреждений полковник Г. М. Галеев. Попутно не могу не выразить благодарности тем товарищам, которые с полуслова понимали следопыта и были готовы оказать посильную помощь.

Прошел день, пока нашли по телефону С. А. Щелкунова. Приведу краткую запись разговора с ним.

— Да, «Личное дело» Матросова находилось у меня, — сказал Щелкунов.

— Почему у Вас?

— Документы были на грани исчезновения, поэтому решил взять их с собой в Москву. Почему-то их дали какому-то пенсионеру. Его вызвали в Управление в Уфе, а он пришел с пустыми руками. Сколько ни уговаривали, отказался принести. Уже потом наши товарищи еще раз побеседовали с ним. Наконец-то «дело» он принес, и его переслали мне.

— И где же оно сейчас?

— Не знаю... Я ведь ушел из Политического управления. Когда уходил, «дело» оставил в сейфе. После меня на этой должности работал Детков Михаил Григорьевич. Он, кажется, перешел во Всесоюзный институт повышения квалификации руководящих кадров МВД. Это где-то в Домодедово. Туда быстро и не попадешь... А наше управление ликвидировали.

— Что же теперь делать?

— Я попробую найти Деткова. Найду и сообщу Вам.

— А что было в папке, не помните?

— Характеристики, фотографии.

— А не было указано, откуда прибыл Саша в Уфу?

— Кажется, из Днепропетровска.

— А не помните что-нибудь характерное?

— Кажется, в Саратове задержала его милиция. Вот это помню. Попадал не раз, а два раза.

— А за что его взяли, не знаете?

— За нарушение паспортного режима... Вы позвоните через неделю-другую. Постараемся найти «дело».

Вроде бы кое-что сделано. Вдобавок еще один сюрприз из города Учалы.

Спешно прислала письмо Саня Гирфанова. Вот что она сообщала, выводя каждое слово крупными буквами: «Ура! Возрадуемся! Я нашла у себя фотографию Шакирьяна!.. Вы как-то интересовались, не сохранилось ли у кого-либо его фото. И я вспомнила: в 1932 году во время молотьбы приезжал фотограф в нашу деревню. Дайка, думаю, нет ли Шакирьяна среди односельчан? Да вот он! Он стоит возле трактора. На фотографии всего 16 человек. Из них здравствуют нынче шестеро. Узнать можно. Край фотоснимка обрезаны, но изображения всех сфотографировавшихся целы.

На обратной стороне надпись, сделанная рукой моего отца. Хочу съездить в деревню и показать людям, да пого-

Жители дер. Кунакбаево. Второй слева в первом ряду — Шакирьян
(фото 1932 года)

да неважная: без конца идет снег. Надо бы побывать и в Ишкинево, у Галимьян агая.

Галия Курбангалеева тоже узнала Шакирьяна.

Это фото, думаю, не у всех имеется. Отец же взял. И все же у кого-нибудь может сохраниться. Буду звонить в школу. Пусть поищут. Саня».

Не прошла и неделя, как она прислала еще одно письмо. «На обороте отец написал такие слова: «На снимке — члены колхоза «Юшалы» деревни Кунакбаево, сфотографировались во время молотбы. Проводили субботник. Фотография сделана 2 сентября. Здесь всего 59 человек: из них семеро — живы-здоровы. Шакирьян стоит правее трактора, в белой рубашке с темным воротником. Впереди него — Заки Иргалин, 1928 года рождения (жив. — Авт.). За трактором, в жилете — Сахи Абдрахманов...»

Далее С. Гирфанова каждой называла пофамильно и заканчивала письмо просьбой: «Увеличьте фото и пошлите мне копию. Я здесь успела показать только двум-трем сельчанам...»

Вот такая находка. А следом за ней поступила и другая весть, и дело получило совершенно иной поворот...

НЕ ВЕРЬ КАЖДОМУ

То было не только странное, но и тревожное послание. Возможно, я бы не придавал ему особого значения, если бы автором письма не был надежный, хорошо знакомый человек. Если все написанное окажется правдой, то нам дальше делать нечего, все наши поиски окажутся напрасными. А сколько потрачено сил, времени! Что же делать? Бросить все? Нет, надо съездить в Учалы, проверить сигнал. О, святая наша простота! Как мы готовы поверить каждому слову... Только позже, спустя несколько лет, я пойму: не каждому по душе начатая нами работа. Но здесь скрывалось другое: человек, по просьбе которого мне написали, стремился не столько увести поиск по ложному пути, сколько отомстить кунакбаевцам за то, что они отвергли, не приняли в свое время его в свой круг. Но об этом узнаю потом, а сейчас же передо мной встревожившее меня письмо.

«Я пишу по просьбе Загирова (фамилия изменена. — Авт.)... Вообще-то он сам хотел бы повидать Вас, даже с нетерпением ждет встречи...

По утверждению Загирова, отец А. Матросова был учителем. У него было две лошади и две коровы. Он держал работника, и его, как кулака, сослали в Дуванский район. Он и его жена умерли там, в ссылке. От них остались девочка и мальчик по имени Жавдат. Один из детей попал в детский дом в Ульяновск, а второй — в Уфу. Мальчика взял под свою опеку некий Матвеев. Потом Жавдат ушел на войну, проявил героизм. В 1946—1947 годах его фронтовой друг в солдатской форме привез Золотую Звезду Героя и деньги в сумме 25 тысяч рублей. Он искал родственников Жавдата, побывал в сельском совете. Председатель сельсовета направил приезжего к Гильметдин агаю, тот — ко мне, как родственнику Жавдата. Но в тот момент я сильно болел, не знал, выживу или нет. Поэтому отказался принять предложенные деньги. Подумал: время трудное, еще истрачу, а что потом скажу сестре Жавдата? Наверное, я сглупил, зря не принял и деньги, и Звезду. Так и не знаю, как звали того солдата, откуда он приехал...»

Это какое-то наваждение! Такого не может быть! Стало тоскливо и пусто. Хоть и не верилось, вдруг в душе ощутил усталость. Попробуй, узнай хоть какую-то информацию о человеке, у которого ни отца, ни матери, ни фотографии.

Выясняй, какой фронтовик доставил орден. В общем, ищи. Не зря, вероятно, как-то во время одной из коман-

дировок мой случайный знакомый довольно серьезным тоном спросил: «А сколько тысяч дают тебе за эти страдания?» Я был ошарашен его голой практичностью: а причем тут деньги? Он усмехнулся и молча зашагал прочь.

Впрочем, вернемся к письму... «После войны из военкомата позвонили Сагитову и попросили доставить из Кунакбаево в Уфу горсть родной земли героя. Председатель сельсовета Сагитов болел и сам не поехал, а послал другого человека. И тот по приезде сказал, что Матросов не наш, его называют своим «зауральские». Короче, все перепутал... Но он наш и зовут его Жавдат. Он, по утверждению Загирова, сын его родного брата. Вы уже сами приедьте, поговорите с ним. У него есть секреты, которые он может открыть только Вам...»

Неужели Загиров все это придумал? Все-таки надо бы проверить, как открывали памятник в Уфе, действительно ли привозили землю и откуда? Правда, будет сложно — ни со стороны областного комитета партии, ни от комсомола, ни от военкоматов, где могли это знать, поддержки не находил. Поиск превратился в мое «личное» дело.

Загирова непременно надо было увидеть.

В деревню приехал на попутке. Поскольку ни председатель колхоза, ни председатель сельского совета не были предупреждены, их на месте не оказалось. В сельсовете сидели одни женщины. Проводить до дома Загирова никто не захотел, только показали в окно, в каком направлении идти.

Вот и его дом. Крепкие ворота, высокое крыльцо. Словно меня ждали — тут же открылась дверь, и в проеме показался пожилой человек. Вошли в избу. Внутри не прибрано. Есть ли хозяйка или нет — хоть я спросил об этом — так из ответа ничего не понял. В душу закралось беспокойство. Но не подав виду, медленно снял верхнюю одежду, повесил на гвоздь у дверей, и мы сели за стол. Только начали беседу, кто-то тихо вошел в комнату и встал в углу напротив, скрестив руки на груди.

— Что? Приехали насчет дома?! — не спросил, а вызывающе крикнул молодой мужчина.

Ничего не понимая, я перевел взгляд на хозяина:

— Кто это?

Загиров что-то пробурчал — разобрать слова было невозможно. Незнакомый, обросший щетиной мужчина, честно говоря, первировал своим присутствием. Тем не менее, хозяин дома поведал немало. Хотя его рассказ мало отличался от известного уже письма. Разве что такое вот дополнение: он как бы по секрету выложил, кто присвоил

Звезду, какие хапуги поделили между собой те 25 тысяч и в самое трудное послевоенное время построили себе хоромы.

Перед тем как попрощаться, Загиров еще раз сообщил, у кого находится Звезда, и обещал, что подкараулит, заберет и привезет ее ко мне.

Услышанное меня заинтересовало, но беседа была не из самых приятных; более того, меня постоянно что-то настораживало. Надо было уходить. И побыстрее. Хозяин вышел проводить. Не доходя до ворот, я обернулся: на крыльце все так же молча стоял тот молодой, небритый мужчина.

— Все же кто это был? — тихо спросил я у Загирова. Он что-то невнятно пробормотал.

Эту историю, посмеиваясь над своей трусостью, я позже рассказал кунакбаевским друзьям. Они сухо и кратко ответили:

— Ни одному его слову не верь.

— Почему?

И мне рассказали, что Загиров еще в молодости совершил тяжкое преступление, сидел в тюрьме, потом долго бахвалился, что так и не сумели до конца раскрыть содеянное им. Он осел в этой деревне, но кунакбаевцы воспринимали его как чужака. Загиров же, видимо, стремился к известности, хотел общественного признания.

Однако о некоторых сведениях, сообщенных Загировым, стоило выслушать мнение сведущих людей. С помощью опять-таки же кунакбаевских следопытов на другой день удалось уточнить: Жавдат умер еще в детстве. Родители, действительно, были сосланы, но отец сбежал из-под караула, приехал домой и... был убит неизвестно кем у себя на огороде и неизвестно за что. Преступление так и осталось нераскрытым.

Герой Советского Союза Ж. У. Сунагатуллин, проживающий в городе Учалы, на вопрос о том, давали ли впридачу к ордену деньги, засмеялся:

— Ох, какой знакомый вопрос! Мне давно морочат голову: сколько, мол, тысяч дали тебе вместе с орденом? Только недавно перестали интересоваться. Видимо, надоело спрашивать. Не глупость ли? Война и деньги. Разве о деньгах думали? Где как, может, где-то при вручении ордена и прикладывали какой-нибудь подарок, а то — 25 тысяч! Да еще один момент — ведь все сразу не делается. Например, представление на меня послали в июле 1943 года, а орден вручили только в декабре 1944 года. Не минутное это дело, только документы сколько оформляют.

Тот же вопрос мы обсудили в военкомате города Учалы. Мнение майора К. Никифорова таково: «Золотую Звезду никогда в чужие руки не дают. Не положено. Если приходится вручать родственникам, так только лишь Грамоту, а орден остается в Центре... Что касается денег... К ордену могут прибавить, скажем, сто рублей или около этого. А чтоб 25 тысяч — это ложь».

«ПОЛКОВНИКИ»

О фактах, привезенных из Кунакбаево, я не стал распространяться перед товарищами на работе — сведений о Шакирьяне со стороны учалинцев и без того было достаточно. Вероятно, учитывая это обстоятельство, редактор, хоть и знал, что в последние дни я был в постоянных разъездах, сухоовато спросил:

— Ну, как, есть вести от полковника?

Долгое молчание бывшего начальника Политуправления детских трудовых колоний беспокоило и меня. Полковник в отставке, судя по неоднократным телефонным разговорам, показался человеком обязательным. Но все же странно — он молчал. Надо было что-то делать.

Пришел на помощь мой добрый земляк, долгие годы проработавший начальником Управления заготовок сельхозпродуктов республики, кандидат экономических наук Муса Гайсинович Билалов, который часто заглядывал в редакцию и постоянно интересовался поиском, давал советы.

— Дайте мне удостоверение от газеты. Съезжу в Москву, — предложил он.

Это была хорошая идея. Возможно, Билалов встретится не только с Щелкуновым, но и найдет квартиру писателя Шкадаревича? Я знал, что И. Шкадаревича уже нет в живых, но пришел к мысли, что стоило бы встретиться с его семьей. Писатель приезжал в Уфу, побывал в Ульяновске — очевидно, собранного материала у него немало. В своей книге он не касается детских лет героя. Поэтому могут остаться неиспользованные им документы. Вполне может быть и такое, что на его рабочем столе лежит боее полное, переработанное произведение.

Было известно также, что именно И. Шкадаревич первым сообщил в газете Калининского фронта «За Родину!» о геройстве А. Матросова. Его заметку затем продублировали другие издания. А когда факт дошел до И. Сталина, Верховный Главнокомандующий якобы написал поперек

газеты: «Пример, достойный подражания». Впрочем, и в приказе № 269 от 8 сентября 1943 года мы читаем почти те же самые слова: «Великий подвиг товарища Матросова должен служить примером воинской доблести и героизма для всех воинов Красной Армии».

Короче, М. Г. Билалов, пообещав, что все сделает как надо, выехал в дорогу.

Надо сказать еще об одной помощи. Как только в «Совет Башкортостаны» были опубликованы три-четыре очерка, первыми известили своих читателей о новой версии журналисты соседней республиканской газеты «Молодежь Татарстана». Пришел день, когда, наконец-то, обратил внимание на эту тему и наш «Ленинец». А это было очень важно, потому что сложный спорный вопрос можно расследовать, изучить и разрешить только при участии русскоязычных читателей. Молодой журналист Ямиль Бурангулов, работающий в этой редакции, решил проблему очень просто: то, что публиковалось в газете «Совет Башкортостаны», он вкратце пересказывал на русском языке в своем издании. Ямиль добросовестно выполнял свою задачу и сам незаметно включился в поиск и за короткое время успел обрадовать несколькими находками.

Например, отвечая на одну из публикаций Ямиля, прислал письмо Фарит Даутов из Хайбуллинского района. «Просматривая дневник, который я вел в начале 60-х годов, я наткнулся на запись беседы с воспитательницей А. Матросова Л. В. Корепановой. Она выступала на совещании перед директорами школ в Доме пионеров. Осталось в памяти ее замечание о том, что Матросов был очень подвижный паренек, любил физическую работу, а вот на уроках русского языка занимался слабовато».

Я. Бурангулов в одном из материалов рассказал о посещении молодежной редакции уфимцем Ф. И. Габдрахмановым. «Шурик-Шакирьян», «Шурик-Матрогон», «Шурка-машинист»... — все эти клички, по его утверждению, имеют непосредственное отношение к Матросову. О происхождении первых двух уже говорилось, а вот последняя, по мнению Фаткулбаяна Идиятовича и некоторых других, связана с тем, что Саша много путешествовал.

Сам Габдрахман лично не знал Матросова, слышал рассказы о нем от беспризорника Хамита. Знает, что Хамит потом выучился на агронома.

Габдрахманов Ф. И. был в заключении в Алма-Ате, от туда его перевезли в Кемеровскую область. Он помнит, как в сентябре 1951 года туда привезли этапников из Уфы.

И здесь от них Габдрахманов опять услышал о Шурике-Шакирьяне, то есть о Матросове».

«Интересные открытия для себя мы сделали, покопавшись в подшивках старых газет, — сообщил далее Я. Бурангулов. — Например, в «Учительской газете» за 1967 год в материале под заголовком «Доброе имя героя» кандидат исторических наук Т. Михайлова громит писателей Анвера Бикчентаева за книгу «Орел умирает на лету» и Павла Журбу за повесть «Александр Матросов».

Оговоримся, что оба писателя, на наш взгляд, довольно правдиво писали о Матросове, хотя и искренне заблуждались, считая его днепропетровчанином и не ставя под сомнение истинность фамилии героя.

А били их за правду. Вот цитаты из заметки Т. Михайловой и откликов на нее:

— «... Для воспитания необходим положительный герой».

О Журбе: — «... изображает Матросова «бродягой», «вором», «никчемным человеком». И это за то, что Журба описывает жизнь беспризорника!

Об Анвере Бикчентаеве: — «Писатель подает его (Матросова — Я. Б.), как «гастролера», «хулигана и дебошира», называет подростка отменным бродягой, который якобы промышлял на вокзалах, пристанях и базарах.

... Александр Матросов — не литературный герой, а конкретная личность. Его жизнь и дело изучают историки, и это изучение показывает, что у писателей нет основания и права обращаться с такой личностью по своему усмотрению».

П. Ковальчук, учитель из Ульяновска: — «Автор (П. Журба. — Я. Б.) клеветает на него».

А. Медведев, полковник, секретарь общества «Знание»: — «Книга Журбы вызвала негодование офицеров и генералов СА».

Г. Пухов, член КПСС с 1920 года (цитата длинная, но очень важная для понимания сути кампании, начатой Т. Михайловой и продолжаемой сегодня):

— «... в книгах Журбы и А. Бикчентаева неверна в корне концепция о героях и героизме».

Вот как, оказывается, избивали двух литераторов только за то, что они осмелились показать Сашу беспризорником. Концепция неверна... «Источниками этого массового героизма являются не врожденные качества, как считают вышеназванные авторы, а наш общественный социалистический строй, марксистско-ленинская идеология, неустанная работа партии, государства и общественных организа-

ций по коммунистическому воспитанию трудящихся, — утверждает Г. Пухов. — Раскрыть это в художественных образах с позиций соцреализма и является главной задачей произведения, посвященного подвигу любого народного героя. Всей этой глубины нет в названных книгах об Александре Матросове».

«Лучше», по-моему, не скажешь!

Любопытно прочитать в газете за 1943 год «Красная Башкирия» (от 14 сентября):

— «Презрение к смерти» — М. Бубенков (перепечатка из красноармейской газеты «Боевое знамя») — «На собрании выступил комсомолец Саша Матросов — молодой белокурый паренек» (Однако белокурый его никто не помнит!!! — Р. Н.).

Оттуда же. Передовица «Герой-уфимец Александр Матросов»:

— «Трудящийся, кто бы ты ни был, на каком бы посту ты ни стоял! Пусть стоит перед твоим взором образ Александра Матросова!»

Газета «Кызыл Башкортостан» (15 сентября). Публикуется материал «Рус егете» («Русский парень») Хрусталева. 9 октября публикуется письмо комсомольцев 254-го полка комсомольцам Башкирии: «Воспитывайте таких же героев, как Матросов». К этому времени уже написали стихи о Матросове А. Твардовский, К. Титов, Дж. Киекбаев и другие.

28 сентября газеты объявили, что имя Матросова присвоено 64-й мужской школе Уфы, центральному парку культуры и отдыха, детскому кинотеатру. В улицу Матросова была переименована Садовая.

Трудовые бригады уже боролись за право носить его имя. Фамилия Матросова, без преувеличения, облетела весь мир. И попробуй тогда кто-то во всеуслышание заявить, что Саша не был пай-мальчиком, он был человеком с трудной судьбой, которую мы до сих пор до конца не знаем (хотя, если версия подтвердится — мы уже достаточно много знаем о Матросове...)

И сейчас поиск ведется не для того, чтобы как-то признать образ героя и тем более подвиг, совершенный им.

Но установить истину мы должны. И может быть — истину о том, что Саша — родом из Башкирии.

Ямилъ, успевший сделать для себя важные выводы, зашел однажды в нашу редакцию и с кислым видом заявил, что в «Ленинце» запретили публиковать материалы об А. Матросове (там был назначен новый редактор).

— Не расстраивайся, Ямил, — сказал я ему, — считай, мы уже выполнили поставленную задачу. Сейчас, благодаря тебе, и русский читатель будет знать или хотя бы догадываться, о чем идет речь в газете.

Я был искренне рад росту молодого журналиста, имеющего собственный взгляд на жизнь, умеющего анализировать то, что видит. Он единственный из комсомольской братии поддержал нашу версию.

Кстати, Бурангулов как-то познакомил меня с письмом, поступившим в их редакцию. Его автор — В. П. Колпаков (фамилия изменена. — Р. Н.) — писал следующее: «Прочитал статью «Откуда ты родом, Матросов?» Если Вас интересует, могу дать многое, так как лично был знаком с ним в колонии. Начальником у нас был Волков, а заместителем — Ополев. При нас он ушел в армию и перед отправкой на фронт зашел к нам в колонию. После подвига вскоре к нам приехали кинооператоры и снимали нас. Но картины я лично не видел.

Если Вас интересует Матросов, то можете прийти ко мне домой. Мой рассказ будет не гипотезой, а суцая правда...»

Как не пойти к такому свидетелю? И вот я, спустившись к Сутолоке, в глуховатом микрорайоне г. Уфы, ищу его дом, стучусь в дверь. Никто не отзывается. Толкаю — оказывается, она не заперта. Но внутри никого. Выхожу обратно. Долго топчусь на улице. Снова подхожу, снова стучусь — то же самое. Только в третий раз застал хозяйна — сидит с кем-то на кухне, пьет пиво.

— Здравствуйте. Вы Василий Павлович?.. А почему дверь оставляете незапертой?

— Зачем? Здесь не колония, — отпарировал хозяин.

Он встал из-за стола. Это был крупный, богатырского сложения, с пышными, давно не стриженными волосами мужчина. Вероятно, из-за длинных косм он показался несколько неряшливым, однако при модном галстуке. Он широкими шагами подошел ко мне и представился:

— Колпаков. Полковник. Член партии. — Крепко пожал руку и, не дожидаясь ответа, повернулся к кухне: — Все! Давай отсюда! Иди-иди домой, ко мне ба-а-альшой начальник. Корреспондент. Давай, давай, могай быстрее!

Его приятель нехотя поднялся из-за стола и, переваливаясь, направился к выходу, вышел, но пока раздевался я, а хозяин убирал со стола, он быстренько вернулся назад, юркнул в соседнюю комнату, достал из-под кровати трехлитровую банку с пивом и — был таков. Во дает! Нечаянная сцена ошеломила меня, и я, как бы ища объяс-

нений, по-свойски обратился к полковнику, запиравшему входную дверь:

— Вы сказали, член партии?

Хозяин громко засмеялся, показывая крупные зубы.

— Да нарочно говорю так посторонним. Какой же я коммунист?! Какой полковник? — Колпаков пригнулся, приблизил ко мне кудлатую голову. — Я семнадцать лет сидел в тюрьме. Три раза давали «вышку». А я все живу. И привык ко всему. Все умею. Например, если ударю Вас ребром ладони, вот так — сломаю любое место.

«... Куда я попал? Хочет брать на испуг?... Почему-то и хозяйки нет рядом... Я опять в той ситуации, в какой был в Кунакбаево». Однако желание узнать, что это за фрукт, взяло верх. Похоже, Колпаков не совсем простой человек, прожил жизнь, полную происшествий. Ни с того, ни с сего вряд ли будет такой человек хулиганить. Хоть и под хмельком, по-моему, далек от бузотерства. И еще подумалось: вот фигура, годная для интересного образа. К слову сказать, я уже не впервые встречаюсь с бывшими колонистами — они в основном шумливые, грубоватые, резкие в общении люди, а вот душа — потемки... Словом, пора бы и привыкнуть к ним.

Василий Павлович уже несколько раз порывался начать разговор о Матросове. Но я сдерживал его, предполагая, что он ничего доброго о Саше не скажет, да и хотелось поближе познакомиться с ним самим. Хитрить и что-то придумывать мне не пришлось — Колпаков весь был на виду.

— Меня в Уфе знают все начальники! — громко начал он свой рассказ. — Самые большие начальники! Они у меня все вот тут, в одном кулаке, потому что я их учил водить машины.

«Значит, шофер», — решил я про себя.

Молодость его прошла так: учился в ремесленном училище, там в драке пырнул кого-то ножом. Дали ему три года. Надо бы их отсидеть и начать спокойную жизнь, но все сложилось по-другому. Вася начал кочевать из колонии в колонию... А потом долго не мог устроиться на работу. Злость взяла. Но все-таки удалось оформиться таксистом. Позже преподавал автовождение. Образование так себе, но говорит, что хорошо разбирается в юриспруденции, художественной литературе, помнит наизусть поэмы, стихи.

— Когда вышел из тюрьмы, специально познакомился с бабой майора, бывшего меня в лагере по пяткам. Отомстил ему так. А свою жену прогнал — с кем-то путалась

в мое отсутствие. Я ей так объявил: убивать не буду, хотя рука не дрогнула бы. И любить не буду, но ты будешь приходить ко мне убирать квартиру, я же найду себе другую потаскуху».

— Ну и ходит она к Вам?

— А куда ей деваться? Короче, страху нагнал на нее... Ничего не боюсь я, забыл, что это такое. Вот и о Матросове, не боясь, могу рассказать все.

Я задаю ему несколько вопросов, особенно интересующих меня.

— Во-первых, о внешности Матросова, — начал перечислять «полковник», — маленького роста. Встаньте-ка. Вот точно как Вы. Плотный. Постоянно ходил в тельняшке. Звали «матросом», отсюда и фамилия.

— Значит, «Матросов» — это не своя его фамилия?

— Нет. Я даже утверждаю, что фамилия «Матросов» — не его. Она придумана. И у меня не было фамилии.

— А какой у него был характер? Как он держался?

— Был блатной. Бил других... Раз он проиграл мне белые валенки. Это помню хорошо, потому что в них ушел в 9-ю колонию.

— А это где?

— Тут же, в Уфе... Его должны были зарезать. Вот после этого он и «выскочил».

Я не понял:

— Куда «выскочил»?

Колпаков матюкнулся:

— Да как не поймете! Выскочил «не куда», а в активисты. И стал избивать ребят, загонять их в актив. Команду сколачивать.

Не тороплю «полковника», а чуть-чуть направляю разговор. И он, что очень важно, рассказывает все как было, не приукрашивает события. Василий Павлович рисует Матросова жесткими красками, а я радуюсь: да, он не был мямлей, имел твердый характер. Только вот методы воспитания применял... Впрочем, чему тут удивляться, его поведение вполне можно понять.

— А у него не было тети?

— Ерунда это! Была Настя-хлеборезка. Ее и выдают за тетю. Просто знакомая была. Свою компанию водил к ней, чтобы подкармливать.

— А у Вас какие взаимоотношения были с ним?

— И нас хотел взять в оборот. Но мы не поддались ему. Сразу предупредили его, что в обиду себя не дадим. И он понял.

— А что Вы делали в колонии?

— Ходили на третью пристань вытаскивать бревна. Делали ящики под снаряды, готовили деревянные подошвы для ботинок. В книгах пишут, будто бы Матросов был слесарем. Ложь это. Никаких слесарных у нас не было.

— Еще что добавите?

— У меня кличка была — «Сельский»... В колонии беспризорников не держали. У нас находились совершившие преступление и осужденные...

— Еще?

— Кто-то начал писать в газете, что Матросов якобы был башкиром. Нет, я его знал как русского.

Хорошо, и это возьмем на заметку. Что же теперь, все возвращается на круги своя? Но я молчу и вытаскиваю из папки все фотоснимки, какие удалось найти. Кладу на стол перед «полковником» и терпеливо жду. Василий Павлович перебирает их и отбирает... мальчика с голубем в руках.

— Во! — восклицает он. — Это его морда!

— А это? — Я придвигаю фото, где Матросов только что получил комсомольский билет.

— Можно сказать, что и здесь он похож. Но высоковат.

А остальные, в том числе саратовский снимок, где милицейскими органами подписано, что это А. Матросов, Колпаков отодвинул в сторону: не он! Поступил почти так же, как и Гариф Халиков в Учалах.

Загадка да и только с фотографиями! Откроется ли их тайна?

БАШКИРСКИЙ ПАРЕНЬ САША

Муса Гайсинович Билалов возвратился из Москвы расстроенный, набив чемодан пустыми обещаниями. Щелкунов не нашел Деткова, которому «сдал» дело Матросова. Или просто не захотел искать? Но он посоветовал не терять надежды и снова пообещал найти его, а затем сообщить в Уфу результаты.

М. Г. Билалов добрался и до квартиры И. Шкадаревича. Мусе Гайсиновичу открыла дверь сноха Ивана Юсифовича и заявила, что никаких бумаг писателя не осталось. Что-то было, но куда все подевалось, она не знает. Жаль, конечно, жил человек на свете, всю сознательную жизнь искал, собирал по крупицам данные, а теперь выясняется: все прахом пошло.

Лучше всего, пожалуй, продолжать разыскивать знакомых Матросова. Значит, надо ехать в город Салават,

к Ражабу Сайфутдинову, о котором давно уже говорили, что он был в колонии вместе с Сашей.

Перед тем, как отправиться в дорогу, я имел разговор с одним другом.

— Фактов сейчас у тебя — лопатой гребь. А ты все ходишь да ходишь. Может хватит, а?

— Рад бы не ездить, но у моих доказательств один недостаток: как слепые котята, все похожи друг на друга.

— Так это же замечательно!

— Нет, не хватает главного звена. Поэтому и собираю новые сведения — вдруг обнаружу нечто такое... Сейчас как будто есть нить биографии, но с двумя-тремя неизвестными. Как свести концы?

Заметив, что я готов впасть в уныние, друг поспешил успокоить:

— Не тужи! Я уверен, дело распутаеть. Говорю же, вон сколько собрано.

— Да если и не распутаю, сведения не пропадут. Может, кто-то потом продолжит начатое дело.

Точного адреса Ражаба Сайфутдинова у меня не было. А наугад выезжать не было смысла. К счастью, подсказали, что у него есть сестра, и она работает в Салавате в одном из детских садов.

Нужное мне детское учреждение разыскал быстро. И воспитательница, попросив присмотреть за ее малышами другую женщину, получив разрешение у заведующей, повела меня, совершенно чужого для нее человека, к автобусной остановке. Хорошо, что работа следопыта, рассуждаю про себя, состоит не только из треволнений и неприятностей. Мир не без добрых людей. Благодаря в душе эту женщину, которая буквально час тому назад не ведала о моем существовании, ехала сейчас со мной к черту на кулички на дребезжащей на ухабах машине. Такие люди украшают нашу жизнь.

Сайфутдинова дома не было (ох, уж эти старики, никак не усидят дома!). Воспитательница детсада представила меня хозяйке — своей снохе и поспешила обратно к своим детям. Мне тоже сидеть дома не хотелось, и я решил встретить хозяина на улице. Долго кружил вокруг здания, мимо прошло много мужчин, но кто из них Сайфутдинов? И что же он расскажет?

Наконец, по тротуару не спеша прошагал чем-то озабоченный, с лохматыми бровями пожилой дядька и направился к среднему подъезду. Он вошел. Я — за ним.

— Не Вы будете Ражаб агай? Я приехал к Вам... Из Уфы, по делу.

Мужчина, уже успевший подняться на несколько ступенек выше, сердито выронил:

— Да, я.—И раскрыл входную дверь. Я последовал за ним. Узнав, по какому делу к нему приехали, Сайфутдинов еще больше насунил брови и с видом обиженного чем-то человека зашагал дальше, оставив меня в прихожей. А еще говорили, что это добрый, отзывчивый человек, что он для кого-то даже сумел выбить квартиру...

Причину такого пренебрежения он сам объяснил позже. Оказывается, Р. Сайфутдинов сразу после войны хотел до властей довести истину об А. Матросове. С этой целью поехал в Уфу. Но на улице встретил знакомого журналиста и еще одного писателя. Те завели его в ресторан, и, неизвестно почему, стали отговаривать бывшего фронтовика-земляка от задуманного им и посветовали вернуться домой. Так он и поступил, но в душе осталась невысказанная обида на журналистскую братию, и сейчас, вероятно, он считал совершенно бесполезным тратить время на ненужные воспоминания. Во всяком случае, своим поведением он дал это понять.

Через два года, когда мы познакомились поближе и уже полностью доверяли друг другу, Ражаб Ибрагимович, посмеиваясь над собой, объяснил свое нежелание говорить со мной еще и так: «А ведь я, парень, в тот раз испугался. Подумал, может, этот человек из КГБ. Может же быть такое?»

Итак, меня встретили недружелюбно. Но разговор все-таки завязался. Сайфутдинов постепенно менялся и, хоть с большой неохотой, но начал отвечать на вопросы. Вот к чему сводился его рассказ.

— Я в детский приемник дважды попадал. Первый раз в 1941-м, второй раз — в 1942 году. Сначала мы жили по улице Пионерской, а позже, когда построили новое здание в лесу, переселились туда. Матросов был и там, и тут. Он был не воспитателем, а старшим группы из восьми-девяти парней. Как старшина, что ли. Они следили за порядком, особенно в столовой.

Ражаб Сайфутдинов, который воспитывался в Уфимской трудовой колонии вместе с А. Матросовым (г. Салават)

«Он говорит то же самое, что и Колпаков», — с удовлетворением подумал я про себя.

— «Кодла» доставала все: и жрать, и пить.

«Убеждает его рассказ. Ни для кого не секрет: поскольку не хватало продуктов, подростки иногда сами их добывали. Известно также, что нередко допускали грубость по отношению друг к другу».

— Кличка Матросова была «Шурик-машинист», и его посылали ловить сбежавших колонистов; его хорошо знали в Челябинске, Казани, Самаре, Кинеле, Оренбурге — да на всех ближайших станциях. Не милиции, а больше ему доверяли.

«Однако! Высокую оценку дает Сайфутдинов Матросову».

— Встретил я его первый раз в Бузулуке, — вспоминает он.

— А как узнали, что это он?

— Ну, как не знать... Мы же «щипачи» были. Зрение у таких становится острым. Рыбак рыбака видит издалека. Кто идет навстречу — сразу засекаешь.

— Что вы скажете об утверждении, что он якобы родился в Днепропетровске?

— Был он там или нет, сказать не могу. Скорее всего, нет. Он был из наших краев.

— А что думаете об имени?

— Кажется, он скрывал его. Да этому не стоит и удивляться. У меня, например, было девяносто имен. Я и Иванов, и Петров, и Сидоров. Построят на переключку, называют кого-то. Никто из ребят не отзывается. А это, оканчивается, кличут меня. А я и забыл, какое имя взял. Какую только фамилию мы не носили! А вот Хамза Бакиев...

— Не «Дудочка» ли? — я вспомнил слова, сказанные Гарифом Халиковым в Учалах.

— Да, он.

— А почему «Дудочка»?

— Играл на курае. Он носил фамилию Бакланов.

«Обязательно надо повидать «Дудочку», — подумал я.

— Ражаб агай, а какой национальности был Саша?

— Тех, кто по-русски не кумекал, ругал по-башкирски, но с каким-то акцентом.

— По-тептярски, что ли?

— Да нет. Как-то по-другому. Гортанный звук «к» выговаривал мягче, чем обычное «к». — И, показывая это, Сайфутдинов выпалил мудреную и довольно длинную фразу с характерными башкирскими звуками, которую ни в жизнь не произнести русскому человеку.

— А как относился к другим? Я об этом же расспрашивал Гарифа Халикова — он тоже был в колонии. Он говорит, что Саша жалел слабых и тех, кто был моложе.

— Жалел? Пожалее! Меня самого он не единожды лупил.

— А за что?

— За то, что не спал после отбоя, — сказал Ражаб агай и засмеялся: — Да я и сам был не конфетка. Убегал два раза. Он ловил... И все же многие ребята имели зуб на него. Но с ним ничего поделаться не могли. А вот его «правую руку» (русский парень был — имя забыл) все же пырнули.

Услышанному верилось. Дыхание жизни колонистов, чуточку обрисованной прошлый раз Г. Халиковым и вот сейчас дополненной воспоминаниями Василия Колпакова и Ражаба Сайфутдинова, бурей ворвалось в сердце. Быт детской колонии был очень далек от приятеньких картинок с яркими цветами и звуками горнов. Мы говорим об этих обстоятельствах не для того, чтобы оттолкнуть молодого читателя от героического образа Матросова. Наоборот, он должен принять ту далекую действительность такой, какой она была на самом деле, и знать, что такая жизнь была не для слабонервных и хлюпиков, и что Матросов, несмотря ни на что, остался верен такому великому понятию, как Человек. Более того, он вырос в настоящего джигита, вставшего грудью поперек огню. Таким парнем надо гордиться и гордиться...

Темные стороны жизни воспитанников Уфимской трудовой колонии не скрыть. Никто из самих колонистов не отрицает правды. Однако есть люди, которые стремятся преподнести жизнь подростков в розовом цвете. Только вот непонятно, с какой целью это делается.

Передо мной лежат тринадцатистраничные воспоминания Н. К. Ополева, начальника политотдела колонии. Вот какую запись он оставил:

«Александр Матросов прибыл в Уфу, в наше учебно-производственное предприятие, в середине 1940 года. В это время ему было ... лет. Без особых раздумий он изъявил желание учиться на слесаря. Слесарный цех в то время находился в небольшом помещении, отдельно от других цехов; имел три токарных, два фрезерных, один плоскошлифовальный и двухшпиндельный, радиально-сверлильный станки. Кроме этого, были мелкие станки типа заточный, правки, рубки, протяжки проволоки, кузница с одним горном, электросварочные и газосварочные аппараты.

В цехе у высококвалифицированных токарей, фрезеров-

щика, электрогазосварщика и кузнеца обучалось около 30 человек. Всей учебно-производственной работой руководил мастер со среднетехническим образованием В. Филиппов. Он не только хорошо знал технологию холодной и тепловой обработки металлов, ремонтные работы станочного оборудования и инструментальное дело, мог заменить токаря, фрезеровщика, электрогазосварщика, но и был большой души человек. К этому замечательному человеку и был направлен на обучение А. Матросов.

Цех готовил слесарей широкого профиля — слесарей-универсалов с приобретением знаний механики...

А. Матросов очень быстро сдружился с коллективом цеха, прилежанием, пытливостью, упорством стал успешно осваивать теорию слесарного дела, набирать опыт и по практике...»

Можно ли поверить этому рассказу? Мы выше привели утверждение В. П. Колпакова, что никакой слесарной мастерской в колонии не было. То же самое говорит Николай Петрович Волков со станции Дема: «Основная профессия у нас была столяр. Мы делали стулья, а девчата обивали. Чисто слесарной работы не было».

Но продолжим читать Ополева: «...Через семь-восемь месяцев о Саше заговорили, как об архиспособном, умном ученике не только его сверстники, но и взрослые мастера. При разговорах взрослые называли Матросова Александром Матвеевичем, этим подчеркивая большое уважение к нему за смышленность, рабочую смекалку, высокопроизводительный труд и хорошее качество. У Саши не было случаев отказа от работы. Простые и большой сложности работы одинаково выполнялись аккуратно, качественно, с любовью. И чем сложнее было задание, тем больше проявлялась у него заинтересованность в его выполнении. Он не любил делать кое-как, не переносил халтуру и показуху, работал красиво, легко и увлеченно, рационально пользовался своими приемами, проявляя самостоятельность и уверенность в своих силах». Так и хочется сказать: хвали, да знай меру! Но Ополев все продолжает в избранном тоне: «...Сверх программного материала Александр освоил работу на всех станках, имеющихся в цехе: на токарном точил муфты, флянцы, болты и другие несложные детали; на фрезерном изготовлял фасонные детали, обрабатывал у валов места для шпонок, нарезал зубья шестерен; овладел резкой и сваркой на электрогазовых агрегатах». Но и этого мало! Вот какие музыкальные способности были у А. Матросова: «Музыку, конечно, Саша любил. И знал не только песенную, танцевальную музыку, но и многие

популярные классические произведения Чайковского, Бородина, Глинки. Восхищался музыкой из балета «Лебединое озеро», с удовольствием слушал записанные на пластинку арии Германа из «Пиковой дамы», князя Игоря из оперы «Князь Игорь» и др.».

Кто же поверит этой байке?

...Хамза Бакиев, как выяснилось, тоже проживал в городе Салавате. Но встретиться с ним не удалось, просто не хватило времени. Вместо меня это сделали журналисты городской газеты. Записав беседу с Бакиевым на магнитофонную ленту, они переслали ее мне. С ленты звучала и мелодия курая.

— Вы Матросова знали? Что скажете о нем? — спрашивает журналист.

— Помню, он ходил в активистах. Но в то время мало кто знал имя Александра Матросова. Он был башкиром, изменил имя на «Сашу». Я вот тоже был не Хамза, а Хамит Бакланов. Откуда выкопал эту фамилию, и сам диву даюсь. Большинство колонистов, особенно деревенские, так поступали потому, чтобы их не отправляли обратно в распоряжение колхоза.

— А как узнали, что он башкир?

— Товарищи дразнили «башкиром». Но он говорил не чисто. Саша был правой рукой воспитателей. Если дети убегали, он приводил их обратно...

У Саши было одно достоинство: он очень красиво выводил «чечетку». А его товарищ, как звали, забыл, — так тот напоминал балерину...»

Искать так искать. Хоть «воз и ныне там», надо продолжать поездки. А там видно будет. Авось что-нибудь да и прояснится. Сказано — сделано: я выехал в город Ашу Челябинской области.

Там жил давнишний читатель нашей газеты Хатмулла Гирфанов, который, очевидно, регулярно следил за публикациями о Матросове. Он прислал письмо, где сообщил, что у него есть знакомый, хорошо знавший Матросова, даже ходил у Саши в адъютантах. «Приезжайте, познакомлю», — писал Гирфанов. Он добавил, что в колонии его

Хамза Бакиев, воспитывавшийся в Уфимской трудовой колонии вместе с А. Матросовым (г. Салават)

кровать стояла рядом с Сашиной, и Халтурин знает башкирский, поэтому, мол, мог услышать то, на что могли не обратить внимание другие мальчишки.

Впрочем, в папке редакции было уже немало сообщений о бывших «адъютантах» или «правой руке» Матросова. Однако при первой же проверке многие «адъютанты» как-то сразу скромнели. Как бы и на этот раз так не получилось. Но сомнения — сомнениями, а дело надо делать. От знакомства еще с одним свидетелем ничего не потеряешь, а, возможно, что-то обретешь.

В свой выходной день ранним утром сел на электричку. Не прошло и трех часов, как я уже стоял на перроне станции Аша.

День, похоже, будет ясный. Но пока приходилось поживаться: рядом пирамидой высилась гора, и она дышала в спину холодом. На макушке ее белел снег, и по оврагам в сторону реки Сим стремились бурные потоки.

Судя по адресу на конверте, Гирфанов жил не в самом городе, а где-то на окраине, носящей странное название — Козино. В какой стороне этот поселок, далеко ли до него? Растолковали так: у вокзала будет остановка, иди туда, садись в автобус и езжай направо, мигом доедешь. Вдобавок успокоили, что, мол, у нас в Челябинской области дело с транспортом хорошо поставлено, не то что в Башкортостане. Однако автобус долго не показывался.

Настал день, резко похолодало. Сим по-прежнему бурлил и злился в своих крепких берегах. Умные люди, подумал, сегодня спешат в свои сады, наверно, снимают запоры с погребов, обрезают яблони. И каждый в окружении внуков и внучек, и те без умолку лепечут: «дедушка да дедушка». А я, как последний глупец, стою неизвестно где, топчу незнакомые вокзалы. Если бы кто-то заставлял, или знать, что выйдет какой-то толк. Кому тепло или холодно от твоих поездок? Не за туманом ли мотаюсь?

Нет, кажется, зря впадаю в уныние...

... Наконец-то, дребезжа, подъехал автобус. Сели, поехали. Машина гнала по бетонке в сторону гор. Судя по ширине и прочности укатанной дороги, она служит военным. Для простых смертных таких удобств у нас не создают.

Рядом со мной ехала маленькая, аккуратненькая женщина в белом. Интересуюсь у нее, где мне лучше сойти. Та стала объяснять. Но вдруг с соседнего сиденья на нее посыпались упреки.

— Что же ты отвечаешь ему по-русски, а? — Это кри-

чала старуха со строгим лицом. — Разве ты не видишь, что он татарин? О, аллах! Все забыли свой язык!

Стало неловко перед пассажирами. Защищая соседку, я повернул лицо к ворчливой женщине и что-то возразил. А та пуше прежнего вскипятилась:

— Что я говорила! Он, оказывается, даже не татарин, а чистокровный башкир!

От «оплеухи», полученной так неожиданно, в груди стало тепло и радостно: жив еще народ, жив его язык!

Доехали до Козино. Сошли вместе с теми женщинами. Зашагали по бетонке к поселку. Выяснилось, что население его в основном составляют татары и башкиры.

Женщина, которая поучала, довела меня до ворот Хатмуллы. Но хозяина дома не оказалось. Соседка побежала по улице искать хозяйку дома. Не нашла. Пришлось оставить записку Хатмулле агаю и пойти искать его рабочее место. За поселком подвернулся попутный «москвич», и шофер, когда узнал, с каким делом приехал гость, подвез прямо к конторе.

Человек, назвавшийся председателем профкома, тоже оказался душевным человеком и тут же начал обзванивать участки. Тут я узнал, что Хатмулла работает крановщиком при железной дороге, и он вовсе не «агай», а ходит к мне в сыновья. Вскоре он через железнодорожную насыпь, мимо каких-то площадок с углем повел меня к другому поселку, к старику Халтурину.

Ветхий, отслуживший свой век домик. Перед калиткой, возле валявшихся вокруг березовых поленьев, отдыхал мужик, такой же изношенный, как и его хибарка. Знакомимся: Петр Андреевич. Начинаем беседу. Пожалуй, я слишком много надежды возлагал на «ординарца». Он рассказывал о том, что уже было мне известно. Поэтому интерес к рассказу Петра Андреевича как-то пропал. Однако все надо записывать.

— Как вы сами-то оказались в колонии?

— Родителей не стало. Пришли и забрали из милиции. На пароходе отправили в Уфу. Сначала в тюрьму № 1, а оттуда — в колонию. Называлась она «бессрочная». Меня — сразу к Матросову, помощнику воспитателя.

Петр Андреевич не нахвалялся особо и не слишком обвинял своего воспитателя. Больше всего подчеркивал ту дисциплину, с помощью которой держали порядок в колонии.

— Били иногда. Не жалели. Однажды меня посадили в тумбочку и выбросили из окна на улицу.

— Саша тоже дрался?

— Конечно, куда деваться... Бандит был по кличке «Белый», говорили, что сбежал из Бирска, чтобы наказать Сашку, да не сумел.

— А что скажете о внешности Саши?

— Был плотный, коренастый. Небольшого роста. Кличка «Сашка». 1923 года рождения.

— Лицо какое? Говорят, был рябой?

— Нет, не сказал бы. А вот веснушки были. Нос крупный.

— А национальность?

Я ожидал, что старик удивится вопросу. Но он отнесся спокойно:

— Не был похож на русского. Скорее, он башкир. Башкирские слова знал.

— Почему так думаете?

— Я сам из Нуримановского района Башкортостана, из Ново-Субаевского сельсовета. Рос среди башкирских ребят.

Я показал ему фотографии. Петр Андреевич взял снимок из Краснохолмского училища и отрицательно покачал головой:

— Не он.

Тут ничего удивительного нет. Я позже найду другие варианты этого снимка — художник-ретушер здорово поработал и заметно подправил глаза и особенно нос героя.

— А у него кто-нибудь из родственников был?

— Да. Тетя жила в Уфе.

— Вы это сами знаете? Лично?

— Нет, ребята говорили. Звали как будто Марией.

Разговор на этом прекратился. Пора было собираться домой. Чем-то я остался недоволен... А вот чем? Петр Андреевич поведал немало интересного. Но, как и предыдущие свидетели, и «адъютант» Саши не смог раскрыть самого главного. Сообщенные им детали были похожи на уже имеющиеся; если и было что-то новое, то только запутывало дело. Более того, перед моим взором фигура Матросова словно начала двоиться.

Да, не усталость, а именно это обстоятельство мучило меня. Перед выездом сюда я снова и снова вчитывался в записанную беседу с Николаем Волковым, который говорил, что «Шурик-машинист» — это одно лицо, у которого мать жила якобы возле кинотеатра «Луч» г. Уфы, а Сашка Матросов, мол, приехал позже него, в 1940 году. «Шурка» (но у него клички «матрос» не было) был чернявый и костлявый. А Матросов тоже не светловолосый, но немно-

го выше того — где-то 164 см, коренаст, и глаза карие. На вопрос: «Русский?» Волков ответил: «Не ручаюсь».

Вот этот «Шурка-машинист» и вызывал сумятицу в душе. Как разобраться в путанице?

ДОБРЫЙ СОВЕТ АКСАКАЛОВ

Нет, надо бы передохнуть и спокойно осмыслить все собранное.

Хорошо, что в тревожные моменты сочувствовали на работе. В наиболее трудные минуты я шел «поплакаться в жилетку» и облегчить душу к Сафуану Алибаю. Это был человек неунывающий и радовался каждой мало-мальской находке, советовал немедленно сесть и написать о результатах поездок, дабы постоянно держать читателей в курсе событий.

Как-то на работу позвонил незнакомый человек. Сухо произнес в трубку:

— Здравствуй...

— Здравствуйте. Кто это? — Судя по требовательному голосу я почему-то решил, что это руководящий работник, какой-нибудь большой начальник. А может, министр? Но какое дело министрам до обыкновенных журналистов?

— Гиляжев, — прозвучало в трубке. «Хаким Гиляжев?»

Густой бас не посчитал нужным как следует представиться и что-то объяснить, а все так же сухо поинтересовался:

— Ты читал «Сына Отчизны»?

К сожалению, не читал, не был знаком и не знал, чье это произведение. Но уже начал догадываться: наверно, его книга. Однако умолчал о своей неосведомленности. Тем временем Хаким Гиляжев говорил о том, что с кем-то когда-то учился в военном училище, у кого-то должно быть письмо какой-то девушки. Потом он вспомнил, как ездили вместе с представителями обкома комсомола в Ивановский детский дом. И все же из отрывочного и торопливого рассказа многого я не понял. В памяти засели лишь слова, сказанные напоследок: «Правильный путь держишь, кустым... Читай «Сына Отчизны». Поэма должна быть в Избранных произведениях. Хуш!».

Испытывая неловкость перед аксакалом башкирской литературы, я поспешил в библиотеку. Вот его «Избранные произведения». А вот и «Сын Отчизны». Большая поэма. В ней описывалось, как мальчик-башкир Сабир Марданов, оставшись сиротой, ищет мать, оказывается среди цыган,

исполняет матросскую пляску, как потом детский дом становится для него родным гнездом.

Слов нет, Сабир — это собирательный, художественный образ, но мне показалось, что поэт все списал с натуры — с Шакирьяна Мухамедьянова, детали так были похожи на те, которые нам удалось найти.

Книгу я бережно поставил на старое место, успокоился, но перед взором еще долго пламенели строки поэмы. Особенно та часть ее, где говорилось о гордости человеческой, о том, что суть ее — в свободе духа, отрицании трусости, а, значит, и последнее дыхание его будет освящено свободой... Не порывом ли гордой горьковской цыганки Радды проникнуто это произведение? Не родственны ли души Матросова и Радды, не приемлющие условностей бытия и стремящиеся к высшему человеческому счастью — к свободе духа? Да, именно так. Как же сумел проникнуть поэт в суть беспризорника Саши и так мастерски преподнести ее читателю!

Сабир в памяти читателей остается не как подросток, кочующий по стране, а как истинный «хозяин детского дома», более того — как хозяин страны. Разве не эта мысль созревала и во мне в результате поисков? Да, эта. От чувства хозяина в детском доме, мне казалось, и шла его требовательность к сверстникам, даже жесткое обращение с ними: не рыпайся, не убегай, учись и занимайся делом.

И я понял, что большой поэт, не бравидуя, и верный истинно народным обычаям, даже подчеркнуто сухо и коротко, как бы мимоходом, оказал мне добрую услугу. И его совет дал поиску новые крылья.

Но конкретно какой же жизненный материал послужил основой для поэмы? Расспрашивать об этом самого Хакима Гиляжева я не посмел. Впрочем, вскоре необходимость в этом отпала. В Институте истории, языка и литературы Башкирской Академии наук, листая бумаги, я нарвался на любопытную тетрадь. Вот что было написано там в послевоенные годы рукою Хакима Гиляжева: «... Саша и в городе Саратове стоял на перекрестке улиц, прислонившись к дощатому забору. Сегодня его схватили. Это случилось в октябре 1940 года. Сашина жизнь на колесах, переезды из одного города в другой закончились. Ему было только 17 лет...

Где бы ни был, он искал женщину, похожую на мать. Ему казалось, что каждая ограбленная и этим оскорбленная женщина — это его мать, ему чудилось, что он об-

крадывает собственную маму. Мальчик жалел, что пошел по этой кривой дорожке.

Он никак не может забыть событие, которое произошло до войны, другу Бардыбаеву часто с печалью рассказывает об этом.

Это случилось на одном из украинских вокзалов. На перроне стояла средних лет женщина. Она беспрерывно улыбалась и махала платочком в сторону уже отходящего поезда. Кого встречала эта женщина, кому желала счастливого пути, кто поспешил в зеленый вагон, поцеловав ее, об этом Саша не думал. Взволнованная проводами женщина и не заметила, как из-под рук ее выскользнул ридикюль... А в нем, кроме документов, писем и фотографии девочки, ничего не было.

Саша взял фото девочки. Совсем малышка. И улыбка детская. Челочка ровненько подстрижена, глаза синие, как у самого Саши, кругленькие, лицо белое. Она смотрела на Сашу. А на обороте карточки выведены слова: «Единственное фото моей Людмилы. Проклятая смерть вырвала от нас ее в июне 1940 года. Ее уже нет, Сашенька. Сохрани эту карточку. Твоя Татьяна».

У Саши, возможно впервые, защемило сердце. Слово «Сашенька» в письме, показалось, было обращено не к мужу женщины, а ему, Саше Матросову.

Саша, Александр Матросов, что ты сделал? Какой ты преступник!..»

В очерке далее описывается, как Саша попробовал найти ту женщину.

Прежде чем взяться за поэму, вот как размышляет Хаким Гиляжев о жизни Александра Матросова. Но, понятно, он был не единственным литератором, который хотел помочь следопытам.

Как-то в редакцию газеты заглянул поэт Газим Шафиков и с улыбкой протянул фото: «Посмотри-ка, разве не похож на джигита-башкира?» И он с увлечением начал рассказывать о своей поездке в Германскую Демократическую Республику.

Я не стану пересказывать все это, а лишь направлю внимание читателей на публикацию «Земля немецкая», которая потом появилась в газете «Советская Башкирия».

«Вообще музей этот (в Карлсхорсте. — Р. Н.) необычайно богат, — писал Г. Шафиков. — Тут можно увидеть и личные мундиры наших самых выдающихся полководцев со всеми их наградами, и все виды орденов и медалей, и редчайшее оружие, и леденящие душу фотографии и посмотреть фильм о взятии Берлина. Но я застыл как

Бюст А. Матросова в музее
г. Карлсхорста в Германии

зачарованный перед небольшим бюстом Александра Матросова работы Г. Г. Герасимова. А потом упросил одного из членов нашей группы научного сотрудника института им. Мечникова Сергея Сазонова сфотографировать этот бюст. Вот он перед вами. Вглядитесь в него внимательней. Вы видели когда-нибудь такого Матросова? Я обратился к работнику музея: кто такой Герасимов? По каким источникам он создавал эту бронзовую скульптуру? Точно он ответить не мог, но знал, что Герасимов видел самого Матросова и работал впоследствии по его подлинной фотографии.

Я не стал бы останавливаться на этом факте столь подробно, если бы сравнительно недавно журналист Рауф Насыров из газеты «Совет Башкортостаны» не напечатал сенсационный материал, в котором с большой основательностью, опираясь на свидетельства тех, кто лично знал Сашу Матросова, утверждал, что настоящее имя его — Шакирьян и что он является выходцем из деревни Кунакбаево, находящейся в пяти километрах от Учалаов. Летом этого года я был в Учалах, специально заниматься «делом Матросова» не было времени, но те, с кем мне пришлось разговаривать, представляли это как непреложный факт. Более того, один из них доказывал, что факт этот был известен давным-давно, сразу после войны. Только не было человека, который всерьез занялся бы этим и сумел выявить все по горячим следам. Здесь я не хочу ничего утверждать и доказывать, ибо столь серьезная тема должна быть изучена специально и столь же неоспоримо доказана. За десятилетия для А. Матросова была создана биография, главным образом писателями, однако ни в одной из книг нет «первородства» будущего Героя, его родных истоков. Мы застаем его в бегах, мытарствах по стране, затем — в исправительно-трудовой колонии Уфы. А я говорю: почему в таких исключительных случаях не заняться изучением проблемы, чем изничтожать ее на корню окриками и запретами свыше? Представители многих народов страны совершили этот подвиг — закрыли грудью вражеский дзот, и не следует думать, что изучение происхожде-

ния и судьбы одного из них может бросить тень на какой-нибудь из этих народов. В конце концов, истина — выше всего».

Спасибо опытным литераторам, которые оказали моральную поддержку своими товарищескими советами.

ПРЕПЯТСТВИЕ

Человек счастлив, когда он окружен единомышленниками, когда его понимают и не проявляют черную зависть, а если он ошибается, то готовы помочь. Бескорыстные друзья жизнь делает осмысленной. Только вот жаль, человека подкарауливает и беда.

Возвращаясь из Кунакбаево, я вначале долго думал об откровенной лжи Загирова. Впрочем, немало накопилось историй, в которых сверстники А. Матросова выглядели не очень привлекательно — такой уж у них была жизнь. Но никак не предполагал, что неприятности этим не кончатся.

Вернувшись из командировки и придя на работу, я тут же почувствовал необъяснимую тревогу. Она витала, казалось бы, и в воздухе редакции, ее прочитал я и во взгляде коллеги, сидевшего за соседним столом. Наконец-то меня спросили:

— Еще не читал?

— Что?

На стол положили номер «Советской Башкирии». Ах, вон оно что! На четвертой странице ее, поперек большой статьи, слева направо, были выведены крупными буквами слова: «Гипотеза, построенная на песке». «Гипотеза» — это, значит, про наш поиск. Я сразу понял. А судья кто? Р. Саяхов (фамилия изменена. — Р. Н.). Кандидат наук, преподаватель истории КПСС. Кажется, знакомый. Да, конечно, встречались в одном из дальних районов, в здании райкома партии. Он приезжал читать лекцию про международное положение.

Р. Саяхов выступал в газете, как бы отвечая на коротенькое письмо жительницы Араслановского совхоза Мелеузовского района Башкортостана А. Клоковой. А та жаловалась так:

«23 февраля 1989 года в утренней передаче последних известий Башкирского радио сообщено, что подлинное имя Героя Советского Союза Александра Матвеевича Матросова — Шакирьян Мухамедьянов. Как же это так? Кто и где раскопал такие «факты»? А может быть, и «родственники» нашлись, которые будут гордиться его именем?»

Странно получается. Сначала в Уфе лишили имени Александра Матросова парк, затем оттуда же убрали памятник ему, а сейчас и само имя хотят украсть. Шестьдесят пять лет был Александр Матросов, а теперь вдруг стал Шакирьян Мухамедьянов. Это невероятно! Мы требуем компетентных разъяснений по поводу попыток искажения исторического факта, принижения его значения для всего советского народа».

Сильно сказано!

Ну, конечно, после такого требования как не дать слова специалисту? И он вынужден, просто обязан разъяснить суть дела, разложить все по полочкам. И вот историк партии, не допуская никакого сомнения, начинает поправлять газету «Совет Башкортостаны». «Прямо надо сказать: гипотеза Р. Насырова построена на основе непроверенных данных. Заключается она в том, что Александр Матвеевич Матросов является уроженцем села Кунакбаево Учалинского района Башкирии и его настоящее имя Шакирьян Мухамедьянов. Впервые об этом Р. Насыров (сам он учалинец, бывший редактор местной газеты, ныне заведующий отделом газеты «Совет Башкортостаны») будто бы слышал от своих земляков давно...» «Слышал давно...» Постой, я же так не писал! Наверно, преподаватель истории не знаком с очерками и сам строит догадки? А возможно, он не понимает башкирского языка? Тем не менее, Р. Саляхов, не стесняясь, уже делает реверанс: «Прошу извинения у автора публикаций, но эти свидетельства меня не убеждают...»

Далее: «Ни в Кунакбаевском сельсовете, ни в Учалинском районном отделе ЗАГСа документов о рождении Шакирьяна Мухамедьянова нет. Они сгорели еще до войны...» Так разве это не мои слова? Интересно, почему Саляхов преподносит их как свое личное открытие? Да, понятно: ведь с тем, что написано в башкирской газете, русский читатель вовсе не знаком. Теперь в русской газете чужие слова будут выглядеть как его.

Далее: «Личного дела о пребывании А. Матросова в колонии сейчас также нет. Как мне сообщил А. Бабушкин (музей МВД РБ), в свое время оно было, но исчезло. Как будто специально прошлись по следам Героя.

После публикации Р. Насырова я также занялся (если бы! — Р. Н.) поиском каких-либо свидетелей, знавших или встречавшихся с Матросовым... Однако подтверждения версии Р. Насырова не нашел...» «В статьях Р. Насырова делается попытка доказать башкирское и именно учалинское

происхождение А. Матросова... Приводится, скажем, воспоминание Л. Корепановой, что он любил историю и географию, и делается вывод о его национальном происхождении...» Вот так, оказывается, можно идти на прямую ложь и выдуманное самим пришить другому. Вот как подводят людей под монастырь.

Ну, теперь уже, сбив, как ему кажется, с ног журналиста, для приличия упомянув еще несколько фамилий, давно известных фактов, можно и с умным видом ученого закругляться: «Одним словом, в публикациях Р. Насырова больше недоразумений, чем доказательств. И приходится только сожалеть о том, что эта не только сомнительная, но и неверная в своей основе гипотеза была опубликована в республиканской партийной газете.

Поиск исторической правды, стирание «белых пятен» и «черных точек» истории стали приметой сегодняшней многогранной перестройки общественно-политической жизни. Вместе с тем, в условиях демократизации и гласности ответственность средств массовой информации возрастает во много раз, о чем неоднократно говорил М. С. Горбачев во время своих встреч с журналистами, писателями и другими деятелями культуры. Но, к сожалению, иногда еще пытаются стирать эти «белые пятна» там, где их нет.

Подвиг Александра Матросова глубоко интернационален. Его повторили люди разных национальностей, он изумляет народы величайшей гражданственностью, святой любовью к Родине. Имя Матросова стало символом мужества, бесстрашия и благородства души человеческой. Люди прикасаются к истории его подвига, чтобы поразмыслить над жизнью, чтобы сверить ее по Матросову. И никто не думает о том, к какой нации он принадлежит. Будь он русский, башкир, татарин, чуваш, украинец, грузин, — он навсегда останется нашей гордостью, примером величайшего подвига советской молодежи в годы Великой Отечественной войны. И в свете вышесказанного, и в условиях обострения межнациональных отношений вытаскивать на свет весьма и весьма сомнительные версии по меньшей мере несерьезно».

Вот так. Больше не рыпайся, дорогой. Как говорится, всяк сверчок знай свой шесток.

— Ну, дает же парень! — Неожиданно для себя я громко рассмеялся.

Молодой литсотрудник, сидевший за соседним столом, удивленно поднял голову.

— Бывают же на свете бессовестные, а? Так это, говоришь, преподаватель, да?..

Видя, что я не совсем впал в уныние, повеселели и ребята.

— Ну, будем писать ответ? — поинтересовался кто-то.

— Вставать на смертный бой, да? Нет уж, братцы.

— Подожди, на тебя кидают киззяками, а ты будешь молчать, да? Ну, ты даешь.

— Не стоит петушиться из-за пустяков. Пусть лаются... У меня и сил, и времени нет ругаться. Да и вы знаете меня — я не такой уж борец.

— Да-а, — протянули разочарованно ребята. — Мы-то думали... Ну, наше дело дать совет, а дальше сам знаешь.

Коллеги разошлись. Меня охватило равнодушие ко всему. Так прошло несколько дней. А потом все зануло внутри. Правы были ребята: нельзя оставлять поклеп без ответа! Надо писать в «Советскую Башкирию». У меня и среди русских полно друзей, единомышленников по многим вопросам. С ними, почитай, бок о бок прошла вся жизнь. Что подумают они обо мне после клеветы? Да и у нашего народа немало людей, которые считают себя башкирами, а сами — «ни бельмеса» на своем родном языке. Как дойти до их сознания? Только на русском языке.

Короче, я сел писать статью для «Советской Башкирии». Стоило лишь начать — карандаш так и бежит по бумаге. Здорово «проучил» преподавателя истории.

Что творилось в душе его подчиненного, редактор, очевидно, понимал.

— Ну, что будем делать? — спросил он.

— И мы будем писать! — воинственно выпалил я. — Только вот ... Пропустят ли материал?

С этими словами я протянул ему статью в девять страниц. Мансур Аюпов, как бы нехотя, сверху вниз пробежал взглядом страницы — у него такая удивительная способность: быстро схватывать суть вопроса, — и обронил:

— Так не пойдет. Чувства ни к чему.

Жаль, конечно, работу. Но я понимал и редактора: я должен защищать не только себя, а и престиж газеты.

По слухам, Р. Салыхов свое «поучение» писал по указанию обкома партии. Похоже, и редактор знает об этом, однако не раскрывается. И я не хочу допытываться; думаю, если узнаю, чьих рук это дело, что-то рухнет во мне: полностью разрушатся понятия, которые я считал святыми, возненавижу высокие органы, перед которыми преклонялся всю жизнь. Значит, я боялся и самого себя как бывший коммунист? Очевидно, боязнь войти в контакт с властями и попробовать выяснить подлинную правду была

результатом и того, что наши отцы и деды веками жили, подчиняясь самодурству.

— Я бы чуть изменил тон статьи, убрал резкие выражения, — посоветовал редактор.

— Хорошо, — согласился я.

О это соглашательство! Не надо было ничего убирать, а еще лучше — вообще не ходить с протянутой рукой. Как будто не знал, кто руководил «Советской Башкирией», не замечал, как он вьется вокруг обкомовских работников. Не догадывался, что власть предрержащие из «Белого дома» не будут учить тебя уму-разуму. Впрочем, не одного меня, скорее всего, не дававшего в руки редактора М. Аюпова и руководимый им коллектив. Вернее так. В последние годы, пользуясь предоставленной возможностью, мы, особо не оглядываясь, внесли в работу редакции немало нового, сумели поднять ряд интересных тем. Изучение биографии было лишь частью этой большой работы. Поворот газеты к новым явлениям общественной жизни читатель сразу заметил и поддержал его. А попытку вырваться из цепких рук «Белого дома» и вести самостоятельную линию кто простит?

Написав опровержение на статью Р. Саяхова, спустился этажом ниже. Разговор с редактором газеты «Советская Башкирия» начался спокойно: вот, мол, я принес материал. Будучи читателем вашей газеты, считаю себя правомочным дать ответ оппоненту, который ни за что ни про что «избивает» журналиста другой газеты, и мы надеемся, что вы опубликуете его в ближайших номерах. Но редактор не счел нужным даже подробно ознакомиться с материалом.

— А доказательства какие? Всего-то?.. Ага, он сказал так, этот сказал эдак... А где документы?

— А при чем документы? — Удивился я прокурорскому тону редактора. — Я не объясняться зашел к вам. Я лишь ответ даю оппоненту. Почему вы считаете себя вправе давать оценку публикациям нашей газеты? Насколько я знаю, наши газеты имеют одинаковые права.

Знал, что такая постановка вопроса ему не понравится. Редактор нахмурил брови и, нажав на селектор, вызвал на подмогу сотрудника газеты. Но мне уже было ясно, разговора у нас не получится.

— И документы, и все другое будет. Если нет, извинимся перед читателем. Но ведь это наша забота. Сами начали — сами закончим. Почему вы встречаете в наше дело?

— А почему вы встречаете в историю? — Это уже крик-

нул только что вошедший сотрудник. Я знал, что материал Р. Саляхова через него прошел в газету.

— Так разве история принадлежит только вам? — не вытерпел я.

— Да, нам! Матросов — интернациональный герой!

— По-вашему, если он окажется башкиром, не может быть интернациональным? Только национальным?

— Сначала докажите, потом будете писать! А то ... начали тут...

— А это мы у вас не спросим... Вон, смотрите, сколько людей доказывает. Мы ищем вместе с ними. — С этими словами тычу пальцем в бумаги, что в руках редактора. — Сколько живых свидетелей. Их слова разве не доказательство?

Редактор снова начал паясничать:

— Ах, эти?.. Так-так... Какая-то бабушка...

— Не бабушка, а бывшие учителя.

— Какая-то бабушка, какой-то бабай сказал...

Слово «бабай» ножом вонзилось в сердце. Хотелось крикнуть: «А ты кем станешь, если не бабаем?» Сколько неприязни, неуважения было скрыто в этом тоне! Чувствую, кровь хлынула в голову. Я встал и пошел прочь. Таким образом, мы не смогли дойти до русскоязычного читателя и толком объяснить ему, что к чему. Закрыт был путь и в газету «Ленинец». Вот что получается, если, объявив демократию, не создавать условия для широкой гласности. Если нации, разговаривая на разных языках, не поймут друг друга, то интеллигенты, подобные Огородовым, непременно столкнут народы лбами... Но нам-то что делать теперь? Остается поместить статью в свою родную газету?

СЛУЖИТ ЛИ ИСТИНЕ ТАКАЯ ПОЗИЦИЯ!

«...Р. Саляхов в газете «Советская Башкирия» прокомментировал мои публикации об А. Матросове. Сам этот факт, бесспорно, заслуживает внимания, поскольку автор гласно высказывает свое мнение о них, делится мыслями. Вместе с этим, я не могу согласиться с выводами оппонента, который, кроме обвинений автора в некомпетентности, погоне за сенсацией, политической неразборчивости, не приводит в опровержение ни одного факта...

Поскольку читатель не знаком с текстом, о котором идет речь, хотел бы коротко его изложить.

В газете «Совет Башкортостаны» за 1988 год под за-

головком «Откуда ты родом, Матросов?» был предан огласке с моими комментариями ряд писем наших читателей — их редакция имеет более 60. Причем статьи сопровождалась заголовком «Гипотеза о детстве героя». В материалах приводились высказывания и выдержки из писем нескольких десятков читателей... Они приводили множество примеров и фактов, которые позволяют предположить, что А. Матросов и выходец из села Кунакбаево Ш. Мухамедьянов — возможно, одно и то же лицо.

Это предположение началось с постановки вопроса: где же родился А. Матросов? Ведь должна же быть его родина, хотя он и писал, что не помнит своих родителей?

Ставить этот вопрос у наших читателей были веские основания. Вместе с этим, предугадывалась и возможность обвинений в этом серьезном вопросе. Поэтому Ф. Асадуллин так изложил свою позицию в первой же публикации: «Мы несколько не отрицаем, что написано до сих пор об А. Матросове. Все остается, как было. Нам неважно, каким именем его будут называть. Только думаем, что справедливость требует того, чтобы мы нашли место его рождения и уточнили до конца его биографию».

Это был заказ газете.

Следуя пожеланиям, мы дали возможность многим читателям изложить свои мысли... Не знаю, как принято у юристов: можно ли считать документальными показаниями воспоминания, закрепленные подписями, соответствующими печатями? Но говорят живые люди, знавшие его. И нет никаких оснований им не верить. Да ведь и все книги о Герое — кроме описания героизма — написаны на основе таких же воспоминаний. Даже факт рождения Сашки в Днепропетровске, который кочует из книги в книгу, при первой же проверке не подтвердился.

Писем, воспоминаний, подкрепляющих нашу версию, у автора накопилось много. И все же перед публикациями у меня, как автора, возникал вопрос: может, не надо было браться за эту тему? Тем более, как пишет учительница А. Клокова в «Советской Башкирии», «это невероятно» и является «попыткой искажения исторического факта, понижения его значения для всего советского народа».

Но тогда как же быть с проблемой поиска исторической правды, устранения «белых пятен» в биографии А. Матросова? Ведь ни для кого не секрет, что документальных данных о времени и месте его рождения, о детстве сегодня мы не имеем. В то же время вот уже долгое время среди людей бытует мнение об уральском происхождении Александра.

Взвесив все «за» и «против», учитывая, что время гласности позволяет спокойно, без навешивания друг другу ярлыков, разобраться с любыми вопросами, стремясь с помощью читателей вести поиск документальных данных о детских годах героя, мы все-таки решили обнародовать часть имеющихся у нас писем, рассказов очевидцев. При этом у нас не было ни малейшего желания исказить исторический факт, тем более принизить его значение. Учитывая деликатность вопроса, мы старались вести разговор в исключительно уважительном к памяти великого сына нашей Отчизны тоне.

«Кто бы ни был наш герой — Саша ли он, Шакирьян ли, — отмечали мы в своей публикации, — несмотря на трудности и лишения в жизни, он показал себя в лихую годину истинным героем, достойным сыном своей Родины».

Автор же статьи «Гипотеза, построенная на песке» ограничился только пересказом одного абзаца и нескольких предложений из наших публикаций. Это наводит на мысль, что Р. Саляхов не читал материал, который взялся критиковать, или речь о нем ведет с чужих слов, версию излагает весьма упрощенно.

Знакомясь с определенной поисковой работой, уважаемый Р. Саляхов, как человек, имеющий отношение к науке, должен был по крайней мере знать, что обнаружение несостоятельности доказательств еще не есть доказательство ложности тезиса. Оговаривая это в самом начале публикаций, мы сопроводили их подзаголовком «версия», что означает систему умозаключений, посредством которой на основании ряда фактов делается вывод о существовании связи или причины явления, причем вывод этот нельзя считать абсолютно достоверным.

Вынося на суд читателей эту версию, редакция рассчитывала на открытое, доброжелательное обсуждение «белых пятен» в этом вопросе. Причем ряд читателей в этой же публикации указывал, что в былые времена такая работа была невозможна, ибо, как писал М. Билалов из Уфы, это было чревато политическими обвинениями в адрес авторов.

Не вникая в суть наших аргументов, Р. Саляхов в своей статье пытается опровергнуть их рядом доводов. Оппонент, в частности, пишет, что его не убедили факты, приведенные в публикациях. Но ведь на то, что обсуждаемое есть только версия, что еще нет документов, подтверждающих ее, обращали внимание и мы. Например, в заключительной части третьей публикации было сказано: «Характеристики из трех мест. В сущности они похожи друг на друга. Но мо-

гут ли эти строки быть основанием для наших выводов? К сожалению, нет документов, которые могли бы подтвердить их официально».

Далее Р. Саляхов, отметив, что «решил также заняться поиском каких-либо свидетелей, знавших или встречавшихся с Матросовым», и ссылаясь на суждения Г. Саяпова, пишет, что нет ни одной публикации, где бы ставились под сомнение происхождение и национальность А. Матросова. Что можно сказать по поводу этого высказывания?

Если в наших публикациях авторами выступают читатели, то автор опровержения — кандидат исторических наук, специалист по истории КПСС. Если читатели в своих письмах приводят массу различных фактов, то кандидат наук Р. Саляхов, доказывая обратное, не приводит ни одного аргумента. Конечно, если бы он опубликовал исторический документ о месте, дате рождения А. Матросова, о его родителях, детстве и школьных годах, то все мы выразили бы ему огромную благодарность, отметив при этом его большую заслугу. И отказались бы от версии, предложенной читателями. Но ведь пока этого нет! Поэтому ссылка на отсутствие документа может быть подтверждением опровержения в такой же мере, как и обоснование версии, изложенной в наших статьях.

Р. Саляхов сообщает, что он не верит в достоверность версии. При этом ссылается на единственный «аргумент», который гласит: «Этого не может быть». Но ведь не основанная на знании убежденность в истинности того или иного явления не может быть основанием в споре, ибо вера означает лишь принятие определенных утверждений и решимость придерживаться этих утверждений вопреки любым сомнениям. Не более того!..

Зато научная оценка наших публикаций с успехом подменена другими, не имеющими отношения к делу, толкованиями. Взяв на себя роль носителя истины в последней инстанции, не учитывая, что наша работа по уточнению версии еще не закончена, Р. Саляхов обращает внимание читателя на политическую сторону вопроса, мол, в статье ставится под сомнение национальность А. Матросова и делает вывод, что в «условиях обострения межнациональных отношений вытаскивать на свет весьма и весьма сомнительные версии по меньшей мере несерьезно». Хотел бы сообщить уважаемому оппоненту, что вопросы интернационального воспитания трудящихся волнуют нас не менее его. Более того, они занимают главное место в работе нашей редакции. Мы гордимся этой линией газеты.

Чего же хочет уважаемый историк? Помочь, как специалист, разобраться в исследуемой проблеме? Этого из его выступления не видно. Удовлетворить личные амбиции, выступая в роли безапелляционного судьи? Но тогда как быть с плюрализмом мнений, уважением к оппоненту: что делать с положением о том, что никто не обладает окончательной истиной? Или он, как раньше бывало, хочет стать застрельщиком очередного идеологического разоблачения? А ведь, кому нужно, заметят его сигнал и начнут избивание авторов «недоразумений».

Мне думается, наше общество слишком много выстрадало, чтобы отказаться от сегодняшней морально-климатической атмосферы гласности и демократии, чтобы обратно вернуться в застойные годы.

ГЛАС НАРОДА — ГЛАС БОЖИЙ

Было о чем поразмышлять. Почему так непримиримо встали друг против друга уважаемые, в общем-то равнозначные две газеты республики? Почему «Советская Башкирия» выразила острую неприязнь к нашей поисковой работе и рьяно встала за прежний, привычный образ А. Матросова? Дело, конечно, было не просто во взаимоотношениях двух коллективов, корень зла был зарыт намного глубже. Размолвка была результатом разности двух идеологий, в данном случае — в подходе к оценке нашего прошлого.

Этот неожиданный спор, перетягивание каната сказались и на наших читателях. Статья кандидата исторических наук Р. Саяхова, преследовавшая цель положить конец поисковой работе, разделила и их на два лагеря: в одной, небольшой, группе были те, кто не имел достаточных сведений и не понимал сути дела; а во второй — кто регулярно следил за башкирской газетой, защищал и поддерживал ее позицию. Последние давно уже уверовали, что Матросов и Шакирьян — одно и то же лицо, эта новость для многих была уже вовсе не новость; они, казалось, уже не думали о частном, а о большем — создании какой-либо общественной системы, которая защищала бы вообще всех правдоискателей, помогала бы на местных примерах воспитывать в молодежи чувство патриотизма. Общественная мысль явно шла к этому. Человеку, работающему на ниве журналистики, почувствовать эту всеобщую потребность, видеть стремление людей разных регионов — было радостно и поучительно.

Я приведу лишь отдельные выдержки из писем, но одного боюсь: как бы читатель не обвинил журналиста в нескромности, читая слова, адресованные непосредственно ему.

«Вот уже год я слежу за публикациями газеты «Совет Башкортостаны», они удивляют, радуют и заставляют думать.

...Журналист собрал довольно убедительные факты, материал же историка, напротив, не может не озадачить. Я возмущен его намеком на то, что журналист хочет сделать героя своим земляком. Кто внимательно читал статьи Р. Насырова, не мог не заметить, как он неоднократно предрешал, что это пока лишь версия и сам же подвергал ее сомнению. Но результаты поиска таковы, что им нельзя не верить.

Мы требуем от кандидата наук: пусть он ответит, кто же на самом деле Матросов и где он родился?

Рашит Ахмедьянов, *пенсионер.*
с. Учалы».

«Давно следим с интересом за исследованием «Откуда ты родом, Матросов?». Обсуждаем его с товарищами... В номере от 29 сентября Вы приводите убедительные факты. Рады тому, что нашлись журналисты, которые открывают «белые страницы» истории времени Сталина, Хрущева, Брежнева. В этом ряду стоит и Ваш труд об А. Матросове. За это мы Вам благодарны... (Далее автор перечисляет адреса людей, которые, по его мнению, могли бы помочь в поиске).

Рифат Вахитов.

Дер. Якшимбетово Кумертауского района».

«Собираю и внимательно читаю все материалы об А. Матросове. Это большая работа, которую трудно переоценить. Правда должна восторжествовать. Неспроста говорит народ: «Ничего нет выше правды!»

После ознакомления с материалами газеты не осталось сомнения, что А. Матросов — из Башкортостана. Дальнейших успехов журналисту Насырову и его товарищам-следопытам.

Хайдар Азнабаев,
главный ветеринарный врач Зианчуринского района».

«Статья преподавателя истории КПСС не имеет обоснования. Не изучив архивных материалов, он не имел права выступить. Второе. Редактор газеты «Советская Башкирия» допустил грубую ошибку, дав место в газете

этому материалу. В нем отчетливо сквозит субъективное и отрицательное отношение автора к героям Великой Отечественной войны.

Закуан Тухватуллин,
учитель, ветеран Великой Отечественной войны.

Миякинский район».

«Я помню, как Шакирьян и Газнави в 1939 году приезжали домой. В то время я уже окончил 6 классов и считал себя грамотным, но по-русски, кроме двух-трех слов, не знал. А вот Шакирьян и Газнави, хоть и были беспризорниками, разговаривали по-русски. Я нисколько не удивляюсь тому, что к ним обращались «Саша» и «Гриша». Меня вот здесь называют теперь «Костя», «Константин». Пусть называют, не подавать же за это в суд.

В 1948—1950 годах с войны вернулся раненый Лукман Тирфанов (сейчас покойный). До сих пор помню, как он рассказывал: «А ведь тот герой, кого называют Александром Матросовым, оказался сыном Юнуса». На чем он основывался, не помню.

Кави Бакиев.

Пос. Шеметовка Верхнеуральского района
Челябинской области».

«У каждого человека есть родная деревня, род, национальность. А у Матросова нет. Но ведь по фотографии его узнают, говорят, что он из Кунакбаево. Ссориться тут нет причин.

Я служил с одним товарищем из Баймакского района— так он тоже рассказывал, что Матросов был башкиром...

Ягафар Ялмурзин.

Дер. Утяган Абзелиловского района».

«... Лично я в вашей версии не сомневаюсь. Прошу продолжить поиск.

Игликов.

г. Уфа».

«... Постоянно читая Ваши публикации, взял в руки карандаш. Я начал разменивать пятый десяток, воспитываю двух мальчиков, двух девочек и думаю, что моим сыновьям небезразлично, кем окажется на самом деле Шакирьян. Только вот не понял из статьи кандидата наук: если выяснится, что Матросов башкир, почему обострятся межнациональные отношения?

Всю жизнь стремились, чтобы мы забыли свою национальность, лишились языка. Может быть, товарищ журналист, тем, кто не знает историю башкирского народа, можете выбрать соответствующую литературу? Тогда бы, возможно, не мучили людей, не вставляли палки в колеса.

Я в 1975—1979 годах жил в селе Учалы. Помню, кто-то посмеивался над кунакбаевцами: мол, вы, башкиры, мечтатели, считаете Матросова своим. Однако кунакбаевцы, оказывается, правы?

В прошлом году я отдыхал в Кисловодске. Жил в одной комнате с полковником в отставке. Пожилой человек, ветеран войны. Поделился с ним своими мыслями о Вашем очерке, как раз прочитал и «переваривал» его. Я говорю ему: «Оказывается, Матросов башкир». Он удивился: «Как так? У нас в Днепропетровске памятник поставлен». Доказывать сейчас, конечно, трудно, много лет прошло. Но Шакирьян все равно наш.

Желаю Вам всяческих успехов. Да поможет Вам бог.

Альберт Валиев.

Дер. Лагыр Салаватского района».

«Дорожи и почитай живых, знай могилы покойных»,— говорили нам в старину. Так воспитывают уважение к человечеству. Несмотря ни на какие противостояния, добейся, сынок, осуществления своих надежд. Мне уже 80 лет. Не могу объять умом героизм Шакирьяна.

Закир Мустафин, *учитель-пенсионер.*

Дер. Казаккулово Учалинского района».

«Не сомневаюсь в том, что Матросов — это Шакирьян Мухамедьянов. В коллективах, где объединены люди разных национальностей, общим языком для всех служит русский язык. При знакомстве, беседе называть, писать имена, фамилии и отчества тюркских народов бывает очень трудно, возникают просто смешные ситуации. По этой причине молодежь стремится как-то изменить свое имя и фамилию на русский лад и даже записать.

В 1939—1940 годы, когда я учился в ФЗО в Стерлитамаке, из нас Нуретдин и Нагим стали Николаем, Азат и Абдулла — Андреем и Алексеем, Буранбай и Биктимер — Борисом, Борей; Зухра и Закия — Зоей, Зинаидой.

После войны, когда я работал в Куюргазинском районе, в райком ВЛКСМ приходили вставить на учет Абдрахманов Михаил Андреевич, Сафаров Михаил Захарович с билетами в руках. Такие случаи встречаются и сейчас.

У каждого человека бывает близкий товарищ, которому раскрываешься. Поэтому, уточняя биографию А. Матросова, надо бы написать в одну из центральных газет.

Н. Рахмангулов, *ветеран войны и труда.*
г. Кумертау».

«Когда прочитал статью «Гипотеза, построенная на песке», я так расстроился, что написал об этом в газету

«Советская Башкирия». Знаю, мое письмо не опубликуют. Если и поместят, то со своим комментарием. Поэтому, чтобы Вы знали, посылаю Вам копию.

... Начатую работу не надо оставлять на полпути. Тем, кто интересуется этим вопросом, надо создать авторитетную комиссию и завершить работу.

Вот какое письмо направил я в редакцию газеты «Советская Башкирия».

«В вашей газете была напечатана статья «Гипотеза, построенная на песке». Пишу свои соображения по этому поводу.

В школе-интернате № 3 воспитывался мальчик по фамилии Мигунов, а звали его Мишей. По документам же его настоящее имя — Мидхат, а национальность — татарин. Но он не хотел признавать этого.

Таких примеров можно привести много: боясь насмешек и унижений, дети скрывали свое имя и национальную принадлежность. Вполне вероятно, что точно так же Шакирьян мог стать Шуриком.

Когда я демобилизовался из рядов Военно-Морского Флота, отслужившую мою бескозырку подарил своему детдомовскому племяннику, которого потом стали называть «матросом». Очень похоже, что точно так же Шакирьян, носивший тельняшку, стал Матросовым.

Во время войны две девочки из детдома скрывали название деревни, в которой родились. Также умалчивали, что у них есть родная мать. Это они делали, боясь того, что их возвратят домой, где нечего было есть. Вполне вероятно, что Александр (Шакирьян) так же скрывал родную деревню.

Самым убедительным фактом, что Александр это есть Шакирьян, является безоговорочное сходство его портрета с портретом его брата. Об этом почему-то умалчивает Р. Саяхов. Таким образом, опровержение историка тоже построено «на песке».

В своей статье Р. Саяхов выставляет себя интернационалистом. Благодаря таким вот «интернационалистам» мы предстали перед фактами подавления национальной гордости, пренебрежения своим родным языком и культурой; отравления и варварского уничтожения природных богатств, низкого жизненного уровня коренного населения Урала и Зауралья, эмиграции башкир с территории Башкортостана.

История знает много примеров тому, когда, предав национальные интересы, отдельные люди добивались личного благополучия. Может, эта статья поможет историку по-

лучить большое кресло с большим портфелем? Но не надо забывать и того, что таких людей жизнь жестоко карала.

С. М. Хасанов, *ветеран войны и труда*.
г. Уфа.

«Только что прочитал опровержение историка. Просто не могу выразить своих чувств. Быть ученым и пытаться так легко опровергнуть начатое дело — это же от старой болезни. Разве не могло быть того, что Шакирьян стал Александром? Разве это умаляет его подвиг? Если бы действительно установили, что Герой родился у нас, в Башкирии, неужели перестали бы уважать его образ? Конечно, нет! Все обязаны больше знать о павших героях — это похвальная работа.

Разве на войне нужны были паспортные данные? Любой при желании мог менять фамилию, имя. Ведь никто паспорта не имел, особенно 17—18-летние. Я могу назвать десятки людей, которые воевали с новой фамилией. Мой отец, например, по военному билету числится 1918 года рождения, к тому же Ахмеровым, а в деревне его считали Гореловым. Получал награды и умер Ахмеровым. А спроси про такого в деревне, никто не знает.

Или вот мой двоюродный брат, Шаркаев Идрис Закирович. В 1940 году он подрался с кем-то и был осужден. В 1942 году бежал из лагеря, нашел документы покойника и четыре года воевал под фамилией Галкина, получил звание старшего лейтенанта, был награжден тремя орденами. По приезду домой его снова арестовали, шесть месяцев содержали под стражей, потом выпустили и дали паспорт на фамилию Шаркаев-Галкин. Умер со своей фамилией.

Был у меня одноклассник Мансуров Харис Бурханович. Вместе пошли защищать Родину. Он остался на Брянской земле навечно, а меня после тяжелого ранения в бою признали инвалидом и отправили в тыл. В прошлом году поехал в родную деревню, побывал в школе и в сельском совете, спрашиваю у односельчан: кто помнит Мансурова Х. Б.? Никто не знает. Там и помнят и знают тех, кто занимал пост или занимает его сейчас. А нас, кто ушел со школьной скамьи, позабыли, как будто нас и не было. Ведь погибшие в 17—19 лет в основном были холостые парни, не успели завести семьи.

И Матросов мог выбрать эту фамилию, только из-за этого ущемлять его геройство, его подвиг никто не в состоянии. Если живые люди точно установят его место рождения, тогда здесь народ установит еще один памятник.

Его светлый образ станет еще дороже на земле, где он родился. Дело не в фамилии, а в человеке, личности.

Газета «Совет Башкортостаны» на правильном пути.

Главное — найти правду. Искать здесь какой-то криминал, что-то политическое — неуместно. Пришло время для правды, старые злобы человека к человеку должны подвергаться лечению. Дороже правды для народа ничего нет!

М. У. Горланов, *инвалид Великой Отечественной войны,*
ветеран труда.
г. Уфа».

«Редактору газеты «Советская Башкирия».

Копии: Секретарю обкома КПСС.

Редактору газеты «Совет Башкортостаны».

Мы считаем, что «Гипотеза, построенная на песке», это не что иное, как лживое пустословие. Во-первых, как могла А. Клокова одна задать вопрос от имени жителей Араслановского совхоза или мелеузовцев, как утверждает Р. Саяхов? Во-вторых, почему разъяснение дается тем читателям, кто в глаза не видел эту статью? В-третьих, почему та же газета не дала возможность ответить автору статьи «Откуда ты родом, Матросов?»

Вернемся к статье, опубликованной в трех номерах газеты «Совет Башкортостаны». Мы внимательно прочитали все публикации Р. Насырова и отклики на них. Автор материала сразу предупреждает, что это версия, и неоднократно напоминает об этом. Имеет ли право человек думать, мыслить, искать? Имеет.

Если у журналиста есть какие-то доказанные факты, что А. Матросов — это Ш. Мухамедьянов, то у автора статьи «Гипотеза, построенная на песке», как мы увидели, нет никаких материалов о детстве Матросова. И он, тем не менее, берет на себя роль человека, обладающего истиной в последней инстанции.

Обратимся к статье в газете «Советская Башкирия». О чем говорят строки: «... и приходится только сожалеть о том, что эта не только сомнительная, но и неверная в своей основе гипотеза была опубликована в республиканской партийной газете»? Видимо, Р. С. Саяхову хотелось бы, чтобы все средства массовой информации говорили лишь о «достигнутых успехах» и «взятых обязательствах». К счастью, время это прошло.

Преподаватель истории КПСС, стараясь доказать «по меньшей мере несерьезность» версии Р. Насырова, приплетает к чему-то больную ныне тему — национальную. «Будь

он русский, башкир, татарин, чуваш, украинец, грузин — он всегда останется нашей гордостью», — пишет он. Если так, то зачем шумим-то? Неужели оттого, что Матросов действительно окажется Мухамедьяновым, мы станем меньше им гордиться? Ни в коем случае!

Видимо, Саяхов не может понять, что искать нужно не для того, чтобы доказать, какая нация лучше, а для того, чтобы узнать истину. И если уж говорить о межнациональных отношениях, то «Советская Башкирия» ничего не сделала для того, чтобы они не обострялись, не внесла никакого вклада в развитие языка народа, именем которого сама названа.

Мы лично не знакомы ни с Р. Насыровым, ни с редактором М. Аюповым, но знаем, что с его приходом газета стала намного боевитей, интересней, разнообразней, поэтому пропагандируем ее всеми средствами.

Не нужно из чувства зависти обличать, порочить, опровергать. Хватит ставить метки на лбу «за» и «против». Давайте поступать как умные люди! Мы за разные мнения на страницах газеты! За хорошие, дружелюбные споры. Но чтобы спорить свободными руками, а не сжимать их на горле оппонентов.

Некоторые еще тоскуют по старым временам с ровными шеренгами, но веет уже другое время — новое, здоровое. И нужно учиться жить в нем достойно.

Журналиста Р. Насырова просим продолжать свои поиски, надеемся еще прочитать его интересные статьи. А от редакторов двух республиканских газет требуем напечатать одновременно наше письмо, так как мы — ваши читатели и нам безразлично, что вы печатаете и какие у вас взаимоотношения.

Мы, в отличие от нашей землячки А. Клоковой, требуем только от своего имени — членов самодеятельного объединения «Кунгак».

Самодеятельное объединение «Кунгак».
г. Мелеуз».

«...Какие бы результаты ни были — успех или неуспех, — исследование этого вопроса — благодарное научное дело, так как биография А. Матросова неполная.

Автор нигде не ставил вопроса о замене Матросова на Мухамедьянова. Многие люди вошли в историю не под своей фамилией (Ленин, Сталин, Троцкий, Горький и другие). Подвиг совершил А. Матросов, он так и вошел в историю, таким и останется в истории. Насыров речь ведет не об этом, он не покушается на А. Матросова, а лишь

хочет выяснить, кто он, как прошло его детство, как он воспитывался...

Как Вы знаете, Сашок в своем последнем письме Корепановой пишет, что на комсомольском собрании комбат говорил о генерале, который погиб, стоя лицом на запад. Что он любит жизнь, но фронт такая штука, что пуля или осколок может поставить последнюю точку. Если ему суждено умереть, то он будет умирать как этот генерал, лицом на запад...

Еще до Матросова такой подвиг совершили многие, среди них есть представители многих народов. Если Матросов башкир или татарин — это еще больше укрепляет интернациональные связи советских людей...

Тов. Насыров! Продолжайте свою благородную работу, не реагируйте петухам от науки, мы ждем продолжения Ваших исследований. Уже аргументы веские, а не на «песках». Живые свидетели — это существенно и доказательно. Почему мы должны верить только бумажкам? Иногда как они пишутся! Как далеко смотрел великий Райкин насчет «справки для справок»!

С самыми добрыми пожеланиями, Гариф Тимерханов,
научный работник.
г. Алма-Ата».

СТРАННАЯ ФОТОГРАФИЯ

Опираясь на воспоминания и письма, я уже неплохо представлял не только характер героя, но и то, что сделал бы он в той или иной обстановке. Но каждый факт, оказавшийся в руках, подвергал сомнению: а сделал бы такой шаг? Это ли его фото? Как только в редакции возникал такой разговор, первым, прищурив глаза, начинал убеждать Сафуан Алибай: «Да он это, он! «Он» — надо было понимать Шакирьян. Его уверенность передавалась мне. Но редактор, хоть и не отвергал ни одного очерка, даже не притрагивался к ним ручкой, перебирал разложенные перед собой фотографии Матросова и спрашивал: «Ну, который же из них Шакирьян?»

Особенно смущал один из широко распространенных снимков, сильно отличающийся от других: на фотографии — наиболее заметная и, пожалуй, доказательная черта — это нахмуренные брови Саши, вернее, надбровная мускулатура. Ресницы же сильно затемнены, губы очерчены так, что приобрели очень аккуратный вид, на героя «надет» отутюженный китель, да еще с погонами, которых

он в жизни не видал. Короче, перестарался художник-ретушер. Можно ли верить этому официальному снимку? Вряд ли.

И самостоятельно, и вместе с коллегами, кто хоть немного смыслил в фотоделе, скрупулезно сравниваем фотографии, собранные в разных местах, изучаем воспоминания. Вот, к примеру, что утверждал Иван Синягин, который спал в Ивановском детском доме на одной кровати с Сашей: «Сашу я знаю и помню очень хорошо. Он был среднего роста, коренаст, черноволосый весельчак и балагур... Он любил носить бескозырку и матросскую форму».

Те же самые характеристики, как уже писали не раз, давали кунакбаевцы.

Михаил Саулин, который сидел за одной партией с Матросовым, и Павел Петрович Ризин, проживающий в г. Ульяновске, вспоминают: «Характер у Саши был настойчив и справедлив, он всегда заступался за младших и не позволял их обижать. Играл в футбол. Был темноволос, носил матросскую тельняшку. Любил плясать...»

А вот что говорят уфимцы. Заведующая библиотекой Уфимской ТКН Тамара Четверикова: «Даже и сейчас, уезжая в армию, Матросов был верен себе: весело шутил, смеялся, напевал веселые частушки и даже приплясывал». Директор семилетней школы при колонии Л. В. Корепанова: «Это был коренастый, бойкий подросток с пытливыми глазами. На новичке выделялась полосатая матросская тельняшка. Ребята узнали, что фамилия его Матросов. Может быть, поэтому и прозвали его впоследствии «матросом».

Оценки, данные в разных местах и в разное время. Почти все они совпадают друг с другом. Но могут ли они послужить прочной основой для доказательства?

«ФЕДОР ИВАНОВИЧ»

В музее А. Матросова в Уфе обращает на себя внимание один экспонат — фото Феди Хасанова. Во многих воспоминаниях появляется эта фамилия. Сохранилась запись беседы и с ним самим. Вот что он рассказывал о себе в 1966 году: «Откуда прибыл Саша Матросов в Ивановский детдом (в то время Куйбышевской области), я не знаю.

Я, Хасанов Федор Иванович, воспитывался с Александром Матросовым в Ивановском детдоме с 1936 года. Вначале здесь увлекался разведением кроликов. В 1936 году

все кролики были уничтожены, и мы с Сашей Матросовым стали разводить голубей... С Сашей мы ходили в поле за просом и пшеницей на корм птицам. Во время октябрьских и майских демонстраций, на которых участвовали в селе Ивановка, из строя демонстрантов выпускали голубей...»

Вот с кем мне надо встретиться! Только он сможет объяснить неясные вопросы. Говорят, он сейчас проживает в городе Ульяновске. Выпал и удобный момент — однажды редактор сам напомнил:

— Ну, а что подделывает Матросов? Когда закончим дело?

— Знаете ли... — Не нашелся сказать я, а потом осе-нило: — Мне бы денька на два съездить в Ульяновск.

Да, надо было ехать непременно. Только там может найтись нужный документ. Если не найдется, то необходимо вообще забыть на время про Шакирьяна. Нигде не упоминать Мухамедьянова, искать только Матросова. Так будет лучше. Вполне возможно, придется даже прощаться с версией. Как говорится, Платон мне друг, а истина дороже.

Задумано — сделано. И я в Уфимском аэропорту.

Конец января. Стоят жестокие крещенские морозы. Вдобавок к холодам — бураны со снегом. В зале ожидания на табло наверху — одно и то же: «боковой ветер», «верховой ветер». Это означало: самолеты подняться не могут. А прибывших в Уфу, не принимая, направляли дальше в Магнитогорск или в Ижевск.

Промучившись сутки в Уфе в аэропорту, проклиная этот самый «Аэрофлот», спешу через город на железнодорожный вокзал. С трудом, но достал билет.

Иду по вагонам, протискиваясь меж горячих тел. Вдруг промелькнуло знакомое лицо. Ба, это же Айрат! Мы с ним вчера в аэропорту весь день коротали вместе. Он мне обрадовался как брату, с его лица долго не сходила улыбка: все-таки лучше ехать вдвоем.

В Ульяновске Айрат уговаривал меня переночевать у него в рабочем общежитии, но я решил поехать в гостиницу «Венец».

С утра — в редакцию газеты «Ульяновская правда». Василия Николаевича Кириллова, заместителя ответсекретаря, с которым я переписывался до приезда, на месте не было, но в редакции нашлись коллеги, кто готов был хоть что-то подсказать приезжему человеку. По совету заведующей отделом школьной жизни газеты «Комсомолец Ульяновска», миловидной девушки, я направился в Управление народного образования области, где меня приветли-

во встретил зам. начальника управления Борис Федорович Арсентьев. После краткой беседы о судьбе А. Матросова он меня проводил в архив народного образования. К сожалению, документов за 1935—1936 годы и здесь не оказалось. Имелся только послевоенный архив. Вот так везде, хоть плачь! Но в управлении дали подробный адрес Ивановского детского дома.

... На вокзале выяснилось, что в Ивановку автобус ушел еще утром, а следующий будет только к вечеру. Пришлось ловить такси.

Пожилого возраста шофер разговорился. После веселых анекдотов перешел к А. Матросову и сказал так: «Да, вероятно, он изменил фамилию». И стал приводить множество тому примеров, как ульяновские татары носят русские имена. А потом поведал услышанное: якобы «Матросов сначала обмотал руку фуфайкой и засунул ее в щель. Когда это не помогло, бросился на огонь сам».

Ивановский детский дом находился в тридцати километрах от центра, в стороне от большака. Рядом, через реку в низине, деревня. На территории детдома возвышаются средняя школа, еще одно здание для детей дошкольного возраста, квартиры учителей, образуя небольшой городок из многоэтажных кирпичных домов.

Как тут отнесутся к моему визиту? Пожалуй, в разговоре надо проявлять осторожность, дабы ненароком не обидеть ивановцев. В чужой монастырь со своим уставом не пойдешь.

Директора дома А. С. Гуськова на месте не было, и меня приняла завуч Г. М. Шевыряева. Внимательно выслушав нашу версию, Галина Михайловна какое-то время сидела молча и, как я заметил, ничему нисколько не удивилась. «Видно, умная женщина и терпеливая учительница, растерянности не выдала», — подумал я и, уже ничего не боясь, выложил все, что имел при себе.

— Изменению фамилий удивляться не приходится, — сказала Галина Михайловна. — У нас был такой случай: нашли мальчика на Ярославском вокзале г. Москвы, привезли к нам, и медики, установив его примерный возраст, дали имя Анатолий Петров. А на самом деле чей он? Анатолию сейчас 14 лет. Теперь ушел от нас.

Вот так я начал знакомиться с детдомом. Некоторые читатели могут спросить: а какая необходимость была ехать за тридевять земель, чтобы лишь взглянуть, почитать воспоминания? Тем более они имелись у меня. Нет, дело не в этом. Изучая полные трагизма, несчастья детские годы Матросова, пытаюсь измерить величину его не-

граф, действительно, Николай Васильевич Заболотнов. В свое время газета «Известия» интересовалась карточкой, и Н. Заболотнов приезжал сюда с бывшей няней, чтобы подтвердить ее подлинность. Галина Михайловна сказала, что негатив фото должен храниться в архиве городского музея.

Галина Михайловна показала весь детдом, столовую, состоящую из двух залов. Подростки в основном обслуживают себя сами. На три-четыре ребенка выделена одна комната, обставленная современной полированной мебелью. На полу — дорогие ковры. Всюду чистота — ни пылинки. Дети прибирают сами.

Первое впечатление: баклуши здесь не бьют. Порядок в саду. Говорят, когда-то он принадлежал Оболенскому. Будь жив князь и сейчас, пожалуй, не пришлось бы ему краснеть за свой парк. Может, это только зимой? Во всяком случае, дорожки, подъезды ухожены. Кругом — сосны, березы. Прохожу по дороге, что протянулась поверх берега Дремы. Навстречу — двое мальчишек.

— Куда направились, ребята?

— На ферму.

— А что там у вас?

— Свиньи, кролики. Я обожаю кроликов, — говорит мальчик, что пониже ростом и тычет пальцем на высокого. — А вот он ухаживает за поросятами. Есть у нас и коровы.

Значит, приучают к труду. И в пору Матросова главное внимание уделялось трудовому воспитанию. В 50—60-е годы у детдома было 75 гектаров пашни, в подсобном хозяйстве — 220 свиней, 75 голов крупного рогатого скота. Раздача кормов скоту, поение, дойка коров — все лежало на плечах самих детей. Трудились не зря — никогда не покупали молоко и сметану. Только скот никогда не забивали на глазах детей — это запрещалось из добрых побуждений. Коров, свиней сдавали государству, а взамен брали готовое мясо. И овощей хватало на круглый год. Думать и заботиться о себе, не ждать помощи от доброго дяди — вот что присуще воспитанникам Ивановского детдома. Но к такому важному выводу я приду чуть позже, пока же мы продолжаем беседу с мальчиками.

Говорю:

— Давайте, я вас сфотографирую на память.

— Пожалуйста, — сказал тот, который невысокого роста, а в синих глазах играют чертики. И представляет себя: — Моя фамилия Короткий. А этот — Великанов... Сергей.

Струнный оркестр при Ивановском детском доме

— А не шутишь?

— Нет. Меня Алексеем Коротким зовут... А вы, дяденька, случайно не чуваш?

— Почему чуваш? — удивился я.

— Акцент у вас такой.

«Во те на! — расстроился я. — До сих пор считал, что сносно владею русским. Значит, нет?» Но говорю другое:

— А ты разве чуваш?

— Да, чуваш! — И мальчик гордо выпятил тощую грудь.

— И помнишь свой язык?

— Помню. Все знаю... А вот ваше произношение мне показалось как чувашское.

— Нет, я башкир... А вы в каком классе учитесь-то?

— В шестом.

Вот такой разговор произошел на «национальную» тему.

Просто удивил чуваш! Чуть позже, знакомясь с работой библиотеки детдома, довольно богатой, я вдруг решил проверить свое «открытие» на библиотечарше и спрашиваю:

— Я смотрел у завуча журналы и заметил, что в детдоме много татар, чувашей. Живут и украинцы. А есть в библиотеке книги на их языке? Например, украинская литература?

У библиотечарши глаза сделались круглые:

— А почему это? Да нет, они же не знают по-своему. Русский язык им стал родным.

Не стал я усугублять этот вопрос, но подумал: вот где кроется проблема, когда дети забывают свой язык.

В Ивановке Сашу помнили многие. Например, Мария Степановна Мосина, 1921 года рождения. Но с ней мы встретились только на автобусной остановке, успели обменяться с ней несколькими словами:

— Мария Степановна, помните ли Вы Матросова?

— Как не помнить! Живой был паренек. «Женихом» дразнили его. — И она назвала имя девушки, которая сейчас не может подняться с постели, больна. — Мы часто просили его пойти в сад, трясти яблоню. Живой был, хороший парнишка...

Из Ивановки я уезжал с адресом Раисы Ивановой, Федора Хасанова и Павла Ризина. Встреча с ними обещала быть интересной.

И в Ивановке, и в Управлении народного образования мне несколько раз повторяли:

— Нет человека, который лучше знал бы Матросова, чем Раиса Алексеевна Иванова.

— А как ее найти?

— Она работает директором городского детского парка имени А. Матросова.

Но, оказалось, «поймать» ее не так-то просто, все время в бегах. Кажется, парк собирались ремонтировать. Хорошо, тогда сэкономим время и съездим к Федору Хасанову. Объяснили, что он живет по проезду Менделеева. Где это? В Заволжском районе.

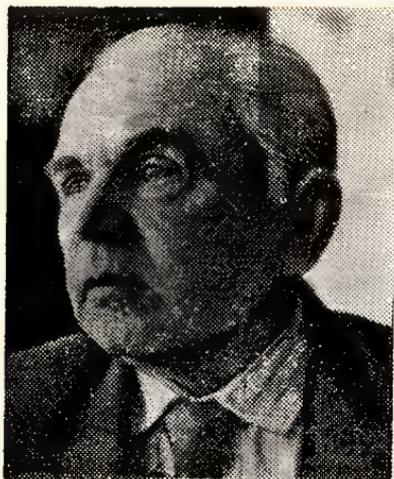
Людей хороших больше, нежели плохих. Я всегда убеждаюсь в этом. В огромном незнакомом городе за считанное вечернее время найти нужный тебе микрорайон, затем улицу и дом без добрых людей было бы невозможно. Буквально через час я уже стучался в дверь Федора Хасанова, чье фото видел в Уфимском музее. Вошел и протянул руку совершенно седому человеку и тут же заинтересовался:

— Здравствуйте, Федор Иванович! А почему, простите, Хасанов?

Хозяин заулыбался:

— Меня раньше называли Малай Иваныч. Только потом стал Федором Ивановичем. А так я Файзрахман Хайруллович. Татарин. Но забыл свой язык, разговариваю только на русском. Вернул свое имя только в 1981 году, когда надо было оформлять пенсию.

«Так же, как Черников-Иргалин!»

Файзрахман Хасанов (Федор Иванович), воспитывавшийся в Ивановском детдоме с А. Матросовым

— Я попал в детский приемник, что в Ульяновске, в 1932 году. Сначала был в 3-м детдоме, а в Ивановку прибыл года через два. Записали, что родился в 1923 году, а на самом деле я был с 1921 года... Участник войны. Имею две медали «За отвагу».

— А что скажете о Матросове?

— Он попал в Ивановку позже меня. Думаю, в 1935-м, а не в 1936 году, как пишут. А вот откуда прибыл, не знаю. Наверно, из какого-нибудь сельского района, что на железной дороге... Мы держали кроликов. Потом мы с Сашей Матросовым стали разводить голубей. Ходили за просом и

пшеницей. Сеяли сами. И сами кормили себя. Столярничали, вытачивали ножки для стульев. Саша больше работал на столярке. У нас был хороший столяр, Владимир Толпыга. До сих пор помню запах клея, который он применял. Кровати у нас с Сашей стояли рядом. Двухэтажные деревянные кровати.

— А он не разговаривал по-татарски или по-башкирски?

— А с кем? Мы же объяснялись только по-русски. Учить своему языку у нас родителей не было. Мы, например, сиротами остались четверо. Все маленькие. Мы не разговаривали по-татарски.

— Внешность его помните?

— Лицо было как бы обгоревшее... Когда мы кончили школу в детском доме, нас, пять-шесть подростков, в 1938 году по наряду отправили в г. Куйбышев на завод имени Масленникова. А там поступили в ремесленное училище. Словом, неплохо пошла наша жизнь. А вот Матросов... В 1939 году его устроили на вагоноремонтный завод. А там один дым да гарь. Об этом мне рассказывал, встретив на улице Синьков, наш же товарищ. Говорил, что Саша живет в бараке. Потом слышу, ушел оттуда. То ли в Сызрань, то ли в Саратов... А о подвиге Саши услышал на фронте. Шли строем, кто-то окликает. Смотрю, Деменчук.

Вместе жили в Ивановке. «Федя! — кричит. — А ведь Саша совершил подвиг!» Я в ответ только: «Ладно!» — Из строя нельзя было выходить.

«ЧТО НАМ ДЕЛИТЬ!»

В детском парке наконец-то сказали, что Раиса Алексеевна у себя в кабинете. Услышав в прихожей разговор, она сама распахнула дверь. Солидная, рыжеватая, пенсионного возраста женщина. Она поздоровалась со мной как с давнишним знакомым. Тут же взялась за чайник и поставила его кипятить. Когда поняла, что я приехал издалека, из Башкортостана, упрекнула:

— Что это вы там, громите памятник Матросову, а?

Она, конечно, читала газету «Правда», где ее собственный корреспондент, критикуя партийное руководство Башкортостана за его неблаговидные дела, попутно задел вопрос о памятнике А. Матросову, написал о том, что его убрали подальше с глаз долой. В общем-то это было не совсем так, и я поспешил успокоить хозяйку кабинета, что с памятником ничего не случилось, он цел и невредим, просто корреспондент преувеличил, статуя только поменяла адрес и установлена на территории школы МВД и за ней по-прежнему ухаживают.

— Расскажите, что знаете о нем, — задал я ей вопрос.

— Напрямик, как коммунист — коммунисту?

— Обязательно, как коммунист — коммунисту! — в тон ответил я Ивановой. Только вот какие секреты откроет она?

Она поведала немало интересного. Р. А. Иванова долгие годы работала директором Ивановского детского дома, она была и организатором музея и тогда же, собирая материал о герое, пришла к мысли, что А. Матросов к Днепропетровску никакого отношения не имеет. Он должен быть выходцем из ... города Мелекес. Да-да, что в Ульяновской области. Пока мы пили чай за рабочим столом, Раиса Алексеевна долго и увлеченно рассказывала. Затем говорил я. Вытащил письма Г. Черникова и вручил ей. Раиса Алексеевна медленно прочитала их до конца, отложила, притихла, что, казалось, вообще не к лицу ей. Но молчание продолжалось недолго. Она приподнялась и рубанула рукой воздух:

— Ладно! Будем бороться!

— Раиса Алексеевна... Опомнитесь! Какая борьба? Делить-то нам что? Ведь главное — выяснить, где он родился.

— Да-да... Выяснять будем вместе. Сообща работать.

— Вот и хорошо.

Нет, Раиса Алексеевна, по всему видать, хоть и вспыльчива, быстро отходчива, добра, понятлива. Успокаиваясь, она вдруг громко засмеялась и тут же взялась за телефонную трубку, начала звонить Цареву, Ризину, оповещать, что из Башкирии приехал гость и, мол, надо с ним встретиться. Когда узнала, что один из приглашаемых, Павел Петрович Ризин, приболел, шутливо приказала: «Не болеть! Держаться по-матросовски!»

Решили собраться вместе завтра.

... Раиса Алексеевна с раннего утра была у себя. Встретила приветливо. Стали ждать воспитателя А. Матросова П. П. Ризина и писателя М. И. Царева. Между тем в кабинет вошла, не снимая верхнюю одежду, молоденькая девушка. Иванова обняла девушку и, лаская ее, словно маленького ребенка, пожелала доброго пути, но тут же, посерьезнев, добавила:

— Зайди к Володе. Не забудь. Повидайся с Тоней. От меня привет передай. Слышала? Ну-ка, повтори!

Девушка, улыбнувшись, успокоила женщину.

— Не забыла адреса? Вечером позвони ко мне домой: запишешь еще адреса двух-трех человек.

Девушка приобняла Раису Алексеевну и покинула кабинет.

— Что это за девушка и куда едет? — поинтересовался я, и хозяйка кабинета охотно стала объяснять.

Зовут девушку Наташа Бородина. Воспитывалась в детдоме. Закончила университет. Там же оставлена работать на кафедре литературы и языка. Поступила в аспирантуру и вот едет в Ленинград сдавать кандидатский минимум (вот вам и сирота!).

— А Володя — это кто?

— И он воспитывался у нас. Сейчас полковник. Болонкин здесь, в Ульяновске, окончил танковое училище, а потом Чебоксарский университет, сейчас начальник политической Ленинградского Высшего военно-командного училища... Ну тогда и о Тоне надо сказать, да? — засмеялась Раиса Алексеевна. — Тоня Прошина работает в Ленинградском музее экскурсоводом, депутат районного Совета.

Не скрою, и Наташа, и Тоня, и Володя не нужны были мне, но их жизнь, мне казалось, была реальным осуществлением мечты, которую носил в себе А. Матросов. Вот и Раиса Алексеевна разве не об этом же говорит? В сегодняшней жизни, полной суматохи, неразберихи, мне думается, особенно надо заботиться о душе ребенка. Посади

его перед собой, посмотри в глаза и поговори с ним не спеша. Вот чего не хватает сейчас. Раненые юные души, дети черствых сердцем родителей (сейчас мало круглых сирот), попав в детский дом, должны почувствовать материнское тепло. Казенный подход может только усложнить судьбу и без того несчастного ребенка. Пусть почувствует маленький человек, что о нем будут заботиться и в будущем. Только тогда рождается надежда, и он не испортится, обретет уверенность.

— Почему я наказала Наташе повидаться в Володей и Тоней? — испытующе смотрит на меня Раиса Алексеевна. — А чтобы не забывали друг друга. Кто постарше, должны интересоваться, как встают на ноги младшие, с кем дружат, даже тем, как тратят деньги. У них же нет родителей.

Развивая свою мысль, Иванова начала вспоминать тех, кто уехал в Ленинград. Как они устроились там? Этим обязаны другой Тоне — Антонине Мартыновой. В 60-е годы Тоня поехала туда, приняли ее начальником отдела кадров ткацкой фабрики имени Желябова. За ней потянулись другие детдомовцы. Антонина для них — старшая сестра.

А вот к Вале Коськовой, уехавшей в город Калинин, за советами ездит Б. Золотынов из Москвы, хотя на двадцать лет старше ее.

— К слову сказать, в Ивановке и из Москвы были дети?

— Были. Много. Сейчас всех вырастили, вернули в столицу. Пришлось не раз войти с ходатайством в Московский городской Совет, выбивать квартиры. Ведь люди, хоть и покинули Москву еще детьми, не потеряли прав на жилье! Они ведь где-то жили. Когда становились совершеннолетними, я этот вопрос ставила перед соответствующими органами. Приходилось разговаривать и на повышенных тонах.

И А. Матросов перед отправкой на фронт скажет: «Меня воспитала Родина». Это верно, но отчасти. Родина только создает условия, издает законы, чтобы оберегать детей от всевозможных бед. А все остальное — забота о пище, сне, воспитание любви к труду, обогащение души — падает на долю конкретных лиц — Раисы, Галины и других. Любовь молодого человека к другому, привязанность к товарищу, стремление помочь нуждающемуся, готовность войти в огонь и воду — все это от отца и матери. Эти замечательные качества он берет и от своих воспитателей, учителей.

Ветераны, которых приглашала Р. А. Иванова к себе,

не явились. Ничего не поделаешь — люди пожилые. У писателя А. И. Царева, изучавшего, как мне говорили, биографию А. Матросова около 30 лет, болели зубы. Хорошо, что я сумел до этого полистать его книжечку, выпущенную Ульяновским издательством в 1976 году. Так что же там полезного для меня?

Очень коротко: директором Ивановского детского дома в 1932—1940 годах работал Петр Иосифович Макаренко, строгий человек. Много внимания уделял трудовому воспитанию детей.

Были там цыганские дети: Ляля и Юра Фадеевы. Однажды покинули детдом, но быстро вернулись обратно. Плясали матросский танец.

А вот и о бескозырках. Однажды завезли их много на склад. Были и тельняшки. Другой одежды не было. Раздали эти. Были даже турецкие фески. Пальто дадут — нет ботинок; ботинки выдадут, утром проснешься — нет рукавов у пальто...

С А. И. Царевым пришлось ограничиться только телефонным разговором. Обменивались мнениями минут двадцать. Я высказал свои соображения, на что он без обиняков отрезал:

— Я верю только документам. Советую и вам быть осторожным. Ко мне тоже приходили «двоюродные братья Матросова». Покажи документы, где он родился, и я поверю.

«Да, тут не больно разговоришься»...

— Днепропетровцы тоже руководствуются одной лишь анкетой, заполненной самим Матросовым. Но сами не могут доказать, где и на какой улице он родился. Я пришел к выводу, что Матросов назвал первый попавший город. «Так это ясно. И мы говорим то же самое!»

— А что скажете о Мелекесовской версии? — спросил я, вспомнив слова Р. А. Ивановой.

— Она не подтверждается. Нужны архивные материалы. А их нет.

— Вчера я посетил Ивановский детдом. Уехал с таким впечатлением, что там, наверное, и в 30-е годы хорошо была поставлена воспитательная работа... А что скажете о Куйбышевском периоде? Не думаете ли, что именно здесь он сорвался с правильного пути?

— В этом вся трагедия! — воскликнул Андрей Иванович. — По документам можно сделать вывод, что он ушел с завода, искал мать. И арестовали его в Саратовской области...

Вот такой был разговор. Он совместно с другими све-

днями должен помочь обобщить некоторые детали. Например, меня радовало, что рассказы о горячности Саши, нетерпимости к несправедливости, то, что он не переносил правоучений, даже был не прочь применить «воспитательные меры» к старшим, организаторские способности, готовность помочь малышам, игра на гитаре и т. д. — все это совпадало с тем, что уже рассказывали в Уфе и в Кунакбаево.

Все, что я услышал в Ульяновске, пересказать невозможно. Но все же нельзя не вспомнить П. П. Ризина. Вчера он тоже не смог прийти на встречу. Болел гриппом, и с ним тоже поговорили по телефону.

— Павел Петрович, не помните, откуда прибыл Матросов — из Башкирии или еще откуда?

— Не скажу, не знаю, — избежал он прямого ответа.

— О внешности. Волосы какие были: рыжие, темно-русые, черные?

— Нет, не рыжие. Скорее, темно-русые.

— В каком году он был принят в детдом?

— В 1935-м.

— Весной или осенью?

— Этого не помню.

— А имели ребята возможность убежать?

— Летом кое-кто убегал. Но к зиме возвращались обратно. Матросов не убегал.

— А когда он убыл из детдома?

— Я сам отвозил его в Куйбышев. Их четыре мальчика было. Это в 1939 году. Думаю, к осени. Сдал их под расписку.

— Куда сдали?

— На вагоноремонтный завод.

— Как думаете, сколько он мог пробыть там? Федор Хасанов считает, что он там находился не более 2—3 месяцев. Как Вы смотрите на это?

— Я тоже так думаю.

— Почему?

— Условия были плохие. Кому охота возиться с сиротами... Плевать на них — такое отношение было. Понятно, разбежались ребята, беспризорничали.

Прощаясь, мы договорились поддерживать связь. Действительно, мы потом несколько раз обменялись письмами. Я как-то послал ему групповой снимок, обнаруженный в Уфимском музее, на что Павел Петрович прислал ответ: «Рауф Хаевич, Вы спрашиваете, откуда он, Матросов, родом. Отвечаю: неизвестно. Говорят по-разному... Меня интересует, откуда Вы раскопали эту фотографию? Там сле-

ва — я, как воспитатель Саши; фамилию второго воспитанника не помню; третий — учитель школы Арсентьев Анатолий Тимофеевич, а четвертый — Саша Матросов, пятый — воспитанник Семенов Костя, он погиб на фронте. Это снимок участников самодеятельного кружка струнного оркестра... Извините за мой почерк, болею уже два месяца. Только что пришел из больницы: плохо с головой и сердцем.

Р. S.! Кстати, вот сейчас, когда я писал письмо, пришел ко мне друг Саши Матросова — Хасанов Федор Иванович и все мы уточнили.

П. Ризин».

Завершая отчет о поездке в Ульяновск, надо сказать, что за короткое время я приобрел там немало друзей, которые еще долго присылали письма, пытаясь помочь поиску. Но среди сообщений были и пессимистические. Например, супруга Ф. Х. Хасанова, Лидия Иосифовна, сообщала: «Ответить на Ваше первое письмо не смогли, потому что Федя очень болен, и ему сейчас ездить трудно. Он стал какой-то рассеянный. Получив второе письмо, он побывал в областном архиве, но все безрезультатно...»

Или вот развитие получило знакомство с мальчиками Ивановского детдома. Завуч Галина Михайловна Шевыряева писала: «Получила Ваше письмо. Рада, что не забыли наш детский дом. Леша Короткий и Сережа Великанов очень обрадовались фотографиям. Это, действительно, наши животноводы. Каждый день трудятся на детдомовской ферме, где мы ухаживаем за коровами, телятами, свиньями и кроликами.

Как видите, у нас огромное подсобное хозяйство. Многие делают сами дети... Рауф Хаевич, очень будем рады, если Вы напишете о нас в газете: пусть в Башкирии знают о нашем доме...

С уважением Галина Михайловна...»

Спасибо всем ульяновцам за их отзывчивость и простоту.

Но вернемся к делу. Все же куда направился Саша из Куйбышева?

СУД

В Уфимском музее А. Матросова сохранилась записная книжечка одного следопыта, моряка-офицера. Судя по его записям, в 1940 году Саша вместе со своим другом М. Саулиным, будучи еще в Куйбышеве, сидел на берегу

Волги, загорал. Подошел к ним милиционер и, обвинив мальчиков «в нарушении паспортного режима», увел с собой. М. Саулина сажают, а Матросова отпускают и он через какого-то знакомого передает своему другу Корсакову весть: «Я направляюсь или в Уфу, или в Пензу». Почему в Уфу? — возникает такой вопрос.

Возможно, после Куйбышева он поехал в Кунакбаево? Ведь земляки Шакирьяна вспоминают этот год. Но следы Саши в дальнейшем обнаруживаются в городе Саратове.

Забегая вперед, надо сказать, что чуть позже я найду важный документ, касающийся жизни Матросова саратовского периода. Как явствует из него, народный суд 3-го участка Фрунзенского района г. Саратова от 8 октября 1940 года осудил его по части 2 статьи 192-а УК РСФСР к двум годам лишения свободы. «Данных о рассмотрении дела в кассационном порядке не имеется». Матросов признан виновным в том, что он, несмотря на данную им подписку о выезде из г. Саратова в 24 часа, продолжал там проживать. Таков приговор суда.

5 мая 1967 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР рассмотрела дело по протесту заместителя прокурора РСФСР Б. К. Кравцова на приговор народного суда г. Саратова и нашла, что он подлежит отмене, а дело должно быть прекращено. Вот что говорится в решении судебной коллегии: «Работники милиции г. Саратова формально отнеслись к судьбе подростка Матросова. Вместо того, чтобы принять меры к трудоустройству его, предложили немедленно выехать из города, о чем отобрали подписку. Через десять дней Матросов был задержан в Саратове и привлечен к ответственности за нарушение паспортного режима».

На судебном заседании Матросов не признал себя виновным и пояснил, что в Саратове он оказался проездом в г. Сталинград. Однако суд эти доводы не проверил и не отверг их. Хотя от установления этого факта зависело решение вопроса о виновности или невиновности Матросова в нарушении паспортного режима.

Необходимость тщательной проверки доводов Матросова вызвана и тем, что в материалах предварительного следствия имелись существенные противоречия по факту и месту его задержания. Так, в постановлении об избрании меры пресечения указано, что Матросов задержан в трамвае маршрута № 6, тогда как в приговоре утверждается, что он был задержан на рынке.

При таких обстоятельствах у суда не было оснований для вынесения приговора и осуждения Матросова...

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, руководствуясь п. 2 статьи 378 УПК РСФСР, приговор народного суда 3-го участка Фрунзенского района г. Саратова в отношении А. Матросова отменила и прекратила дело. Правда, хоть и с опозданием, но восторжествовала, поэтому можно было бы вообще не упоминать о несправедливом наказании. Но тяжелых двух лет, проведенных в Уфе, из биографии не вычеркнуть.

Впрочем, легко нам сегодня, задним числом, осуждать власти. Даже ведь в пору развивающейся так называемой демократии бытовое сознание не очень-то приемлет идеи гуманизации общества. Большинство граждан уверено, что чем строже наказание, тем оно лучше выполняет свою воспитательную роль... Такими жестокими, бессердечными быть мы привыкли уж столетиями.

Матросов довольно много путешествовал по стране — эту мысль подтверждает и Р. А. Иванова. И все же она, соглашаясь с некоторыми моими выводами, во время второй встречи повторила свою версию.

— Нет, все-таки Матросов должен быть ульяновским! — сказала она. — Почему так говорю? Я видела Мелекесскую «Книгу движения». По записи в ней он прошел через Мелекесский детдом.

«Мелекес»? А почему этот город нигде не упоминается?

Хотя бы в виде версий, догадок? С какой это стати ищут только о Днепропетровске и Ивановке да об Уфе?

Хорошо, а где же этот журнал? Не сохранился. Но, опираясь на мелекесскую запись, в свое время Р. А. Иванова обращалась в Ульяновский обком партии. Ей посоветовали не заниматься «глупостями». Знакомые угрозы!

Кстати, перед выездом в дорогу, я получил письмо из Кунакбаево. В нем приводились примерно такие же слова. Учитель-пенсионер Халидар Габидуллин писал: «В 1948 году я вернулся из армии и работал секретарем комсомольской организации, а затем председателем колхоза. Народ стал требовать, почему, дескать, не хлопчете, ведь Александр Матросов наш парень, надо доказать. И я выехал в Башкирский обком КПСС, рассказал суть дела. Но меня предупредили: «Не занимайся тем, чем не положено. Только себе навредишь».

ЧТО ОЗНАЧАЕТ «ЦПР»!

Говорили, что оригинал фотографии Саши с голубем в руках, не искаженный ретушером, должен находиться в

архиве г. Ульяновска. Но заглянуть ни в архив, ни в музей уже не оставалось времени. Что делать?

Только вставал день над Волгой, поэтому записку знакомому журналисту областной газеты В. Кириллову с просьбой взять заботу о фотографии пришлось засунуть под дверь редакции. И вот через неделю-другую в Уфу пришел толстый конверт.

Жаль, новый друг не нашел фото. Но он нарвался на другую находку, на неизвестное мне до сих пор фотозображение А. Матросова 1937 года, опубликованное в газете «Ульяновская правда» в 1968 году. Здесь же учитель 21-й школы г. Ульяновска П. Ковальчук, который занимался поисковой работой по изучению детских лет А. Матросова, делится своими соображениями. В его статье, названной «Годы в Ивановке», и для нас имеются интересные детали.

«Изучая архивные документы, мы установили, что Саша Матросов был доставлен в Ульяновский детприемник 30 января 1938 года, а 7 февраля эвакуатор Гребенюк привез его в Ивановский детдом...» — пишет он (однако заметим, его утверждение не совпадает с сообщениями П. Ризина и Ф. Хасанова. — Р. Н.). «... Но там ему что-то не понравилось, — пишет далее П. Ковальчук, — и он сразу убежал. 10 февраля Саша опять оказался в детприемнике. В тот же день эвакуатор Тычина вернул его в Ивановский детдом. С этого времени Саша и жил здесь...»

Ковальчук упоминает, что Саша в Ульяновской области прожил почти четыре года и здесь он прошел хорошую школу воспитания, любил трудиться, был отзывчив на просьбы, однажды спас своего товарища Михаила Саулина, когда тот стал тонуть. Характеризуя Сашу, он ссылается на воспоминания уже знакомых нам Павла Ризина, Федора Хасанова и директора детдома Петра Макаренко. Здесь выводы полностью совпадают и с нашими, но вот год поступления в Ивановский детдом вызывает возражение.

«В биографии Александра Матросова, который рос и воспитывался без родителей, есть немало белых пятен, — пишет П. Ковальчук. — До настоящего времени неизвестно, где и когда он родился, кто его родители. В одном случае его родиной называют город Днепропетровск, в другом — утверждают, что Саша с младенческого возраста рос сначала в доме ребенка, а потом в детском доме где-то в районе Рузаевки (Это также ничем не подтверждается. — Авт.)... Думаю, что вторая версия ближе к истине. Во-первых, хотя бы потому, что по единодушному ут-

верждению всех, кто знал Матросова, Саша совсем не владел украинским языком, а во-вторых, мальчику даже при всей его боевитости, находчивости и смелости проехать из Днепропетровска в Ульяновск — дело маловероятное.

Можно взять под сомнение и подлинность его фамилии. С этим соглашаются и те, кто знал Матросова. Неспорим факт, что мальчик во всем подражал морякам, что он не расставался с принадлежностями морской формы (матросский воротник, бескозырка и т. д.). Он любил называть себя «матросом». Все это могло послужить основанием для присвоения ему фамилии Матросов.

Те же самые выводы, что и наши. И они сделаны еще в 1968 году! Однако... Почему же Раиса Алексеевна, вероятно, знакомая с этой статьей, ни словом не обмолвилась о Рузаевке или еще о каком-нибудь городе, а настойчиво повторяла Мелекес? Вот это беспокоило и заставляло задумываться. Но, не забывая позицию ульяновцев, как бы тяжело ни было на душе, надо было еще раз покопаться в архивах Башкортостана. Между тем из деревни Кунакбаево прислали такую справку: «... Подтверждаем, что у наших односельчан Юсупова Юнуса и Юсуповой Муслимы в 1923 году родился сын по имени Шакирьян и он проживал в деревне до 1933 (1934) года. В Книге актов о рождении он должен быть записан по имени деда «Мухамедьянов Шакирьян Юнусович» или «Юсупов Шакирьян Юнусович. В 1933 (1934) году он ушел из деревни, а позже два или три раза появлялся в деревне, но уже называл себя Матросовым Александром».

Справку подписали самые пожилые женщины деревни: З. Каримова, Х. Юнусова, М. Каримова, М. Рахимова, а также А. Галин.

Мы уже сообщали, что в Учалинском городском архиве была обнаружена запись в Похозяйственной книге по Кунакбаевскому сельскому совету, полностью подтверждающая приведенную выше справку. В архивной справке говорится, что «в составе семьи гражданина Юсупова Юнуса (отчество не указано) проживали следующие члены: Юсупов Юнус — глава семьи — 1886 года рождения — п/гр.; Фархиямал — жена — 1889 г.; Муртаза — сын — 1935 г.; Шакирьян — сын — 1923 г. — выбыл (фонд 34, опись 2, 3-я книга, 9-я стр.).

Отметим здесь, что запись в книге сделана в 1939 году, когда Шакирьяна давно уже не было дома.

Однако в какой же приют попал Шакирьян, покинув родной дом? Должны же где-то сохраниться следы? Эти вопросы не давали покоя.

Мархаба Мутигуллина, проживающая в с. Учалы, писала как-то: «Я помню разговоры о том, что якобы Фархиямал отвезла Шакирьяна в приют. Это, я полагаю, было в 1934 году. Фархиямал пропала три дня и пришла домой очень уставшая. А причина, побудившая ее сдать мальчика, объясняется тем, что ее не принимали на работу из-за малолетства детей».

Куда же мог попасть Шакирьян? По свидетельству Галиды Хужаевой из с. Учалы, это может быть Серменевский детдом под Белорецком. «Фархиямал оставила мальчугана на крыльце приюта, — рассказывает она. — А он, когда чуточку подрос, сам явился домой. Почему я думаю Серменево? — именно то слово зацепилось в памяти».

Рассказ Г. Хужаевой хоть и убеждает, но она путает Муртазу с Шакирьяном.

О разных версиях мы так и эдак долго беседовали с кунакбаевскими старожилками. В Учалинском районе раньше других открыли приют Казаккуловский. Но его в 1928 году закрыли и перевели в Серменево. Переписка же с дирекцией Серменевского детдома ничего не дала.

Пожалуй, от разработки этой версии никакой пользы не будет, тем более, что по мысли Габдрахмана Заманова, Фархиямал была не такая уж смелая женщина, чтобы пускаться в дальнюю дорогу с ребенком. Если бы и поехала, то кто-то должен был их сопровождать. А им может быть только Б. Бакиев, который возил почту между деревней Уразово и городом Миасс. Он мог отвезти мальчика за определенную мзду. А возможно, он оставил Шакирьяна на полпути, в деревне Тунгатарово? Но и эта мысль не имела основания — оказалось, детский дом открыли здесь только во время войны. Тогда остается Миасс...

Вариантов было немало. Напоследок кто-то из кунакбаевцев вспомнил, что все тот же Б. Бакиев отвез Шакирьяна и Газнави то ли в Черниковку, то ли в Уфу. Но конкретно в какой детдом — этого никто сказать не мог. И желание разгадать это привело нас в архив Министерства просвещения БАССР. Но и здесь ожидала все та же новость: бумаги детских домов начала 30-х годов не сохранились. Жаль. Но сирот ведь могли сдавать и минуя отделы народного образования? Например, через НКВД, в чьем ведении находились детприемники-распределители. Тут только мы поняли, что означает режущее слух слово «ЦПР» — центральный приемник. А где он находится? Оказалось, почти в центре города Уфы, в лесной зоне, на берегу речушки Сутолока.

... Дорогу занесло снегом. Пройдя через сосновый бор по сугробам метров сто, наткнулся на высокий забор с колючей проволокой наверху. Но ворота были открыты. Во дворе стояла мертвая тишина. Сыпал пушистый снег, и два-три подростка — похоже, «гости» приемника — чистили дорогу. Налево от нее виднелось двухэтажное каменное здание. Двери железные, двойные. И это было понятно: учреждение-то не обычное, а связанное с жизнью юных правонарушителей.

Двери открылись со страшным грохотом — словно задрожало все здание. Но нигде ни одного поста, что напомнило бы об охране. Поднимаюсь по крутой лестнице на второй этаж. И здесь тишина. Нет, там, вдали, как пулемет, строчит пишущая машинка. По гулкому коридору иду туда, на звук. Открываю дверь: сидят трое — старший лейтенант да двое женщин. Справляюсь о начальнике и его заме Сергее Борисовиче, с которым накануне разговаривал по телефону. Оказалось, старший лейтенант и есть Сергей Борисович, он проводил меня к своему начальнику, капитану, черноволосому крепышу. Переговорив между собой и уяснив, чем могут помочь журналисту, они без всяких формальностей выложили все старые журналы регистрации и списки побывавших здесь: пожалуйста, ищите, сколько хотите. Но который уже раз приходится разочаровываться: журналы были начиная только с 1935 года. А предыдущие потерялись. Что же оставалось делать? Решил просмотреть поздние бумаги — вдруг обнаружится какая-нибудь зацепка?

Прежде всего скажем, что в это учреждение попадали дети и подростки от трех до восемнадцати лет. Последних мало. Основной контингент — это десяти-четырнадцатилетние. Здесь подростки находились недолго, 10—15 дней. Редко кто — месяцы. Затем, как только заканчивалось оформление документов, их отправляли в детдома.

Огромная масса детей проходила через ЦПР. Вот книга, открытая 29 июля 1935 года и закрытая 18 июля 1936 года. В ней зафиксировано: за год с небольшим 1447 детей! Понятно, поток несчастных детей, чьи судьбы неведомы широкой общественности, в настоящее время поиссяк, но цифра все равно немалая — например, в 1982 году побывало 800, в 1989 году 500 невольных «гостей». Тяжело листать эти документы. Читать списки, где против каждой фамилии стоит пометка о проведенном допросе, номер протокола, кто привел подростка и куда его проводили. Напротив некоторых имен — более развернутые записи: «Пойман на станции», приведен «из вагона-прием-

ника», «доставлен УРКМ (Уфимской рабоче-крестьянской милицией); «возвращен, как сбежавший, в такой-то детдом», «патронирован в колхоз», «сбежал в дороге», «устроен в МТС», «отправлен в трахоматозный детдом», «отправлен в трудовую колонию»...

ЦПР — транзитное учреждение. Подростков приводили, куда-нибудь уводили. Они в детприемнике не задерживались, поэтому можно подумать, что вместе с временными гостями покидают стены ЦПР и их горести. Оказывается, вовсе не так. Горе и печаль, следы их поломанных судеб остались в этих гулких коридорах, голых стенах и в истрепанных журналах.

У многих детей даже нет имен или фамилий, и они записаны в журналы очень просто: «Неизвестная Валя», «Неизвестная Анна», «Неизвестный Насим». Или: «Курамшин Иван», «Шарипов Александр, 10 лет», «Муслимов Александр Петрович из Бакалинского района». «Мухамедьянов Александр-Сабир, 12 лет, из Даниловского приемника». Попадал он два раза и отправлен в Татышлинский район.

А вот пример того, как появлялась у человека новая фамилия. В ЦПР привели маленькую Марьям. Она не знала свою фамилию. В журнал ее занесли в строку, над которой значилась фамилия «Валеев». И по этой случайности Марьям стала «Валеевой».

В журнале за 1936 год искать Шакирьяна, понятно, не имело смысла. И все же, к нашей радости, в списках обнаружили детали, которые подкрепляли написанное нами ранее. Например, в начале поисков кунакбаевцы утверждали, что у Юнуса проживала некая Гайникамал и у ней был сын Загидулла (Ахметзагит). Чуть позже мы выяснили, что Загидулла был лишь приемным сыном Юнуса, тем не менее мы через милицию долго искали его в Челябинской области, куда якобы он ушел и потерялся. А его следы оказались здесь, в Уфе! Вот какая осталась запись: «16 июля 1935 года. Юсупов Загидулла, возраст 14 лет. Привела Уфимская рабоче-крестьянская милиция УНКВД. Велся протокол допроса, открыта карточка. 17 июля 1936 года направлен в трудовую колонию № 1 им. Погребинского г. Уфы. Личное дело № 585. Отправлял Зыков».

Оставил след в приемнике-распределителе и небезызвестный Газнави Иргалин, ушедший из Кунакбаево вместе с Шакирьяном. «20 апреля 1939 года. Иргалин Газнави Галеевич, 14 лет. Привело 2-е отделение РКМ. 21 июня

1939 года отправлен в г. Бирск, устроен в 4-й детдом. Отправляла Кормильцева».

Эти записи лишний раз подтверждают, что свидетельства кунакбаевцев относительно Газнави, Загидуллы, Шакирьяна имеют прочную юридическую основу. То же самое можно сказать и о Хамзе Бакиеве из г. Салавата. Вот что написано о нем: «Бакиев Хамза Лутфуллович, 14 лет. В приемник пришел сам 23 сентября 1939 года. 9 октября 1939 года направлен на патронирование в колхоз через РОНО Мелеузовского района. Отправил А. Иванов».

Значит, на свидетельские показания этих людей смело можно полагаться. Надо обратить внимание и на следующее: в Уфимский ЦПР попадали дети из разных регионов: из Челябинска, Карабаша, Белорецка, Учалинского района, Свердловска, Мелекеса, Бугульмы, Узьяна... География путешествий беспризорников широкая. В списках читаем разные фамилии, хоть чем-то заинтересовавшие нас: 1. Вместе с Газнави Иргалиным в апреле 1939 года привели Александра Кошкина, 14 лет, но он через восемь дней сбежал в дороге. А вот Хамитов Рашит Гильмиевич (его фамилия часто встречается в разных воспоминаниях), 13 лет, не сумел уйти и был возвращен домой в Учалинский район. Интерес вызывают и другие имена: 26 ноября 1937 года побывала здесь Юсупова Мария, 13 лет, отправлена на работу через Буздякский район. М. Саулин (встречается в материалах Ульяновской области), 9 лет, направлен в Аскинский район... Нет только Шакирьяна.

Немало материалов о том, в каком труднейшем положении оказались тысячи и тысячи детей в 30—40-х годах, имеется в Башкирском центральном госархиве. Они раскрывают нам глаза на то, почему огромные массы подростков оказались на улице. Сохранилось письмо врача ЦПР О. Калининой, адресованное в санитарное управление здравоохранения г. Уфы и достаточно характерно рисующее быт детприемника. «Обращаю ваше внимание на чрезмерную тесноту в ЦПР, — пишет врач. — На 9 января 1935 года в помещениях на 250 человек проживают 585 детей. Из-за такой загруженности может возникнуть эпидемия. В таких условиях невозможно соблюдать сколько-нибудь санитарного минимума. Дети по четыре человека спят на кроватях, даже на полу. Не хватает одежды, поэтому дети выходят на улицу, в туалет раздетыми, босиком. Постели очень грязные. Нет умывальников, не хватает бачков для горячей воды... Прошу принять срочные меры».

Еще раз изучаем списки подростков, отправленных из

ЦПР в Стерлитамак в 1934 году. В одном из них — фамилия «Юсупов». Выехало всего 35 ребят, башкир по национальности, он — под номером 32. Возраст — 11 лет. Первая группа. Почему-то мне кажется, что этот Юсупов и является Шакирьяном. Но как докажешь? К тому же, опираясь на утверждения кунакбаевцев, мы еще в начале поиска назвали его Мухамедьяновым. Но отец носил фамилию Юсупов. Поэтому и Шакирьян мог быть зафиксирован как Юсупов.

Пишем письмо в Стерлитамак, но оттуда сообщают, что никаких сведений не осталось.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТНИКА

Тем временем и пишущих в редакцию, и просто посетителей опять прибавилось. Остановимся только на двух.

Н. П. Волков со ст. Дема хотел пояснить, что А. Матросова путают с «Шуриком-машинистом». Последний, по его словам, был хулиганом и мать его жила рядом с кинотеатром (ныне — «Луч»). Он якобы был в колонии до 1940 года. А с Сашей Матросовым Волков познакомился в 1940 году. Вместе ходили к одной старушке, которая, дескать, приходилась ему родственницей. Роста он был невысокого, 164 см. Широкоплеч, глаза карие. «По национальности русский?» «Не уверяю. И откуда родом — не говорил. Он не был забиякой. Мы его называли Сашей».

Рассказ Николая Петровича внес только сумятицу. Второе событие — в редакцию поступила выполненная от руки и тиражированная листовка. Автор — Я. М. Максимов. Он выражал свою искреннюю радость из-за возвращения памятника А. Матросову на старое место, в центр Уфы, и установления его настоящего имени. Яков Матвеевич писал:

Он мало жил —
Навек ушел в бессмертье.
Кто он?
Русский иль башкир? —
Но навсегда Матросов он!
В моей стране
И на весь мир.
Навеки в парке
Бронзы звон.
Гордись, Башкирия моя.
Твои герои-сыновья:

И Матросов, и Гареев,
Губайдуллин и Сергеев,
Абдрахманов и Бикеев,
На Подвиг сердцем зван
Пашков
И Бабушкин Иван —
Башкортостана сыновья.
Их — 142 —
Маяков наших семья.

На листовке три стихотворения. Третье заканчивалось так:

Почти два года ждали мы.
И вознаграждены.
Вновь вернулся Герой, —
Как с поля битвы мировой.
Не создавай культ, Человек.
Держимордам места нет
В демократический наш век.

Не столько мастерством стихосложения, сколько проникновением в суть проблемы меня покори́л Максимов. Вот ведь как в жизни нашей: одни ищут в твоей работе только грязь, а другие стремятся поддержать тебя. Разве можно не познакомиться с этими «другими»? Тем более, на листовке указан телефон. Звоню.

— А-а! — обрадовался, судя по голосу, старик и тотчас поинтересовался: — Не смогу ли быть вам полезным?

Оказалось, Яков Михайлович работал слесарем на заводе «Уфимкабель». Пенсионер. После краткого телефонного знакомства мы договорились о встрече.

Еду трамваем на южный конец города. Вот он гостеприимно открывает дверь. Сухопарый старик с совершенно белыми волосами. Приятный, живой характер. Я почему-то сразу начал разговор с башкирских восстаний (бывают же такие заскоки!), о колониальной политике российских императоров. Яков Михайлович удивленно шевелит седыми бровями, но согласно кивает головой. Я все продолжаю свое, почему-то уверенный, что буду понят. Разговор переходит на Литву, отстаивающую перед Союзом свою независимость, на горбачевскую политику в отношении к Прибалтийским республикам. Очевидно, мы верно нащупали нить беседы — участнику войны, как разведчику-офицеру, исколесившему Литву и Латвию вдоль и поперек, она разбередила душу. Получилось так, что только к концу встречи мы перешли к Матросову, но и тут старик только лишь поделился впечатлениями о том, как на днях вновь устанавливали в Уфе памятник Герою и только там, на

митинге, услышал он настоящее имя Матросова. Когда его знакомый Я. Г. Искужин перевел несколько публикаций из газеты «Совет Башкортостан», полностью поверил ему и сразу стал горячим сторонником автора. Вот и выпустил листок — пусть знают люди.

Затем Яков Михайлович показал несколько альбомов: выяснилось, что он уже долгие годы ведет переписку с однополчанами, собирает воспоминания, фотографии войнов соединения. Квартира его превратилась в своего рода музей. Интересным человеком оказался мой новый знакомый. Правда, он ничего не сообщил о Матросове, но мы попрощались искренними друзьями — без таких людей продолжать поиски было бы просто невозможно. Они придают силу.

Дальнейший наш путь — в Димитровград.

СТАРЫЙ ГОРОД С НОВЫМ НАЗВАНИЕМ

Утверждение Раисы Алексеевны Ивановой о том, что она якобы видела фамилию «Матросов» в журнале передвижения Мелекесского детдома, заставило глубоко задуматься. Да, если фамилия не выдумана, Сашу следовало искать только там. Версия есть версия, нравится тебе или нет, надо рассмотреть ее, изучить всесторонне, чтобы потом тебя не обвиняли в непорядочности.

Прежде чем выехать в Мелекес, послали запрос в Ульяновский областной архив: не обнаружится ли фамилия Матросов в каких-либо документах. Ответ шел очень долго, только через полгода пришло сообщение: да, есть в области Матросовы.

Все, с кем пришлось встретиться в Мелекесе, отнеслись к поиску доброжелательно, с пониманием.

Мелекес напоминал большую деревню. Еще в поезде объяснили, что город вырос из татарского поселка. Поэтому в старой части его много старинных купеческих домов, торговых лавок. Над ними, красуясь, высится бывшая церковь из красного кирпича, которая служит краеведческим музеем. На улицах много зелени. И это многообразие форм и цветов радовало глаз после серых коробок Уфы.

В городе, похожем на село, живет около ста тысяч человек. Большинство населяющих его — русские и татары. Есть научно-исследовательский институт, льняной комбинат, много мелких предприятий... Вспомнилось, как у уфимской кассы в ответ на просьбу выписать билет до Мелекеса у девушки-кассирши зло сверкнули глаза: «Нет

такого города!» Я понял, что ошибся: Мелекес-то/старое название города. Сейчас он — Димитровград. Но/выиграл ли город от этого?

В чужом городе прежде всего надо думать о ночлеге. Прохожие посоветовали ехать в Дом Советов. Это очень солидное здание, вполне отвечающее своему назначению. Как толькоходишь в вестибюль — если тебе нужен райсовет, иди направо. А кабинеты, принадлежащие городскому Совету — по левую сторону. То, что советские учреждения сосредоточены в одном месте, может быть, создает какое-то удобство для посетителей, но зачем же содержать такой огромный аппарат? Наверно, как и у нас, перелопачивают одни и те же бумаги. Держу путь направо, к секретарию райсовета. Миловидная женщина. Кратко рассказываю о своем деле и прошу устроить в гостиницу. Но этот вопрос райсовет решить не в силах. Боясь, что «горсовет будет журить за вмешательство в их дела», направляют налево по коридору. Хорошо, что в горсовете не отказали, позвонив по телефону на другой конец города, в гостиницу «Черемшан», попросили выделить одно место.

Но следующее утро опять началось с посещения этого же здания. Секретарь райсовета Пастухова проявляет живой интерес к нашим поискам, звонит в ЗАГСбюро, просит помочь приезжему журналисту, и вот мы с Л. А. Страшной по несколько раз роемся в бумагах, уточняя фамилии и адреса. Наконец-то определяем нужный адрес. Лесо-Хмелевский сельский совет — я должен выехать туда. После этого направляюсь представляться в райком партии. И здесь встречаю очень добродушно. Особенно заинтересована заведующая отделом пропаганды и агитации.

Читатель, возможно, удивится: почему же так подробно перечисляет все автор? Какая в этом нужда? Объясняется просто: чтобы потом не говорили, что заезжий журналист не показался местным властям, а скрытно изучал только ему нужные сведения. Нет, все делалось в открытую, сообщая изучалось во всех учреждениях, ключом к каждому работнику явилось одно и то же слово — «Матросов». Особенно я остался благодарен заведующей отделом райкома партии Татьяне Степановне, которая терпеливо объяснила, где находится нужный мне сельсовет, а затем нашла по телефону секретаря парткома совхоза «Хмелевский» Серафиму Васильевну Букушкину — с ней мы должны встретиться в деревне Лесная Васильевка; знакомит также с редактором газеты «Знамя труда» Синявинным Виктором Алексеевичем, чтобы тот завтра по пути в Ульяновск подбросил приезжего до следующего, Чердаклин-

ского района. Приятно работать журналисту, когда его окружают, казалось бы, совершенно незнакомые, но с добрым сердцем люди. Ты как бы следуешь по светлой ниточке, протянутой от одного к другому человеку.

... Причина поездки в деревню Лесная Васильевка одна-единственная — здесь должны быть жители, носящие фамилию Матросов. Возможно, как раз там и отыщется след «настоящего» Матросова?

Иду на автовокзал. Стоит жара. Некуда спрятаться от солнца. И присесть не на что. Ждем автобуса целых три часа. Наконец-то подходит маленький автобус. Садимся. Сосед мой по сиденью, высокий пожилой человек, оказывается, тоже едет в Лесную Васильевку. Разговорились, познакомились: Вагин Иван Васильевич. 1918 года рождения. Бывший управляющий отделением совхоза, а до этого — председатель колхоза «Красная новь». Когда Васильевку объявили «неперспективной», многие разъехались, но он не покинул деревню, так что ее жителей знает как свои пять пальцев. Иван Васильевич уверенно сказал, что ни Матвея Матросова, ни Прасковьи (подразумеваемых родителей Саши) он не знает. Здесь, очевидно, какая-то ошибка.

На выезде из города к нам подседа секретарь парткома С. В. Букушкина, и мы, добравшись до места, вместе обошли всех пожилых людей деревни. Сначала зашли к В. А. Карпухину. Его дом — от большака налево, сразу же за мостом, у продмага. Василию Андреевичу уже 72 года, занимается пчеловодством. В то же время плотник. Но хозяйство его пришло в полный упадок. Правда, дворик мощный, виднеются штабеля дров. Расселись, стали беседовать. В разговор включилась и хозяйка, Анна Андреевна. Оба заявили, что не помнят ни Матвея, ни Прасковью. Посоветовали: лучше обратиться к Матросову Василию Игнатьевичу.

Но по пути к нему мы решили остановиться у самой пожилой женщины в деревне, у Кирасировой Марии (1909 года рождения). Старуха не стала приглашать в дом, беседовали во дворе. Она тоже не помнила Матросовых. Я переспросил, может, знавала Матвея, примерно сорока лет.

— Да, был Матвей, — ответила она. — А жена Прасковья. А вот детей не помню.

Что это, вспомнила, но по нашей подсказке?

— И куда же подевалась эта семья?

— Как будто в Мелекес уехали. Еще до войны.

— А где стоял их дом?

— На въезде в село.

Забегая вперед, скажем, что Василий Игнатьевич Матросов объяснит, что там, действительно, стоял дом Матросова, но... Федора. И сын его, Николай, сейчас живет в Ульяновске.

По окончательно заброшенной улице, утопая по колено в грязи, удивляясь неуютности села в самом центре великой России, шагаем дальше. Заметив чужих людей, к нам подходит сухощавый мужик с клюкой в руке — впереди него юрко бегут козы. Он приглашает в дом.

— Василий Игнатьевич, скажите, вы не родня Матросову? Александру?

— Это какой же Александр Матросов?

— Герой. Который закрыл амбразуру.

— А! Нет, только однофамилец.

Василий Игнатьевич вместе с женой перебирают всех Матросовых: Дмитрий Игнатьевич, с 1918 года рождения, пропал без вести в эту войну; их отец, Игнатий, пропал еще в ту германскую войну; был еще один Матросов, Федор. Тоже умер. Его сын, Николай, в Ульяновске живет.

— Он ваша родня?

— Нет, тоже однофамилец... У Федора больше не было детей.

— А в деревне не было Матвеев?

— Кажется, был. Жили возле моста. Но его фамилия Мамилин. Больше никаких Матросовых не знаем. Если надо, об этом дадим бумагу за подписью.

Серафима Букушкина, попросившись со мной, села в машину, возившую силос, укатила на центральную усадьбу совхоза, я же стал ловить попутную в обратную сторону. А ее не было. Начинало моросить; поднялся пронзительно холодный ветер. Подытоживая посещение Лесной Васильевки, я размышлял: печалиться такому исходу дела или, наоборот, радоваться? Успех это или неудача? Проехать не одну тысячу верст и возвращаться ни с чем — как оценить это?

Рейсовые автобусы, идущие из Ульяновска, возле Лесной Васильевки не останавливаются. Тут подошел мой утренний знакомый, Иван Васильевич, поинтересовался, с чем уезжаю обратно, сказал, что весь день думал над моим вопросом и еще раз заверяет, что больше никаких Матросовых здесь не было. Вот ведь как: чужой человек, а готов взять на себя заботы случайного знакомого, и это сопереживание не могло не отозваться в душе.

Передо мной, насколько охватывал глаз, лежали промокшие, скучные поля, озябшие холмы. Пока я с подавленным чувством взирал на печальную открытую мест-

ность, защемило сердце — вдруг показалось, что я стою на окраине своего родного аула в далеком отсюда Зауралье. Те же самые поля, похожие пригорки, овраги с плакучим тальником; те же осенние заботы крестьян. И дома почти одинаковые: ветхие, скособоченные. Где же тут национальные различия? Бедность не знает национальностей. Возможно, я уже привык ко всему и очерствел? Или вся великая страна, когда-то состоявшая из отдельных территорий разных народов, которые жили сами по себе, своей жизнью и имели свой образ, со временем настолько потеряла свое лицо, что сосед стал похож на соседа. Забросила судьба на чужбину, тут и укореняйся, зачем тебе думать, ломать голову о прошлой жизни и о будущем — благо, ты сыт и здесь, спи и не горюй, общайся с другими на каком-то усредненном языке — понимаешь соседа, и ладно. Наверно, такая вот жизнь вошла в кровь и плоть? Так и надо жить и не тужить?

Это странное чувство обострилось после того, как мы побывали в домах Лесной Васильевки: бедно, довольно примитивно, нисколько не лучше, чем в моем родном ауле. Та же самая теснота и убогость. И там, и тут бывшие совхозные рабочие кое-как сводят концы с концами: старикам ни дров добыть, ни сена привезти. Похоже, Лесная Васильевка когда-то славилась как крепкое село — дворов было триста, да стояла церквушка. Но сейчас по всей длине улицы виднеются остатки фундаментов, сами дома разобраны, увезены куда-то или сожжены. Имеющиеся в бригаде два или три трактора превратили улицу в месиво и сеть канав — словно они в последние годы только тем и занимались. О бедность! Она интернациональна, не разбирает твой род, унижает человека.

Часа через два все-таки подошел автобус, но он направлялся в сторону совхоза, в Хмелевку. И я был вынужден поехать туда. Там опять встретилась Букушкина. Мы еще раз перекинулись обещаниями переписываться и обмениваться новостями по Матросову. По возвращении из Лесной Васильевки я снова зашел в ЗАГСбюро и поделился со Страшной впечатлениями от поездки, она же пообещала попытаться найти в архивах факт смерти старших Матросовых.

А мне с утра предстоит еще одна поездка, в Чердаклинский район, к Аксянову Ивану Ивановичу, бывшему заместителю директора Ивановского детдома. В Мелекесе подсказали, что якобы у Ивана Ивановича имеется неизвестное до сих пор фото Саша Матросова. Было очень кстати: журналисты местной газеты ехали в областной

центр и взяли меня в свой «газик» до деревни Уренбаш Чердаклинского района.

Дорога была ровная, и мы довольно быстро пересекли Мелекесский район с востока на запад, проехали Тиинск, Озерки, Старый Уренбаш. Ребята высадили меня у крайних домов. Улица широкая, заасфальтированная. Но на ней никого! Где-то впереди промелькнуло цветастое платье женщины. Я было направился к ней, намереваясь спросить, где же дом Ивана Ивановича. Но женщина поспешила и юркнула во двор. Я — следом за ней, через лужу. Захожу, кличу хозяев. На голос выходит девушка, за ней показывается голова старухи. Похоже, татарки. Обращаюсь к ним по-башкирски. Девушка не поняла. Повторяю просьбу — у старухи на лице появилась мягкая улыбка, и она стала приглашать в дом. Когда я отказался, долго растолковывала, как пройти к Ивану Ивановичу. Через десять минут я был на месте. На настойчивый стук дверь открыл сам хозяин. Внешностью, маленьким ростом, повадками он удивительно напомнил моего старшего брата, старого учителя Рашита Салихова, а хозяйка дома чем-то была похожа на его жену. Поэтому я спросил напрямую:

— Вы не учитель?

Как в воду глядел: оба оказались учителями. А Иван Иванович на самом деле был Исмагилом Ихсановичем. Не хотелось уходить от приветливых и как-то по-домашнему уютных Аксяновых. Но что же узнал? В основном о жизни детского дома, который Исмагил Ихсанович называл совершенно по-другому — «коммуной». Он работал там совсем недолго: с марта 1937 года по октябрь того же года; оттуда был призван в армию. По объяснению Аксянова выходило так, что Ивановская коммуна жила на особом режиме, имела свое хозяйство, лошадей, коров. Основными сотрудниками в 37-м году были: племянник директора пионервожатый Федорченко, помощник воспитателя Павел Ризин, воспитатель Михаил Родин, завуч 7-й школы Вера Вячеславовна Соколова, жена директора, учитель Анатолий Тимофеевич Арсеньев. А директором коммуны работал П. И. Макаренко, который затем уехал в Молдавию вместе со своей прачкой. Поэтому в музее нынешнего детдома его фамилии нет.

— Ну, а какая атмосфера была в коммуне?

— Нельзя хвалить дисциплину. Убегали дети. Но что касается самостоятельных кружков, их было много. Там Федорченко хорошо работал. Кого любили ребята? Воспитателя Родина Михаила Ивановича, учителя Арсеньева Анатолия Тимофеевича. Что характерно, Родин, Арсеньев

и директор никогда не запирали свои квартиры — это также говорит о любви ребят к ним.

— А что знаете конкретно о Матросове?

— Об отдельных ребятах помню плохо. Только то скажу, что его детские годы слишком идеализируют. Но он был членом деткома из 40 ребят.

— У вас было его фото?

— Да, одно фото я передал детдому, второе — Р. Ивановой. Но она потеряла его.

— Откуда была бескозырка у Саши?

— Директор как-то на всех купил. Но был в коммуне парнишка по фамилии Китаев, так он выносил и продавал.

— Что можете сказать о национальности Саши?

— Это могут знать Павел Ризин и Федорченко. Только они.

Тепло, по-братски попрощался я с Аксяновым. Оставил им адрес: авось найдут потерянное фото.

Как и вчера, моросил дождь. Холод проникал под плащ. На душе было скверно от того, что и эта поездка оказалась почти напрасной. Одно лишь утешало: прибавлялись знакомые. Аксяновы за чаем пугали меня тем, что возле их деревни автобусы не останавливаются, трудно будет уехать. Придется «голосовать». Так и делаю. Вот промчалась одна легковая, на большой скорости — вторая. Пролетела мимо и... остановилась, жалобно визжа тор- мозами.

Управлял машиной солидный дядя в шляпе. Он открыл дверь и молча показал на сиденье, приглашая сесть. Стали перекидываться словами лишь для того, чтобы не молчать. О тревожных событиях в стране, перестройке, трудностях в экономике, о непоследовательной, дурацкой политике правительства. Мне пришлось приоткрыться и рассказать, откуда я, почему оказался в ульяновских степях под дождем. Было сказано и о том, каким образом джигит-башкир превратился в русского. Мой попутчик, против моего ожидания, не удивился, начал и сам приводить подобные истории. Он держал путь куда-то на восток, мимо Димитровграда, но когда понял, что я тут вообще не ориентируюсь, свернул в старую часть города, делая лишний круг, подвез прямо к подъезду гостиницы. И вот который уже раз я ловлю себя на светлой мысли: люди везде готовы помочь, желают удачи, успешного завершения поисков. Независимо от того, кем, какой национальности окажется в конце концов Матросов. Это радует.

Снова иду в ЗАГСбюро. Снова много бумаг перерыли

вместе со Страшнойой, ища ответ на вопрос: а, возможно, Матвей и Прасковья Матросовы прибыли в Мелекес из какого-нибудь другого местечка и их прах покойся здесь? Нет. Правда, на другой день в списках Старо-Сахчинского сельсовета нашлась некая Матросова Прасковья Николаевна. Но она умерла сравнительно недавно, только в 1950 году и в глубокой старости. Но служащие районного Совета и сами признавались: если бы она была родной матерью погибшего Героя, непременно подала бы голос, да и люди бы не дали успокоиться и забыть.

«САША ПРИБЫЛ С УРАЛА!»

В Мелекесе мы зашли в тупик. Но почему же Р. А. Иванова настаивала на «мелекесском варианте»? Не разгадав эту загадку, тяжело было бы уехать. Ответ, как всегда бывает, нашелся, когда мы потеряли всякую надежду. Не зная, что делать дальше, я бесцельно прогуливался по коридорам Дома Советов. Решил повидать Князькина Михаила Леонтьевича, председателя ВООПИК, местного краеведа. Но он не появлялся. За его столом сидел другой человек. Сожалея, что, очевидно, так и не удастся познакомиться с Князькиным, я стал уходить. Сидевший за столом поинтересовался, что мне надо. Я ему изложил вкратце, кто я, зачем приехал. Пришлось снова присесть. Тогда человек — Карпенко, председатель общества охраны природы, — начал звонить в краеведческий музей, спрашивать, нет ли чего там в отношении Матросова. И вот новость! Из музея подсказали, что здесь, в Димитровграде, живет женщина, которая воспитывала Сашу. И еще через полчаса из музея же сообщили адрес этой бывшей воспитательницы. Надо было немедленно бежать к ней! Но Карпенко попридержал меня, повел в столовую, находившуюся тут же, в конце коридора.

Вот я стою возле ее дома — вернее, у крашенного в зеленый цвет забора, куда прикреплена дощечка «Злая собака». Нажимаю на кнопочку — тут же открывается калитка, оттуда выпрыгивает на улицу серая кошка, после этого показывается женщина, по виду татарка. Она приглашает в маленький домик во дворе.

Знакомимся: Анфиса Владимировна Миникаева (девичья фамилия — Урманова). Мы с ней беседуем в маленькой, полутемной прихожей у окна. Анфиса Владимировна, несмотря на солидный возраст — ей уже 74 года, — довольно быстро и без очков читает письмо Г. Черникова,

которое я дал ей познакомиться. Но она глуховата. Ей с неохотой помогает сын в годах, он, кажется, хворает. Анфиса Владимировна, иногда не разобрав вопроса, то и дело переводит разговор на то, что за свою жизнь она воспитала сразу двух Героев Советского Союза и очень гордится этим. Один из Героев — Александр Матросов, а вот второй — его друг по Мелекесу Николай Субботин, чекист-разведчик.

Но ее перебивает Николай:

— Мама, не о Субботине спрашивают тебя, расскажи о Матросове! Только ничего не скрывай, не преувеличивай.

— Да-да, — согласно кивает головой Миникаева. — Мне час-

то приходилось выступать перед школьниками. Приглашали в РОНО и о Матросове в открытую и полностью говорить не велели. Не положено, мол... Что помню о Матросове? Его и его сестру подбросили к нам то ли в 1932, то ли в 1933 году. Нет, кажется, в 1934-м. Оставили в коридоре Мелекесского детдома. Одеты были очень легко. А было холодно. На нем — штанишки и холщовая рубашка. Сверху был укутан одеялом. Сестра была старше его. Ее мы не приняли, отправили в другой детдом. Он остался у нас.

С 1934 года по 1936 год (начало 1936 или конец 1935 года) воспитывала его я. Саша был очень смысленный, развитый мальчик. Активный. Бренчал на балалайке — у нас был этот инструмент, — на гитаре научился играть, любил плясать. Был организатором. Наша группа считалась самой передовой. Мальчишки были трудные, но слушались меня, любили. Потому что всегда были вместе. Куда только я не водила их: и в походы, и к реке купаться. А какие устраивали праздники!

Чтобы отлучаться самовольно или где-то на стороне находиться — такого дети не допускали. А вот у себя то простыня, то пальто исчезнет. Тогда я беседовала с ребятами, говорю, ведь знаю, где спрятаны вещи. Не раздражала их, и ребята сами же приносили спрятанное.

Шпану собирали по вокзалам.

Но все же Саша был трудноуправляемым. И вот од-

Анфиса Миникаева, воспитательница Саши Матросова в бывшем Мелекесском детдоме (г. Ульяновск, фото 1964 г.)

нажды троих — Женю Карпухина, Леню Лямина, а позже Сашу вызывает директор, Сафонов Макар Петрович, объясняет, что их переводят в другой, получше детдом. Они — ни в какую. Сашу не волнует, куда поедут, а спрашивает, с кем отправляют. Директор называет мое имя. «С кем другим, нет, а с ней я поеду». Любил он меня. Поэтому и с фронта написал три письма. Я их отдала в городской музей, а оттуда забрал их в Москву Шкадаревич.

И вот я повезла их в Ивановку, режимный детдом. Привезла и тут же избила Сашу. Он — бежать за мной. Обрато привела и сказала ребятам: «Сначала обласкайте его. Он же новенький».

— А не был ли Саша из Васильевки? Как относитесь к этой версии?

— Не верится. Если бы был из Васильевки, сказала бы девочка. Ведь она была постарше. Да и сам Саша проговорился бы. А этого не было... Он хорошо владел русским языком. Владел ли татарским, не знаю. Может, и разговаривал с ребятами... Но меня всегда смущал его облик, я все думала, почему фамилия такая — Матросов? Лицом был похож на мусульманина: как и я, скуластый, смуглый, темноволосый. Глаза не то чтобы черные, а немного светлые, светло-карие, что ли. У нас об этом постоянно возникали разговоры. Подруги еще надо мной смеялись: а не родня ли, мол, он тебе?

Пока Миникаева рассказывает, я незаметно кладу перед ней фото, присланное мне Саней Гирфановой из города Учалы. На фото — около пятидесяти человек — мужчин и женщин, подростков и детей, в том числе и Шакирьян. Прошу хозяйку:

— Анфиса Владимировна, взгляните, нет ли здесь Саши Матросова?

Миникаева придвинула снимок поближе к себе, начала всматриваться в каждое лицо, начиная справа, и вдруг, перескочив несколько фигур, ткнула пальцем в левый угол:

— Вот он Саша!

— Не ошибаетесь ли, Анфиса Владимировна? Ваше слово много значит для нас. Людей, близко знавших его, сейчас мало.

— Нет, не ошибаюсь. Только он здесь возрастом поменьше.

Затем Миникаева взяла снимок, где Матросов получает комсомольский билет в Краснохолмском военно-пехотном училище, и фото, где он изображен с голубем в руках. Изучила лицо Саши, почему-то прикрыв ладонью его глаза и подбородок.

— И тут, и тут он, — сказала она уверенно и добавила. — Нос точно такой был, крупный.

Найдутся ли документы, подкрепляющие сообщение А. В. Миникаевой? В поисках ответа направляюсь в детский дом. Он расположен где-то на отшибе, между двумя частями города. Большое кирпичное здание. Теплое просторное помещение. Уже с широкой лестницы чувствую, что в комнатах порядок. Невольно рождается мысль: все же есть у нас внимание к детям. Возможно, не хватает одной малости — воспитания трудом и строгости.

Представляюсь заместителю директора Валентине Александровне Захаровой.

— Я по вопросу об Александре Матросове.

— Вы не по адресу.

— Как раз по адресу.

— Вам надо поехать в Ивановку.

— А я там был. Вот теперь к вам. Ведь Матросов ваш.

— Нет, он не наш.

— Не скажите!

— Докажите.

Этот разговор, понятно, ради забавы. Оставив шутливый тон, я начинаю рассказывать, что к чему. Валентина Александровна удивлена. Она сознает, что в детдоме работает недавно и многое здесь ей еще не знакомо.

— Никогда не слышала об этом. Вы как снег на голову, — растерянно говорит она и начинает искать какой-то журнал. Находит, листает страницы. В них зафиксировано, кто был в гостях у детей, о чем беседовали с ними. Да, вот, оказывается, приглашали и Анфису Владимировну Миникаеву, она рассказывала о Матросове.

Но на этом все. Документы должны бы здесь быть, да не сохранились. Мы с В. А. Захаровой смогли выяснить только то, что в Мелекесе в одно время существовало три приюта. Затем они объединились в одно учреждение и оно размещалось в бывшей церкви, которой я любовался в первый день своего приезда. Начали узнавать, кто же до войны работал директором, воспитателями детдома, и тут мы вышли на Сатышеву. Эту фамилию я слышал уже второй раз.

... Позавчера заведующая отделом пропаганды райкома партии, очень отзывчивая девушка, отвозила меня в редакцию газеты. К нам подсела еще одна женщина. По дороге разговорились, и попутчица, узнав, чем интересуется приезжий журналист, сообщила новость: в городе живет еще одна бывшая воспитательница Матросова. А вот как ее имя, фамилия, вспомнить не смогла, однако вы-

ход нашла: ее брат живет в селе Лебяжье, он работал председателем колхоза. Совет ее такой: позвонить в Лебяжье, узнать фамилию председателя, а он-то должен знать адрес городской сестры. Я так и сделал.

Дом Евгении Николаевны Сатышевой не нужно было и искать: он стоял напротив гостиницы, где я остановился. Вот и квартира ее на седьмом этаже. Вероятно, из соображений, что при разговоре с чужим человеком не помешает свидетель, она пригласила и соседку.

Е. Н. Сатышева в 1935—1942 годах работала в 25-м детдоме имени Н. Крупской. Она помнит и Урманову-Миникаеву. Та занималась с младшей группой, а она работала со старшими, с учащимися 5—10-х классов. Некоторое время исполняла и должность заведующей учебной частью. Поэтому знает немало. Евгения Николаевна рассказала, например, о том, что Матросов организовывал игры в войну и, возглавив команду из ста ребят, водил ее в «атаку» на другие приюты; не любил воспитательницу Деменкову за чрезмерные нравоучения и однажды решил «проучить» ее и, напротив, боготворил и слушался милиционера Павла Игнатова. Боевой был парень, не святоша. Любил справедливость.

Е. Н. Сатышева поведала о некоторых эпизодах, довольно полно отражающих жизнь детдомовцев. Она подтвердила и сказанное А. В. Миникаевой, за исключением одного факта. А именно:

— Обрисованный ею мальчик не очень похож на Сашу, боевой, самостоятельный он был. К тому же не в 1934 году, а, кажется, несколько позже он прибыл. Впрочем, Миникаева раньше меня, еще в 1932 году, приступила к работе. Это я говорю к тому, что Матросов якобы был укутан в одеяло. Не похоже. Мне кажется, он пришел после того, как наш директор Сафонов попал под репрессию. Сафонов был строгий человек, а беспорядки в детдоме начались тогда, когда вместо него назначили одного безвольного руководителя.

Мы долго беседовали с Сатышевой и не смогли отвергнуть доводы А. В. Миникаевой, потому что не было другого человека, который больше ее знал Сашу в этот период, и мы сделали вывод (очевидно, это правильно): Матросов в Мелекесе побывал дважды. Удивляться не стоит: по словам Е. Н. Сатышевой, дети, несмотря на уговоры, предупреждения о том, что замерзнут, погибнут, все-таки уходили, но снова возвращались. И этот поток невозможно было остановить.

— А в Мелекес откуда он мог приехать?

— Я думаю, с вашей стороны, из Башкирии, — задумчиво сказала она. — Не выдавая волнения, я интересуюсь:

— А на чем основывается ваш ответ?

— Чаще он вспоминал те, ваши, края. Да, кажется, его привезли с детприемника откуда-то из Башкирии. Нам ведь и из Уфы направляли детей.

Я сижу, словно набрав в рот воды, не мешая вспоминать, а Евгения Николаевна тем временем всерьез начинает убеждать:

— Даже могу сказать, он был не из самой Уфы, а с Урала. А чтобы он вспоминал Украину, я не слышала. Так что не сомневайтесь даже, он был с вашей стороны...

То, что сообщили А. В. Миникаева и Е. Н. Сатышева, было равноценно золоту. Я сейчас могу сказать, не боясь, что я специально совершил две поездки в Ульяновскую область, искал не Шакирьяна, а родину Саши Матросова, но вот что получается: все возвращается на круги своя, поиск, покружив нас по чужим землям, снова привел в Башкортостан, в Кунакбаево.

Что же мы имеем теперь? Узнали, откуда прибыл Матросов в Ивановку и куда отбыл. Почти выяснили, как попал в Мелекес. И вообще неплохо представляем все перипетии его жизни. Концы нитей как будто сошлись. Хоть и не было по-прежнему свидетельства о рождении. Хоть и продолжали ругать нас наши «доброжелатели».

Об этом, кстати, с трезогой и горечью в сердце писала Л. М. Бакиева: «Неужели бумаги сильнее людей? Время пройдет, мы и не заметим, не останется людей, знавших его. И тогда кто докажет правду? Люди узнают его по фотографиям, а мы все ищем какие-то бумажки. Ведь человек сам является документом! Как сильно мы впитали в кровь дух застойного времени. Все мыслим по-прежнему, никак не можем откатиться от старых привычек».

Да, Вы стократ правы, Лиза Миндияровна. Но ведь мы договаривались о том, что не будем навязывать свои мысли другим. Следуя этому правилу и не поддаваясь чувствам, давайте только разложим факты, которые удалось собрать. Пусть уважаемый читатель сам сравнит их и поразмышляет. Во всяком случае, праздновать нам рановато. Если и захотим — не дадут. Может, и впредь не найдется документа, которым можно было бы шлепнуть по гладкому столу и заявить: «Нате, смотрите!» Однако одно нельзя отвергать: как много мы встретили сердечных друзей, начав поисковую работу! Их оказалось очень много. Правда, нашлись и такие, кто с «дубинкой» в руках вставал поперек дороги: дескать, не дозволим идти

дальше; если пойдете, нарушите дружбу народов. Они, конечно же, не правы.

РАДОСТНЫЕ ВЕСТИ

Хорошие сведения, схожие с димитровградскими «гостицами», ожидали меня и дома.

... Шестакова Нина Яковлевна живет в Уфе, работает заведующей офицерским общежитием. По национальности русская. Вот небольшой отрывок из беседы с ней.

— Не могу сказать, что А. Матросова знала очень близко. Но часто видела на танцах. Он приходил в парк культуры и отдыха (сейчас парк имени Якутова) с пятью-шестью ребятами. При их появлении многие старались побыстрее уйти.

— Боялись их?

— Ведь колонисты. Соответственно, и отношение было такое. Но я не помню, чтобы Сашок — его так называли — ссорился и дрался с кем-либо. Если его не трогали, он никого не трогал. Наоборот, защищал слабых, маленьких. Хороший, серьезный был парень.

— Вы сказали, в парк культуры приходил. В каком году это было?

— В июле 1942-го. Потом он исчез. Наверное, на фронт ушел.

— А не помните внешний вид? Во что одевался?

Нина Яковлевна задумалась:

— Рост средний. Нет, скорее, маленький был. Но плотного телосложения. Ворот рубашки всегда расстегнут, а там видна матросская тельняшка. Был аккуратен. С какого-то времени начал носить сапоги в гармошку. Ему подражали другие. Ходил вразвалочку. По тому, как держался, думаю, не городской он был, а сельский.

— А не помните, как он выглядел?

— Как не помнить!.. И сейчас перед глазами: лицо смуглое, скулы широкие. Но почему-то пишут, что был белолицый. Некрасивый. Если сказать рябой — будет слишком, но кожа была какая-то негладкая. Губы толстые, чуть отвислые, что ли... Нос крупный.

— Нина Яковлевна, сколько времени прошло, возможно ли помнить так много подробностей?

— Кто в центре внимания, они надолго запоминаются. Сашок в отличие от других ребят был смысленее, больше бросался в глаза. Держался очень самостоятельно. Если приглашал какую-нибудь девушку на танец, попробуй откажи...

— А вас приглашал?

— Нет, я убегала. Он был очень живой, задорный. Даже когда разговаривал с человеком, выстукивал каблуками. По разговору, внешнему виду он не был похож на русского.

— Еще что помните?

— Я думаю, что его наиболее заметными качествами были человечность, уважительность к людям. Рассказывали, что он однажды принес девочку, оставленную на вокзале без присмотра. Принес в город, сдал какой-то женщине, пообещав, что сам будет доставлять ей продукты. Потом достал девочке большую куклу. Вот какой он парень. И еще: он должен быть не с 1924 года рождения, а с 1923-го.

— Почему так думаете?

— Он казался старше других. Я сама родилась в 1926 году. И мне казалось, он старше меня не на два года, а больше.

Чутье у женщин бывает сильное. Однако может ли служить прочной опорой рассказ по памяти? Тем не менее, не брать во внимание сообщенные сведения было бы ошибкой. Например, ее утверждение, что он родился в 1923 году. Этот год называли и Е. Н. Сатышева в Димитровграде, и П. А. Халтурин в г. Аше.

О сестре Саши. В деревне Кунакбаево, когда мы ходили из дома в дом, кто-то рассказывал, что, кажется, у него была сестра по имени Минсафа. Это предположение послужило началом нового поиска. Однако в единственной официальной справке о составе семьи старика Юнуса Минсафа не значилась. А если Минсафа была не родной сестрой Шакирьяна, а лишь родственницей? Как бы ни было, найдись таковая, мы бы с ее помощью могли выяснить многое.

Вначале это казалось легкоразрешимой задачей, потому что и в Уфе не раз приходилось слышать, якобы у А. Матросова была сестра по имени Мария. Об этом упоминали и А. В. Миникаева в Димитровграде, и журналист Г. Базекин в Уфе. По адресу, который в свое время оставила некая М. М. Матросова у Г. Базекина, мы попытались выйти на связь с ней и написали письмо в г. Ниж-

Нина Шестакова (г. Уфа)

ний Тагил. Ответа не последовало. Пошло второе обращение, но уже в отдел внутренних дел города. Наконец, пришло письмо. Участковый инспектор Ленинского РОВД В. П. Панихин сообщал следующее: «В г. Нижний Тагил проверяемое лицо с указанными установочными данными не значится. В процессе опроса коменданта и воспитателя общежития по улице Высокогорная 35/14 выяснилось, что Матросова М. М. им не знакома. Со старыми работниками также положительного результата не добыто.

Для инициатора розыска уточняют, что указанный адрес — общежитие Высокогорского механического завода, где в настоящее время живут учащиеся СПТУ. Из опроса бывших жильцов также положительного результата не добыто».

Вот так. На этом пришлось поставить точку: никакой Марии (Минсафы) не было.

Знакомясь с этими записями, мой читатель, быть может, давно уже устал — я и сам понимаю, неплохо бы иметь конкретные, неопровержимые доказательства. Но я этого не обещал с самого начала, призывал только размышлять. А думать есть о чём. Поиск с течением времени продолжает усложняться, разветвляться, возникают новые вопросы. И все же по некоторым сведениям пора было делать выводы.

Мы уже писали о единственной фотографии Шакирьяна, обнаруженной в городе Учалы. Прибавив к ней три фотографии Матросова («Саша Матросов с голубем в руках», «Саша — участник художественной самодеятельности в Ивановке», «Матросов при получении комсомольского билета»), на каждой проставив номера, мы направили их на экспертизу во Всесоюзный научно-исследовательский институт судебных экспертиз Министерства юстиции СССР. Перед специалистами был поставлен вопрос: один и тот же человек или разные люди изображены на фото № 1 и фото №№ 2—4.

Письмо ушло и ... пропало. Дни впустую тянулись один за другим.

Но вот однажды срочно вызывает Мансур Аюпов. Как только я вошел в кабинет, редактор, не любивший здороваться за руку, на этот раз, положив передо мной большой конверт, тут же протянул широкую ладонь:

— Поздравляю!

Что случилось? Судя по улыбке редактора, в конверте лежала приятная весть. Вот оно, заключение специалистов Московского научно-исследовательского института:

«... Проведенным исследованием установлены такие

совпадающие признаки, как линия роста волос, овал лица, относительная ширина лба.

Следует отметить, что представленные фотоснимки являются репродукциями очень плохого качества. Необходимые для сравнительного исследования признаки лица, изображенные на № 1 (форма глаз, уха, рта, носа), не просматриваются. Антропометрические точки на исследуемом фото проставить нельзя, что препятствует установлению относительных размеров элементов лица.

С учетом вышеизложенного можно сделать лишь вероятный вывод о том, что на фото № 1 и фото №№ 2—4 изображено одно и то же лицо.

Специалисты А. Гусев, Л. Кирсанова».

«Одно и то же лицо»... Бросило в жар: что это, победа? Только вот слово «вероятно»... Но и это понятно. К сожалению, в ответе не содержится конкретное «да!» Но ведь нет и отрицания. Видные специалисты не отвергли нашу версию — это радовало.

— А что я говорил! — воскликнул Сафуан Алибаев, появившийся в дверях. Крепко пожал руку.

Пока мы обсуждали новость в редакции, она каким-то образом пошла гулять по этажам Дома печати. Те, кто постоянно следил за каждым шагом поиска, почувствовали: знать, дело близится к концу.

В эти радостные дни конца 1989 года в редакцию зашел поэт Махмут Рухи и с воодушевлением выразил свое отношение к поиску — и не прошла неделя, он снова появился, на этот раз принес большую, в четырнадцать машинописных страниц поэму «Свидетельство». Поэму не столько о Шакирьяне, сколько об отце его, народном сэсэне Юнусе, и о том, как истина трудно пробивает себе путь.

РЯДОМ С ГЕРОЕМ

Редакция одной из центральных газет, а точнее «Советской России», обещала, что поддержит нашу поисковую работу, да вдруг воды в рот набрала. И там нашлись люди, говорившие: «А кому это надо выявлять место рождения А. Матросова?» Не бить же себя в грудь, что нам это нужно. Между тем и период службы в армии А. Матросова (а теперь уж посмеем назвать его Шакирьяном) тоже изучен очень поверхностно. И здесь немало белых пятен. Скажем, с кем он поехал из Уфы в Краснохолмское училище, как проходила там служба? И бой возле дерев-

ни Чернушки разные люди описывают по-разному. В надежде узнать об этом подробнее, я обратился к жителю Инзерского поселка В. Богданову. Вот какой ответ он прислал: «Во-первых, должен Вам сообщить следующее. Я был призван в ряды Советской Армии и попал в осоавиахимовские лагеря. Это за старой Уфой. Там был 721-й курсантский полк и там же в расположении — 929-й стрелковый полк. В то тяжелое время мы сами строили для себя землянки: одни копали, другие по реке Уфимке таскали лес. Землянки строили двухъярусные, в которые входили две роты. Наша 4-я учебно-строительная и 3-я стрелковая рота находились в одном помещении, разделенном стеной, но вход и выход был один. Рядом, около входных ворот в воинскую часть, находилось, как помню сейчас, помещение, крытое стружкой. Это была Уфимская детская колония. Никаких разговоров об А. Матросове не было и в помине.

Первая партия уехала на фронт в 1942 году. Мы же — в начале 1943 года, после присвоения звания сержантов, так как учились в школе младших командиров. Только после совершения подвига Матросовым мы стали обсуждать его. Пошли дискуссии, что он наш земляк, тоже из осоавиахимовских лагерей, а командир роты — лейтенант Макаренко. Еще вели разговоры, что он воспитанник Уфимской детской колонии. Может быть, он и был в нашем 721-м полку, но никто об этом в то тяжелое время не говорил. Было не до того. Шли на смертный бой, не щадя ни крови, ни жизни, штурмом освобождали наши города, рабочие поселки, станции. И после каждого штурма в полк, роту, взвод вливалось новое пополнение, так что, кто есть кто, не имели понятия».

В. Богданов прислал вот такое серьезное письмо, свидетельствующее, в каких тяжелых условиях и как спешно готовились войска к будущим сражениям.

Чтобы полнее представить предфронтную жизнь А. Матросова, нахожу уместным сослаться на воспоминание Шавката Буркеева, опубликованное в газете «Комсомольское племя» (3 марта 1990 г.) Оренбургской области (материал мне прислал друг нашей газеты Даут Амангильдин).

«9 марта 1942 года. Я, 19-летний учитель Нижне-Озеринской татарской неполной средней школы, прибыл по повестке в Краснохолмский райвоенкомат, — писал бывший курсант Краснохолмского училища. — Меня в числе других призывников направили в пехотное училище. Разбили нас по ротам, взводам, отделениям. Выдали всем новенькое обмундирование — синие диагоналевые брюки, зе-

ленные гимнастерки, шинели из английского сукна, английские ботинки на толстых подошвах и обмотки. Вначале нас расквартировали по частным домам, а затем разместили в школе, больнице и других общественных зданиях.

С первых дней началась напряженная учеба. Опытный командный и политический состав во главе с начальником училища подполковником К. П. Рябченко обучал нас, курсантов, тому, что необходимо на войне. Девиз Суворова «Тяжело в учении — легко в бою» проходили на практике. Каждый день поход с полной выкладкой на учебное поле и стрельбище в пойме речки Черной, в 5—6 километрах от дислокации. Марш-броски. Один такой из 25 км до совхоза Димитрова и обратно, в буран и жуткую стужу...

Первый набор курсантов (а нас было не менее 2,5 тысячи) состоял из добровольцев и призывников Оренбургской, Куйбышевской областей и Башкирии с образованием не ниже 7 классов, молодежи разных национальностей. Готовили командиров взводов стрелковых, пулеметных, минометных и артиллерийских подразделений.

Снежная зима 1942 года, весенняя распутица затрудняли снабжение училища продовольствием и топливом. Помню, как в весеннее бездорожье, когда ни на санях, ни на телегах проехать нельзя, весь личный состав училища растянулся цепочкой от дровяного склада до делянки на берегу Урала у села Старая Зубочистка на расстоянии не менее 8—10 км. Оттуда каждое бревно перетаскивали волоком или на себе, передавая от одного курсанта к другому. Такой «эстафетно-челночный транспорт» за полный световой день пополнял запас топлива. Из Оренбурга «кукурузники» доставляли манку и больше недели она была нашей основной пищей.

В мае 1942 года половину курсантов училища срочно отправили на фронт, хотя те проучились всего 3 месяца. Первый выпуск офицеров состоялся 26 августа 1942 года. Нам присвоили воинские звания «лейтенант» и «младший лейтенант». Шесть человек отличников оставили командирами курсантских взводов, остальные были отправлены на фронт.

У меня сохранилась весьма некачественная, но очень памятная фотография того дня. На ней — выпускники Сулковский, Чернов, я вместе с политработниками, Барсук — ответсекретарь комсомольского бюро 2-го батальона, пом. нач. политотдела по комсомолу Григорьянц и преподаватель Пойманов.

В сентябре 1942 года училище было укомплектовано новым потоком курсантов как из нашей Оренбургской, так и соседних областей. В нашей 2-й стрелковой роте, которой командовал ст. лейтенант Фадеев, было много туляков-оружейников, любителей велосипедного и лыжного спорта.

Как уже стало мне известно позже, в числе курсантов второго набора был и Александр Матросов. Он служил в 5-й, соседней с нами, стрелковой роте во взводе лейтенанта Сулковского, моего одноклассника, выпускника нашего училища.

В октябре 1942 года училище походным маршем передислоцировалось из села Краснохолм на станцию Платовка. По пути, у села 2-я Зубочистка, на реке Урал много времени заняла паромная переправа. После села 1-я Зубочистка училище развернули в цепь. Отрабатывали различные виды боя. Марш с учениями на ходу продолжался до ст. Переволоцкой. Очень был тяжок путь от Переволоцкой до ст. Платовка под проливным осенним дождем. Там нас не ожидали «теплые зимние квартиры». Сразу начали строить себе казармы — огромные двухъярусные землянки вместимостью по две роты в каждой. Все делалось вручную, силами курсантов. В пойме речки Самарки заготавливали маты из тала. Не прерывалась и боевая учеба на полигоне, оборудованном за этой речкой через гору, в 5—6 км от станции Платовка. Офицерский состав разместился по частным квартирам, как на ст. Платовка, так и в 3-х километрах в большом селе Покровка.

В конце января или в первых числах февраля 1943 года часть курсантов, может быть, даже половина училища, была отправлена воинским эшелоном на Калининский фронт. Помню, что подача эшелона неоднократно откладывалась, тягостными были эти дни расставания. После второго выпуска офицеров и отправки их по фронтам Краснохолмское военное пехотное училище было расформировано. Его личный состав был направлен по разным воинским частям...»

К этому воспоминанию близко по содержанию письмо Вахитова Рамазана Латыповича из Переволоцкого района Оренбургской области. Но прежде чем предоставить ему слово, я должен поблагодарить моего добровольного помощника Вахитова Рифата Ракиповича из с. Якшимбетово Кумертауского района Башкортостана. Это он прислал целый список бывших курсантов, которые учились вместе с А. Матросовым. Это: Филкин Константин Ефимович, Мирасов Рахимзян Лукманович, Иткулов Барый

Вафиевич, Михайлов Василий Александрович. Рифат Ракипович сообщал их адреса и советовал обратиться к ним.

Итак, что же писал Р. Л. Вахитов?

«... 12 августа 1942 года был призван в ряды Советской Армии и направлен в Краснохолмское военно-пехотное училище. Училище было расположено в селе Краснохолм. Это на пути из города Оренбурга на Илек, на азиатской стороне реки Урал, примерно в 70 км от Оренбурга. Перед октябрьскими праздниками 1942 года училище перевели на новое место — на станцию Платовка Куйбышевской железной дороги.

Мы с Матросовым находились в разных ротах, поэтому хорошо его не знал. С ним в одной роте был мой родственник Мирасов Рахимзян. С ними несколько раз приходилось встречаться в их расположении, но это было так давно, что все черты лица Матросова позабылись. В училище было 20 рот, а до конца выпуска осталась лишь наша рота. Остальных досрочно отправили на фронт. Матросова и моего родственника пришлось «проводить» на фронт нам.

Это было в январе 1943 года; 8 рот готовили к отправке — обмундировали так: летнее белье, теплое белье, гимнастерка и шаровары зимние, ватные брюки и фуфайки, белые полушубки, шапки-ушанки, рукавицы и на ногах валенки, на поясе стеклянные фляги. Мы, оставшиеся, «проводя» их на фронт, стояли в оцеплении, были организованы дополнительные посты и на этих постах стояли по 2 часа на пронизывающем северо-западном ветру в шинелях «бу», в ботинках и обмотках, завидовали уезжающим. Вот все, что я знаю о Матросове. Я же не знал, что он станет Героем, а то бы я с ним подружился.

Мне кажется, черты лица были похожи на ту фотографию, которую я увидел на страницах газеты «Башкортостан». Вот Филкин Константин Ефимович может сообщить подробности. Точного адреса я не знаю. Что касается других товарищей: Иткулов Барый Вафиевич — погиб на фронте. Михайлов Василий Александрович был со мной в одном отделении, как и я, знает Матросова не больше. Мирасов Рахимзян Лукманович погиб под Чернушками вместе с Матросовым. Были еще знакомые, которые из этого училища, но их я растерял.

Достоинны внимания и воспоминания бывшего курсанта училища, пулеметчика 91-й Сталинской стрелковой бригады Я. Л. Дербаремдикера из г. Киева. В письме, присланном в Уфимскую школу МВД, он сообщает: «В вышедших до сих пор печатных изданиях о Саше Мат-

росове имеется много неточностей и даже искажений по тому периоду, который я хорошо помню. Многие журналисты ряд фактов высосали из пальцев. Наша боевая жизнь, наша настоящая жизнь была настолько сурова, каждое событие, каждый шаг наш настолько ярки и значительны были, что не требуется никаких домыслов. Задача писателя — правдиво, глубоко и по-человечески это передать. К сожалению, нет ни одной книги о Матросове, достойной его и тому значению, какое займет его имя в истории великого народа. Имя Саши Матросова будет жить сотни и сотни лет в нашем народе, как, например, имя Жанны д'Арк в памяти народа Франции».

Я не имел возможности связаться с Яном Львовичем, но воспользуюсь его воспоминаниями и приведу лишь короткие выдержки из его письма.

«Я служил в Краснохолмском военно-пехотном училище с сентября 1942 года по январь 1943 г., затем — в 91-й отдельной Сталинской стрелковой бригаде добровольцев-сибиряков до ранения в бою 5 марта 1943 года (между деревнями Чернушки и Черная). Таким образом, моя воинская служба в тот период проходила совместно со службой Александра Матросова, т. е. мы в одно и то же время находились в Краснохолмском военно-пехотном училище, в одном эшелоне ехали на фронт и затем участвовали в боях в одних и тех же местах в составе одной бригады.

...Прибыл я в училище в начале сентября 1942 г. Матросов прибыл в училище примерно через неделю после меня. По утверждению ветерана ВОВ Кадышева И. С., который служил с Матросовым в училище в одной роте, Матросов прибыл в училище примерно 17—18 сентября 1942 года.

Курсантские роты комплектовались и номера им присваивались в возрастающем порядке. Я был зачислен в 3-ю пулеметную роту первого батальона, Матросов был курсантом 5-й стрелковой роты второго батальона училища. В каждый батальон входили 4 роты — три стрелковые и одна пулеметная. Всего в училище было 4 учебных курсантских батальона. Номера рот — сквозные от первой до 16-й роты.

Курс обучения в училище на лейтенанта пехоты был рассчитан на 6 месяцев учебы, т. е. нас должны были выпустить лейтенантами в марте 1943 года».

По воспоминаниям Яна Львовича можно сделать вывод: учеба в Краснохолмском военно-пехотном училище была чрезвычайно суровой школой даже по меркам того тяже-

лого времени 1942—1943 гг., в связи со специфическими условиями, в которых оно находилось.

«Находилось училище в степи на берегу реки Урал, примерно километров 15 от районного центра Краснохолм Чкаловской области (теперь Оренбургской). Оно было создано в начале 1942 года. До нашего прибытия состоялся только один выпуск, начавший учебу в марте-апреле 1942 года. По мере ухода из училища курсантов первого выпуска набирались и формировались новые курсантские роты. Краснохолмское военно-пехотное училище, по рассказам командира нашего взвода Бабайцева, организовано было на базе эвакуированного с правобережной Украины в 1941 году военно-пехотного училища, которое в 1941 году обосновалось в Центральной части России. Там состоялся один выпуск лейтенантов, затем ранней весной 1942 года пехотное училище перебазировалось в степь под Краснохолм.

Что собой представляло училище? Никаких стационарных зданий и сооружений краснохолмское училище не имело. Единственное «капитальное» здание, которое мы увидели, прибыв в училище, — это одноэтажное, небольшое здание местной сельской школы, в котором помещались канцелярия училища и «карантин» для прибывающих призывников.

Жили курсанты в полужемлянках-палатках, представлявших собой двухэтажные землянки, кровлей которых служило брезентовое полотно. Одна палатка примерно на 40 человек. Командный состав жил в деревнях — за 6—8 км. Столовой как таковой не было. Вместо столов — неглубокие (до 0,6—0,8 м глубиной) параллельные ямы, где усаживались курсанты, столом служила земля.

Бытовок и умывальников вообще не было. Умывались в реке Урал. Никаких кабинетов, классов, помещений для занятий не было, ни закрытых, ни открытых.

Командный состав был квалифицированный, серьезный, подготовленный, требовательный по справедливости, полностью отдавались делу подготовки командиров. Занимались мы напряженно — с полной отдачей сил — с раннего утра до позднего вечера, день был уплотнен до предела. Питание курсантов было ниже фронтовой нормы и не всегда удовлетворительным как по качеству, так и по количеству, но никто не роптал, все понимали серьезность положения страны. За время пребывания в училище не было ни кино, ни вечеров, ни концертов и других мероприятий.

Кончился сентябрь, становилось все холоднее и холоднее. Начались заморозки. Встаешь — утром иней. В неотапливаемых палатках жить стало очень холодно. Но зимних квартир училище не имело. Командование приказало своими силами построить «зимние квартиры», т. е. отапливаемые землянки. Землянки решили построить вблизи ст. Платовка, которая находилась в 70 км от палаточного месторасположения под Краснохолмом. Сначала были отобраны бригады от каждой роты и отправлены на ст. Платовка для рытья котлованов под землянки, заготовки материалов и т. п. Леса для постройки землянок не было. Для перекрытия землянок решили плести из лозы сетки и укладывать поверх сетки грунт.

В октябре уже были приличные холода, но землянки на ст. Платовка еще не были готовы. Чтобы ускорить работы по возведению землянок, командование решило перебазировать все училище на ст. Платовка. Был назначен пеший переход всего училища от Краснохолма в Платовку в полном боевом снаряжении с боевыми учениями — «боями» во время перехода. Шли быстро — за одни сутки проделали этот путь в условиях осенней распутицы — с учебными боями, атаками, развертыванием и т. п.

Наступил следующий период учебы в училище — Платовский, зимний. В Платовку мы пришли очень усталые, но нас не ожидали ни отдых, ни тепло. Нас разместили в громадных бывших совхозных конюшнях, открытых ветрам и холодам. Совхоз еще в 1941 г. передал всех лошадей в Красную Армию. Вдоль стен внутри конюшни мы выложили тонким слоем солому и расположились. Прожили мы в конюшнях около 2 недель, пока достраивали землянки.

Наступили настоящие холода. К утру мы буквально примерзали к подстилкам в конюшнях. Днем грелись в работе — строили землянки, продолжали боевую учебу. Как только прикрыли землянки крышей, переселились туда. Землянки были громадные — каждая на 2 курсантские роты, т. е. порядка 300 человек.

Письмо Яна Львовича очень большое — на 14 страницах, и из него мы узнаем, в каких тяжелых условиях А. Матросов и все его боевые друзья закаляли не только тело, но и дух.

«... После Нового года среди курсантов пошли слухи, что будет сокращенный ускоренный выпуск лейтенантов и нас пошлют на фронт. Затем нам официально объявили, что весь курсантский состав направляется на пополнение фронтовых частей рядовыми, а училище закрывается.

Командный состав училища весь был направлен в Уральское военно-пехотное училище (Казахская ССР)».

«... Перед отправкой на фронт нам выдали новое теплое белье, дополнительные теплые портянки, рукавицы. Остальное обмундирование: шинель, ботинки, обмотки и др. — осталось прежним.

Я помню, что буквально перед самой отправкой на фронт нам сообщили еще одну радостную вест с фронта — о прорыве блокады под Ленинградом. Перед самой отправкой нам выдали справки для отправки родным о льготах, которые положены семьям фронтовиков. Справка моя сохранилась, по дате выдачи справки можно точно определить дату отправки на фронт нашего эшелона, в котором ехал также и Матросов. Я помню, что в эшелон грузились рядом курсанты первого и второго батальонов. Ехали мы в теплушках, т. е. в товарных вагонах, оборудованных для перевозки войск.

Посредине вагона была установлена металлическая печка типа «буржуйка». По обеим сторонам от дверей вагона — двухэтажные нары. Питание нам на дорогу выдали сухим пайком. Изредка в дороге, только на очень крупных станциях, кормили нас горячей пищей. На некоторых остановках вблизи станций находились небольшие базарики, где продавались в основном картофельные лепешки, квашеная капуста, картофель в «мундире» и другие продукты. В связи с тем, что нам в училище перед отправкой выдали нашу гражданскую одежду, в которой мы приехали в училище, и она нам уже не нужна была, мы эту одежду меняли на продукты на этих базарах. К чести курсантов, необходимо отметить, что на всем пути следования дисциплина была на самом высоком уровне — ни одного случая пьянства, хулиганства или других нарушений. Настроение было тревожное, грустное, знали, на что едем — в пехоту, рядовыми».

«... О подвиге Матросова мы узнали буквально на второй день, когда в наше подразделение пришел майор, зам. командира бригады по строевой части (фамилия его мне стала известна уже потом — Тарабаев. Он был первым командиром 254 гв. полка после реформирования 91 бригады в 254 гв. полк). Он нам рассказал:

— Рядовой Матросов, ваш бывший курсант (все рядовые 91-й бригады в основном были из курсантов-краснохолмцев), проявил в тяжелой обстановке высокую воинскую доблесть и самопожертвование. Он пожертвовал своей жизнью, закрыл своим телом амбразуру, чтобы выполнить задание роты — овладеть линией обороны и деревней

Чернушки. Этот исключительный подвиг будет отмечен командованием и он будет представлен к высокой награде».

«... 5 марта 1943 г. в районе между деревнями Чернушки и Черная в бою я был ранен и отправлен в госпиталь, где я лечился почти 4 месяца. Уже через много лет я встретился с однополчанином по училищу и 91-й бригаде — С. И. Кадышевым, который лично хорошо знал Матросова, так как служил в училище в одной с ним роте, а в бою под Чернушками видел бой, где погиб Матросов, сказал, что Тарабаев — один из командиров, которые помогли раскрыть и поднять подвиг Матросова до столь высокого уровня, до ранга национального героя советского народа. Следует отдать должное командованию бригады за это».

Нашелся еще один участник сражений под Чернушками. Однажды собственный корреспондент газеты «Советская Россия» Марган Мерзабеков сообщил мне, что в г. Балаково Саратовской области есть пенсионер по фамилии Огурцов, хорошо знавший А. Матросова, и пояснил, как найти его. И вот после долгих переписок передо мной лежит письмо этого ветерана.

«Да, я знал хорошо А. М. Матросова, — писал Петр Александрович Огурцов (1920 года рождения, работал управляющим отделением совхоза). — Мы вместе уничтожали немецкий пулемет. Я был тяжело ранен, пять месяцев лежал в госпитале в Москве, залечивал раны.

Саша — рождения 1923 года. Он говорил, что он из г. Уфы, из детдома, но не сказал, что был в колонии».

Это выдержка из его первого ответа на наши вопросы. Но позже Петр Александрович прислал еще несколько писем, прояснивших некоторые детали короткой фронтовой жизни А. Матросова.

«... Наша 91-я Тихоокеанская комсомольская добровольческая морская бригада имени Сталина принимала боевое крещение на Калининском фронте. Попала в окружение. А когда вышли из окружения, к нам прибыло пополнение. Это было в первой половине декабря 1942 года. Пополнение мы получили на станции Дятлово. В этой группе был и А. Матросов.

Я сам разведчик, хотели взять его в разведку, он и сам хотел этого, но не прошел: был слаб, худенький и ростом невысок. Саша немного находился в комендантском взводе. Потом его взял к себе ординарцем один капитан. А старшиной у него был мой друг Николай Романенко из Смоленска».

А. Матросов (рис. Ю. Пинкисевича)

«...91-й Тихоокеанской добровольческой комсомольской морской бригаде имени Сталина была поставлена задача взять деревню Чернушки. Мы, разведчики, возвращались с боевого задания. Когда подошли к переднему краю нашей обороны — а языка мы брали в деревне Чернушки, — слышим крик наших солдат «ура». Но немцы продолжали вести огонь, не давали продвигаться вперед. Я решил узнать, в чем дело, и наши разведчики приготовились к бою. Я подполз слышу: голос знакомый. Спрашиваю:

— Ребята, немецкий пулемет не дает поднять головы?

Сашка говорит:

— Прикройте меня. Я подползу ближе и брошу гранату.

Я ему говорю:

— Сашка, он ведь скосит.

Но мы решили уничтожить амбразуру... Темно, ничего не видно... Слышим, пулемет заглох. Мы подползли ближе. Другой немецкий пулемет бьет, рвутся снаряды. И тут меня тяжело ранило — от Сашки метров за десять-пятнадцать. Саша бросился на амбразуру. Пулемет замолчал. Ну, ребята поднялись в рост — и вперед... Меня оттащили, перевязали и утром отправили в госпиталь в Москву».

Вот таковы детали боя у амбразур, чего нет ни в одной книге. И еще важные для нас дополнения: Матросов сначала был в комендантском взводе, воевал около двух месяцев, т. е. гораздо дольше, чем утверждали до сих пор. Пытаясь узнать побольше подробностей, я в письмах задавал Петру Александровичу все новые и новые вопросы. На один из его ответов следует обратить особое внимание: «По ходатайству комсомольцев и командования было написано письмо на имя И. Сталина о присвоении А. Матросову звания Героя Советского Союза».

Но дальнейшие письма ветерана огорчают. Мало того, что П. А. Огурцов, находившийся во время гибели А. Матросова рядом с ним, ни в какой книге не упоминается. Сам он это объясняет продолжительным пребыванием в госпитале из-за ранения, он пережил трагедии и в мирной жизни.

«... Я о Вашей помощи. Вопрос о квартире мы с вами обговаривали. Вы обещали написать в Балаковский горсовет. Ходил я по всем инстанциям, в Балаковский райвоенкомат. Но он веса не имеет, да и не интересуется нами, фронтовиками. Не нужны теперь мы, старые. Нужны были, когда Родина находилась в опасности, когда мы — молодые, здоровые, деревенские, неграмотные — совершали бессмертные подвиги. И все же, я думаю, есть она — правда!

Перед Родиной я в долгу не остался, отработал честно. Страна оценила мой труд, наградив орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», тремя медалями, восемнадцатью Почетными грамотами. Да и на фронте мы не подкачали, не подвели советский народ: был награжден орденом Отечественной войны 1 степени, двумя медалями «За отвагу», удостоверением «Отличный разведчик». Я отработал 52 года в сельском хозяйстве, был и на целине, а вот когда случилась беда, все сгорело и я

остался, в чем мать родила, оказалось, никому до меня дела нет».

Боль сквозит и в следующих письмах ветерана: «Получил ответ от Вас. Очень рад и волнуюсь, что есть люди, которые не забывают нас, фронтовиков. Я это пишу вот почему. Мы тогда были молодые, верили нашей партии и советскому народу. Мы воспитаны ленинским комсомолом, потом нашей Коммунистической партией. А в настоящее время на нас никто не хочет смотреть. Нам, ветеранам, стыдно ходить и обивать пороги». «... Р. Х.! Я Вас не знаю, но по Вашим уважительным письмам мне становится радостно. Я остался одинок, как бурьян в поле, и никогда не думал, что так получится... Пишу Вам письмо, а слезы пробивают. Обидно».

Вот так на горькой ноте приходится заканчивать пере-чень писем бывших воинов, кто, проваливаясь в глубоком снегу, полз навстречу вражескому огню рядом с А. Матросовым. Тяжело видеть в старческих глазах слезы обиды. Это — наша действительность.

ОТКРЫТИЯ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

Мы уже писали о том, что не смогли пробиться в прессу, выходящую на русском языке, в частности, в «Советскую Башкирию». Пришлось ограничиться только башкирскими текстами. Но разве молву остановишь, содержание публикаций в газете «Совет Башкортостаны» по неведомым каналам дошло до соседних областей и республик. В первую очередь, наш поиск нашел поддержку в Татарстане: пока в городских и районных газетах Башкортостана ломали головы, принять всерьез или нет наши открытия, молодые журналисты Казани тут же подхватили новость и предали ее гласности.

Но мы и сами не спешили. Пока не был известен конечный результат поисков, не раскрыв многие секреты и не будучи уверенным на сто процентов, не хотелось входить в спор с московскими кругами, попусту тратить энергию. Возможно, это было ошибкой. Слово «ошибка» проронил не зря: нежданно-негаданно из Москвы пришел пакет. Под письмом стояла подпись военного историка Н. В. Борисова, одного из авторов справочного двухтомника «Герои Советского Союза». Оказалось, некто М. Гаряев из Набережных Челнов сообщил в Москву, дескать, по утверждению газеты «Совет Башкортостаны», А. Матросов является уроженцем деревни Кунакбаево Башкор-

тостана и имя его другое. Какую цель преследовал неизвестный нам А. Гараев, не знаем, будем надеяться, что он сделал это из добрых побуждений. Но как бы то ни было, он невольно помог теме выйти на московский уровень. Пришлось войти в контакт с Н. В. Борисовым и посоветоваться по некоторым вопросам. Новый знакомый Николай Васильевич Борисов — старший научный сотрудник Института истории Министерства обороны СССР — вскоре прислал еще одно письмо.

«Уважаемый Рауф Хаевич! Поздравляю Вас с великим праздником Победы! С удовольствием прочитал письмо, за которое очень признателен. Высылаю свою небольшую публикацию о нашем общем герое — Александре Матвеевиче Матросове. Я в курсе того, что вся его биография — выдумки. Долгое время занимался подвигами воинов, партизан и участников движения Сопротивления, закрывших собой амбразуры вражеских дзотов, а до самого Матросова добрался только сейчас. И, как видите, есть находки, о которых молчать нельзя. Вот и обнародовал. Теперь придется говорить правду и в публикациях, и в экскурсиях, да и на памятниках нельзя оставлять старую (выдуманную) дату.

С большим интересом отношусь к Вашему поиску истины о Матросове и выражаю готовность помочь Вам при необходимости через определенные ведомства. Дал заявку в Прокуратуру СССР разыскать дело о реабилитации А. М. Матросова.

С удовольствием получил бы от Вас публикации. Обязуюсь сохранить Вашу тайну и Ваш приоритет в этом вопросе...

С уважением и добрыми пожеланиями
Н. Борисов».

Ах, эта Москва! Ты можешь и сразить, и воскресить мертвого! Даже мало-мальское теплое слово окрыляет. Очевидно, это результат вековой привычки прислушиваться и ценить слово старших.

«Вся его биография — выдумки...» Такое заявление московского исследователя сначала прозвучало для меня как бы неожиданно и, словно нож, вонзилось в сердце. Но тут же пришла мысль: «Так разве ты сам не доказываешь то же самое? Не пишешь, что и фамилия Героя, и место рождения изменены?» Да, так. «Нельзя оставлять старую (выдуманную) дату...» Но почему допущено такое? Ответ в какой-то степени содержится в прилагаемой к письму за-

метке Н. Борисова («Аргументы и факты», 28 апреля — 4 мая 1990 года).

«... Эта дата была умышленно приурочена к 25-летию Красной Армии в целях пропаганды. На самом деле в политдонесениях, в списке безвозвратных потерь и в других документах подвиг датируется 27 февраля 1943 г., а в наградном листе сказано, что на Калининский фронт А. Матросов прибыл только 25 февраля. После приказа Сталина утвердилось выражение «подвиг Матросова», а о совершивших его стали говорить «повторил подвиг Матросова». И мы к этим расхожим словам привыкли. Но, как свидетельствуют документы, первым, кто закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота, был политрук танковой роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии Александр Панкратов...»

И еще. Почему же А. Матросов вдруг стал «светловолосым, голубоглазым русским парнем»? При множестве фотографий — самое малое из четырех-пяти, найденных в разных детдомах, был тиражирован только один снимок, где аккуратно подведены глаза, губы; Герой одет в китель с погонами. Конечно, во всем этом плутовстве нет и крошки вины самого Героя. «Корректировка» биографии А. Матросова не умаляет ни на йоту значение поступка рядового солдата, прикрывшего своим сердцем Отечество. И мы о «ретуши» говорим не из побуждений бросить тень на его героизм, замарать его имя, как предполагают некоторые. Чтобы уточнить некоторые детали публикации Н. В. Борисова, да и самому сообщить о своих открытиях, надо было непременно встретиться с ним. Тем более, Николай Васильевич и в последующих письмах выказывал свое доброе расположение: «С радостью получил Ваше письмо с публикациями. Спасибо! Буду предпринимать попытки разыскать документы, хотя это не так просто, да и надежды найти их — мечта слабая. Личное дело могло и пропасть.

Встрече с Вами буду рад. Готов принять Вас в гости и дома, и в институте. Все будет зависеть от Вас... Доброго Вам здоровья и успехов в творчестве. До встречи.

Н. Борисов».

Как не повидать такого душевного человека! Не всегда права пословица: «Москва слезам не верит». Вот и столица. Пока делал пересадки со станции на станцию метро, а затем с автобуса на троллейбус, чтобы добраться до нужного мне учреждения, опять стали одолевать сомнения, неуверенность: может, зря приехал? Возможно, у Ни-

колая Васильевича имеются и другие документы, которые мигом разнесут мои доводы? Если даже не так, с какой стати будут с распростертыми объятиями встречать приезжего человека? Могут же и здесь, как в родной Уфе, найтись люди, которые воспримут твои сообщения со снисходительной улыбкой. Тем более, что А. Матросов — тема не одного Башкортостана, а касается истории всей огромной страны. Наконец, тяну на себя тяжелую дверь института. Дверь открылась и пред взором предстали фигуры офицеров, стоящих на вахте, и я им несвязно, с трепетом в душе объясняю, кто я и откуда.

Николай Васильевич оказался милым старичком в простом гражданском костюме, сидел в окружении высших офицеров. Увидев его доброе, улыбочивое лицо, сразу успокоился, сомнения тотчас рассеялись. То, что он встретил чужого человека, как старого знакомого, держал себя так, будто все заранее знает, познакомил с сотрудниками — все это покорило меня. Н. В. Борисов стал рассказывать, чем они тут занимаются, как он сам участвовал в подготовке объемного справочника-двухтомника «Герои Советского Союза». Бывают же счастливые совпадения: перед выездом сюда я работал над очерком о том, как во время войны Учалинскому руднику Башкортостана вручали Красное знамя Министерства обороны СССР. А награду, считавшуюся по тому времени самой высокой, из Уфы доставили два Героя Советского Союза. Одного мы знали. А кто был второй? И вот его, Героя, родом с Украины, я смог выяснить, листая справочник, подготовленный Н. В. Борисовым и его коллегами. Я и расскажи эту историю. Старик был на седьмом небе:

— Послушайте, что говорит гость! — Не скрывая своей радости, он побежал в соседнюю комнату, пригласил заведующего отделом. Вероятно, душевному старику, который всю жизнь занимался с архивами, изучал военные документы, мой случайный рассказ показался своеобразной оценкой кропотливого труда. Короче, между нами завязался непринужденный разговор. Николай Васильевич без промедления выдал новость, вызвавшую во мне уверенность.

— Получив Ваши вырезки, мы тут же позвонили в Киев... в высшие органы власти.

Жаль, я не прервал его и не спросил тогда, в какое учреждение он позвонил.

— Сказали: да, Днепрпетровск к Александру Матросову никакого отношения не имеет. Там никаких документов на него нет.

Потом мы все вместе просмотрели фотоснимки и документы, которые я прихватил с собой. Н. В. Борисов полностью соглашался с нашей версией, да и другие присутствующие при беседе стали приводить примеры, схожие с судьбой Матросова. Николай же Васильевич дал несколько советов. Например, такой: в 1943 году башкирская делегация ездила на Украину, надо полистать, нет ли там чего в их отчете; речь вели о какой-то деревне; в Уфе было решение об установлении памятника и переименовании чего-то; подсказал, кто занимался проблемой Матросова в Главном политическом управлении Советской Армии. Еще раз подтвердил мысль о том, что биография Матросова выдумана от начала до конца...

Таким образом, военные историки Москвы с интересом и довольно спокойно выслушали меня. Почему так случилось? Почему не отвергли нашу версию, не обвинили в «национализме»? И не только в Москве, но и в Ульяновской области, разъезжая по ее районам, я чувствовал доброту людей и оттого испытывал великое счастье. Откуда шло это понимание?

Мы обменялись мнением по многим пунктам версии со старшим научным сотрудником института. А под конец Николай Васильевич, словно сам был причастен к ошибке, сказал:

— А знаете? Я раньше работал в Центральном музее Советской Армии и в руках держал два комсомольских билета А. Матросова. На одном билете было написано: «Лег на боевую точку противника», на другом — «Лег на огневую точку противника». Не верите? Приедьте, найдите разные издания — и убедитесь в этом.

На прощанье Николай Васильевич сообщил, что нашими поисками заинтересовалась газета «Красная Звезда», и посоветовал зайти к майору Рубцову.

Пришлось поехать в «Красную Звезду», расположенную в типичном для многих редакций обшарпанном, уютном здании, познакомиться с молодым, высокого роста офицером. Будучи коллегами, мы быстро нашли общий язык, все дела решили буквально за пятнадцать минут, и приятный в общении Юрий отобрал для публикации две фотографии Александра (Шакирьяна) Матросова, заказал материал в триста строк, обещав незамедлительно опубликовать его в своей газете.

Дела складывались как нельзя лучше, и я, счастливый, собрался домой. Однако забегаю вперед, замечу, что с публикацией ничего у нас не получилось. Через несколько месяцев после встречи Юрий Рубцов прислал письмо, торопил

материал, а чуть позже он уведомил, что статья выйдет такого-то числа, и вдруг новое сообщение: «Уважаемый Рауф Хаевич! Сожалею, но мы с Вами оказались излишне оптимистичными. Я попытался заинтересовать им некоторые органы печати, в частности, «Советскую Россию», «Московскую правду» и — неудача. Словом, считаю больше себя не вправе держать материал у себя. Еще раз сожалею, что напрасно заставил Вас поработать».

Что ж, спасибо майору за готовность помочь автору, но, очевидно, и там, в его боевом коллективе, немало было «осторожных» людей.

«УМРУ — ИЩИТЕ ПОД ФАМИЛИЕЙ МАТРОСОВ»

— Ну как, успешной была поездка? — поинтересовались дома.

— Конечно! — ответил я, чуть рисуясь. — А вы говорите, Москва! Москва — не поймет. Еще как поняла!

Перед моим выездом в столицу мы, представляющие «штаб», состоящий из кунакбаевцев, договорились:

Первое. Фуат Асадуллин, составив официальное письмо от имени ветеранов, идет на прием к Председателю Верховного Совета Республики. Если сам не сумеет «пробиться», вовлекает в это дело своего односельчанина-орденоносца, живущего в Уфе;

Второе. Саня Гирфанова продолжает искать людей, знавших Шакирьяна;

Третье. Лиза Бакиева, как бывшая учительница, умеющая ладить с женщинами, должна обойти деревню и «проникнуть» в сундуки бабушек — вдруг у кого-то из них сохранилось фото Шакирьяна;

Четвертое. Даут Хидиятов подыскивает помещение, пригодное для музея Шакирьяна-Александра Матросова;

Пятое. Между тем учительница башкирского языка Зухра Булякова собирает материал, чтобы открыть музей хотя бы в одном из классов школы.

Пока по телефону интересовался, начались эти работы или нет, в кабинете появился сам Фуат Асадуллин. Взволнован, рассержен. Оказалось, он еще до этого приезжал в Уфу, но не смог попасть в Верховный Совет. Затем отправился искать своего знаменитого земляка. Тот обещал передать письмо адресату. Ну, а сегодня он ошеломил Асадуллина: сообщил, что не смог встретить начальство — «они все время находятся в командировках». Словом, вернул пакет Фуату обратно. Да и другие запланированные

дела были выполнены только наполовину. Фото не найдено.

Но не все обстояло так плачевно. Меня ожидало письмо из деревни Рысаево Учалинского района. Прислала его Фанжия Юнусова.

«Я решила сообщить о том, что знаю, — писала она. — Я дочь Габдуллы Юнусова, родилась в 1934 году в деревне Сафарово (в том же районе. — Авт.), а с 1939 года мы стали жить в Кунакбаево.

Я хорошо помню Шакирьяна, потому что сестра моей матери стала ему мачехой. И вот в 1939 году в Кунакбаево вернулся долгое время пропадавший Шакирьян. Юнус бабай жил очень бедно, поэтому Шакирьян в основном находился у нас и мы играли вместе. Чего он только ни показывал: плясал, мальчишкам — Жавдату, Асхату, Масгуту — смастерил деревянные ходули, сделал «панок», чтобы играть в бабки. Наверно, он учил нас и русскому языку, потому что мы вскоре начали говорить «мама», «папа», а к нему обращались «Саша агай». Пока он был в деревне, только не помню, сколько дней он пробыл, мы вместе спали на нарах. У них, кроме нас, и близких-то не было.

Юнус бабай в юности отличался бойкостью. С первой женой побывал где-то на стороне, в Сибири. Его избили кулаки, вывернули ноги, от удара по голове он ослеп. Да и жена от побоев стала хворой и скончалась при родах в учалинской больнице. Остались от них дочь и сын. Позже Юнус бабай взял в жены Фархиямал, родную сестру моей матери Хасбиямал. От них родились Муртаза и Лутфулла. Шакирьян же был от первой жены. Когда умерла мать, он сам ушел из дома. А Муртаза с нами жил два года, но и он однажды оставил нас. Только спустя много лет снова показался в деревне. Я посылаю его единственное фото. Он — Мухамедьянов (Муртаза все-таки братом приходится Шакирьяну). Только забыл свою фамилию и стал Юсуповым».

Читатель, наверное еще помнит, как мы с трудом выясняли, кто был отцом и матерью Шакирьяна, а затем определили, кем же приходится ему Фархиямал, Муртаза, мучились в поисках документов на каждого из них. Как бы ни было, мы сумели в основном представить перипетии семьи инвалида Юнуса. Однако оставалось немало и неясных моментов. И вот простенькое письмо Фанжии Юнусовой, которая провела детство рядом с Шакирьяном, помогло разложить некоторые факты в естественном порядке. Вероятно, следопыты деревни Кунакбаево побывали у нее

в поисках портрета Шакирьяна, потому что Фанжия больше всего делала упор на этот вопрос: «У нас было три фотографии — Шакирьян вместе с отцом, одиночное фото, снимок, где запечатлена вся семья — он, Юнус бабай и тетя Фархиямал. Юнус бабай их оставил у нас, сказав: «Карточки у вас лучше сохраняются. Брат приедет, отдашь». К сожалению, фотографии испортились, и мы их выбросили...»

История с фотографиями связана с Вали (имя изменено. — Авт.), временно работавшим председателем сельсовета.

«Вали, то ли по стечению обстоятельств попавший в плен к немцам, то ли служивший им полицаем, точно не помню, в каком году это было, в полдень вызвал меня в канцелярию, — писала Фанжия. — Пошла. Посадил возле себя и спрашивает: «У тебя был брат Шакирьян?» Отвечаю: «Был». Он: «А есть его фотокарточка?» «Есть». «Пойди и принеси мне. Военкомат просит». И отправил меня домой. Матери дома не было, я содрала фото из альбома, где он стоит один. Снова пришла в канцелярию, положила карточку на стол, возьми да и спроси: «Вали агай, а что, Шакирьян агай тоже продался немцам?».

Я даже не успела договорить, Вали как ударит меня! Я слетела со стула и стала всхлипать. Тут в комнату вошел уполномоченный, фамилия его то ли Жигангиров, то ли Янгиров. Я сказала ему, что ударил Вали. После этого мужчины заговорили по-русски. Стали меня уговаривать, чтобы я никому не рассказывала об этом. А Вали сказал:

— Это твой брат немец, а не я.

Затем они позвали Хакима Акзигитова, велели следовать за ним. А он на складе насыпал мне муки в платок и велел держать язык за зубами. Я так испугалась, что не открылась даже матери. Так и пропало фото.

Через какое-то время пошли разговоры, что Вали, действительно, был «немцем». Испугавшись, я оставшиеся две фотокарточки зарыла под столб. А когда по наговору того же Вали на шесть лет посадили ни в чем не повинного зятя Хуснуллу, я совсем перепугалась. После кончины Вали (он повесился — Авт.), я наконец-то осмелилась достать спрятанные фотокарточки, но в них уже нельзя было рассмотреть лица — фотографии испортились. После войны, кажется, в 1954—1956 годах, снова приезжали из Уфы, справлились о фотографиях. Мы сказали:

— Кроме Муртазы, мы никого не знаем. — К тому же

и мать с бабушкой строго предупредили, чтобы я придерживала язык...»

Очевидно, все дороги ведут в Кунакбаево — пришлось еще раз посетить его, еще раз обратиться за помощью к ветеранам, познакомить их с последними новостями.

Там о Вали я услышал не только от Фанжии Зайнагабетдиновой (Юнусовой), но и от Габдрахмана Заманова, Шауры Хайруллиной, Нажата Закирова. Последний рассказал следующее:

«Как-то, не знаю почему, я оказался в канцелярии. У стола, боком к нему, не раздеваясь, сидит Вали и требует у секретаря сельсовета какие-то архивные материалы. Та подает одну папку за другой.

— Больше нет, — говорит девушка-секретарь.

— Должны быть.

Вали был настойчив, и девушка протянула еще одну папку. Наверно, как раз искали ее. Вали сказал: «Все это теперь Юнусу не нужно». С этими словами он взял из папки какие-то листы и, запихивая их в карман, вышел вон».

— Интересно, что это были за бумаги? — спросил я у Закирова.

— Думаю, он остро ненавидел советскую власть. А, может, боялся, что вдруг распространится слава Шакирьяна, станут приезжать отовсюду делегации, выйдут на него и разоблачат. Но это были лишь догадки. Вопросов здесь возникает немало. С какой целью забрал бывший военнопленный Вали фото Шакирьяна? Почему унес бумаги, касающиеся жизни Юнуса? Почему приезжие из Уфы интересовались детством Шакирьяна, фотографиями? Сможем ли мы когда-нибудь найти на них ответ — сказать трудно. Пока же было ясно одно: в этой истории скрывается большая трагедия и тех, кто положил голову во имя Победы, и тех, кто в минуты опасности струсил и поднял руки вверх. Война и у тех, и у этих украла счастье.

Повествование заканчиваем опять письмами читателей. Саня Гирфанова из г. Учалы: «Я показала фото односельчанам, родившимся до 1926 года. Все признают в нем Шакирьяна и помнят, что он в 1939 году приезжал домой под фамилией Матросов. Помнят и то, как Юнус бабай в 1943 году ходил по деревне и говорил встречным, что его сын погиб героем...»

Галия Курбангалеева из г. Учалы: «Как-то зашел к нам Юнус бабай и начал хвалить старшего сына и сказал следующее: «Мой Шакирьян погиб героем. Пожалуй, и мне

Фанжия Зайнагабетдинова (дер. Рысаево Учалинского района)

приходит конец (жена к тому времени умерла уже). Жаль, что Муртаза еще мал — оставляю его вам, воспитайте уж его. И дом мой ваш...» Услышал ли Юнус об отваге сына или просто почувствовал — не знаю, но он рассказывал об этом людям. Сельчане тоже говорили».

Фанжия Юнусова из дер. Рысаево: «Юнус бабай, тетя Фархиямал и Муртаза каждый день приходили к нам. Слушали сказки. Однажды Юнус бабай спел песню, объяснив, что сочинил ее сам». Фанжия к письму приложила запомнившиеся два четверостишия народного сэсэна. В песне говорится о том, что Шакирьян ушел на войну и, направляясь в сторону райцентра Учалы, на прощанье помахал рукой. Ожидая сына, отец поставил самовар, засыпав сосновым углем. Но не дождался старик — жизненный путь Шакирьяна оказался слишком короток... Но Юнус умер, зная о том, как погиб его сын. Об этом свидетельствует также Нурлыгаян Хидиятовна Тифтеева (в 1961 года рождения, родилась в деревне Юлдашево Учалинского района, вышла замуж в Кунакбаево, сейчас проживает в г. Миассе Челябинской области. — Авт.). Она вспоминает свою беседу с Юнусом: «Шакирьян сказал своему отцу, что он изменил свои имя и фамилию: «Моя фамилия теперь — Матросов, а зовут Сашка... Папа, я ухожу на войну. Если погибну, ищите меня под именем Александр Матросов».

«Мы до сих пор гордились Александром Матросовым, как советским патриотом, совершившим бессмертный подвиг. А сейчас в результате настойчивых поисков он вернулся к своему народу вторым после Салавата национальным героем», — это пишет Исмагил Акьюлов из Кумертауского района.

Невозможно запомнить фамилии всех Героев — в бывшем Советском Союзе их число превышает одиннадцать тысяч. Спроси любого, самое большее назовут пятнадцать-двадцать имен. И, конечно, первым вспомнят Александра Матросова».

К его словам остается добавить следующее: в 1990 году Издательство политической литературы выпустило био-

графический справочник в двух книгах «Зачислен навечно». В нем представлены краткие биографические рассказы обо всех героях Советских Вооруженных Сил, которые к маю 1989 года навечно зачислены в списки личного состава воинских частей, кораблей, военно-учебных заведений. Таких Героев у нас 785 человек. И вот этот самый почитаемый список открывает «герой из всех героев». А. Матросов, а по-нашему Шакирьян Мухамедьянов.

Память о батырах Отчизны продолжает жить в сердцах новых поколений. Она нужна всем ныне живущим.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Работа следопытов на этом не прекратилась. Были у них радостные находки, в поиск начали включаться и другие средства массовой информации. Внимание к нему увеличивалось. Но вместе с этим росло и противостояние. Я не стану надоедать читателю описанием всего, что произошло за последнее время, но хотя бы бегло перечислю события, которые не нашли отражения на предыдущих страницах.

В Кунакбаево прошел народный сход. Заслушав около десятка свидетелей, принял решение: признать, что Александр Матросов — это не кто иной, как Шакирьян Мухамедьянов. Сход граждан просил высшие органы власти Республики Башкортостан утвердить их решение, внес имя А. Матросова в список погибших кунакбаевцев на фронтах Великой Отечественной войны. Собрание также образовало специальную комиссию, чтобы она работала и дальше.

... О необычном сходе республиканские журналисты вели репортаж по Башкирскому радио, но передачу не позволили довести до конца, приказали ее отключить.

... Выступления гостей деревни были засняты и на телевизионную ленту, но и эти кадры не увидели свет.

... Версию газеты «Совет Башкортостаны» крепко поддержала башкирская писательская организация. Ее печатный орган «Истоки» не пожалел целую страницу, опубликовав материал о поиске.

Со снисхождением, но в целом положительную информацию о работе башкирских журналистов дала газета «Труд».

... 22 февраля 1992 года деревня Кунакбаево снова встречала гостей. Этот морозный день превратился в поистине светлый праздник. У обелиска, воздвигнутого в память погибшим воинам, была установлена мемориальная доска с надписью: «Шакирьяну Мухамедьянову-Матросову». А при средней школе, в первую очередь стараниями директора школы Фарита Султанова и учительницы башкирского языка и литературы Зухры Буляковой, открыт музей имени Шакирьяна Мухамедьянова (Матросова). По этому случаю в деревне состоялся многолюдный митинг, состоялся концерт.

... С этого дня музей стал местом настоящего паломничества учащихся соседних школ и гостей, приезжающих в г. Учалы.

Исполком Учалинского районного совета своим решением от 12 марта 1992 года зарегистрировал Комитет «Земляки — Герою Советского Союза Александру Матросову» и на основании представленных материалов от Кунакбаевского сельсовета утвердил устав Комитета, открыл расчетный счет в Учалинском отделении коммерческого банка «Башкирия» для сбора средств на строительства сельского музея имени Шакирьяна Мухамедьянова (Александра Матросова).

... Наконец-то набранные гранки, кочуя из одной типографии в другую, вышли отдельной книгой на башкирском языке. Тираж ее 20 тысяч экземпляров. Книга «Откуда ты родом, Матросов?» быстро нашла путь к читателю. Он ждал ее.

... Состоялись многочисленные встречи с читателями Уфы, городов Сибая, Учалы, Мелеузовского, Гафурийского районов, активистами башкирского народного движения. В этой связи исключительно добрых слов заслуживают организаторы обсуждения книги Сафаргали Янтурин, Сайфулла Амиров, Нияз Салимов, Ильдар Шаяхметов (башкирские народные центры «Аркаим», «Кунгак», «Зилим»).

... Явной клеветой можно назвать выступление газеты «Советская Россия» в феврале 1993 года. Она раз за разом опубликовала заметки: «Теперь судят и Матросова» и «Лег на огневую точку...» Она это сделала, не познакомившись с текстом книги на башкирском языке, не приведя ни одного контрвывода, а лишь для того, чтобы перед всероссийским читателем обвинить инициаторов поиска в «яром национализме», «фальсификации истории».

... Клевета в печати сыграла свою коварную роль. Она напугала народный суд.

До этого заботу о подготовке собранных материалов к судебному разбирательству взял на себя адвокат Учалинской адвокатуры А. Лутфуллин. Спасибо ему, не рассчитывая на вознаграждение, он быстро и без волокиты изучил документы, оценил с юридической точки зрения и помог войти с ходатайством в прокуратуру.

... Февраль 1993 года. Ветераны, лично знавшие А. Матросова, по повестке народного суда съехались в г. Учалы. Но, оказалось, суд был не готов рассмотреть «дело», и мы ни с чем разъехались по своим городам. Мы понимали, что у суда не хватило смелости. К тому же выступила «Советская Россия» — испугаешься.

... Но в республике уже было немало журналов, которые стали поддерживать газету «Башкортостан»: Юрий Альников из г. Уфы, С. Амиров, Г. Халитов из г. Мелеуза. Ю. Альников, следопыт, офицер в отставке, принес ценную находку — вырезку из статьи, опубликованной в журнале «Пионер» (№ 6, издательство «Правда», 1966 год). Там подробно рассказывалось, как погиб А. Матросов, и сообщается такая новость: «В бумажнике Саши (после гибели. — Авт.) снимков

не нашлось... Вообще я не помню, чтобы он фотографировался в армии...

Майор И. С. Токарев, служивший вместе с А. Матросовым, далее вспоминает, что он нашел в г. Симе Челябинской области художника Сергеева, который рисовал портрет А. Матросова с фотографии, сделанной в колонии.

... Нас поддержала и центральная печать. 9 января 1993 года в газете «Красная звезда» выступил с большой статьей Николай Борисов, старший научный сотрудник Института военной истории РФ. В частности, он писал: «Так кто же такой Александр Матросов? Где пролегла, образно говоря, та росистая тропинка, по которой сделал он первые шаги? Кто преподавал ему жизненные уроки? Такие вопросы в последнее время звучат все чаще. И не без оснований, поскольку в биографии Александра есть разночтения. За честь назвать героя своим земляком «боролись» в разное время представители ряда регионов. В Музее Вооруженных Сил, например, хранятся документы, из которых следует, что Александр Матвеевич Матросов родился в Днепротетровске. Башкирские же журналисты утверждают, что легендарного героя Великой Отечественной войны на самом деле звали Шакирьян Юнусович Мухамедьянов. Родился он в селе Кунакбаево Учалинского района Башкортостана. В раннем детстве ушел из голодной деревни, товарищам по бродячей жизни назвался Сашей, попав в Уфимский детский дом, взял фамилию Матросов.

Эта версия, о которой сообщает газета, на наш взгляд, наиболее достоверна, тем более, что подтверждается как материалами музея, открывшегося на родине солдата, так и полученными мной из Военной коллегии Верховного суда СССР...»

... Вслед за «Красной звездой» выступила и газета «Сельская жизнь», сообщив, что версию башкирских журналистов подтверждают военные историки.

... Продолжалась работа и на родине героя. Учителя и учащиеся Кунакбаевской средней школы обратились к администрации города Учалы с просьбой дать имя Шакирьяна Мухамедьянова одной из улиц города. Учалинцы предложили также дополнить надпись на памятнике А. Матросову в г. Уфе словами: «Шакирьян Мухамедьянов».

КРАТКИЙ СПРАВОЧНИК ПО БИОГРАФИИ А. МАТРОСОВА

Официальная биография	Какие документы подтверждают
1. Родился в г. Днепропетровске	Нет документов. Наоборот, отрицают этот факт: — Управление по охране общественного порядка Киевской области (документ № 17/5—474, 1965); — Письмо дирекции музея Комсомольской славы им. А. Матросова г. Днепропетровска; — Р. Иванова и П. Ковальчук из г. Ульяновска; — Е. Н. Сатышева из г. Димитровграда; Г. К. Базекин из г. Уфы.
2. Год рождения 1924.	Нет документов.
3. Отец — Матвей, рабочий. Убит кулаками.	Нет ни одного документа, подтверждающего это.
4. Места проживания А. Матросова: г. Днепропетровск, Ивановский детдом Ульяновской области, Уфимская детская колония, с 1943 г. — на фронте.	

НАХОДКИ СЛЕДОПЫТОВ, ДОПОЛНЕНИЯ К БИОГРАФИИ

1. Родился в деревне Кунакбаево Учалинского района Башкортостана
Настоящее имя — Мухамедьянов Шакирьян Юнусович

Подтверждают:

Г. Черников (Таджикистан),
З. Иргалин (Верхнеуральский район Челябинской области),
С. Гирфанова, Н. Закиров, З. Гизетдинова (все — из г. Учалы),
М. Мутигуллина (с. Учалы),
Г. Заманов, С. Абдрахманов,
М. Каримов, З. Каримова, М. Рахимова (все из деревни Кунакбаево),
Ф. Зайнагабетдинова (дер. Рысаево), М. Саляхова (пос. «Сельхозтехника») и т. д.

2. Фамилия Матросов приобретена

3. А. Матросов по национальности был башкир или он был похож на башкира

4. А. Матросов разговаривал по-башкирски

5. Год рождения А. Матросова — не 1924, а 1923-й год

6. Год рождения Ш. Мухамедьянова — 1923-й

7. Места проживания А. Матросова (Ш. Мухамедьянова)

Подтверждают:

Р. Сайфутдинов (г. Салават),
В. Қалмыков (г. Уфа),
П. Халтурин (г. Аша Челябинской обл.)

Х. Бакиев (г. Салават),
Журнал «Пионер» (№ 6, за 1966 год, Москва).

Р. Сайфутдинов, Х. Бакиев (г. Салават),

М. Сайфутдинов (с. Малоюз Салаватского района),

Н. Шестакова (г. Уфа),

А. Миникаева (г. Димитровград Ульяновской области).

Х. Бакиев (г. Салават),

Г. Халиков (с. Учалы),

П. Халтурин (г. Аша Челябинской обл.),

Е. Сатышева (г. Димитровград),

Н. Шестакова (г. Уфа),

П. Огурцов (г. Балаково Саратовской обл.),

Справка Учалинского горсовета (ф. 34, оп. 2, 3-я книга, 9-я стр.).

Дер. Кунакбаево Учалинского района (1923—1934 годы) — бродяжничество — г. Димитровград

(бывший Мелекес, до 1936 года) —

Ивановская детская коммуна Ульяновской области (до 1939 года) — г. Куйбышев (два-три месяца) — г. Саратов — Уфимская

детско-воспитательная колония (1941—1942 гг.) — Краснохолмское

военно-пехотное училище (1942 г.) — фронт.

За 1936—1941 годы три раза побывал в дер. Кунакбаево.

III. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ В ХАРАКТЕРАХ А. МАТРОСОВА И Ш. МУХАМЕДЬЯНОВА

1. Ухаживал за голубями

Утверждают:

С. Гирфанова (в г. Учалы)

2. Спас тонущих товарищей
3. Защищал младших
4. Играл на гитаре
5. Организовывал игры в войну
6. Любил исполнять матросский танец
7. Всегда носил матросскую тельняшку
8. А. Матросов и Ш. Мухамедьянов на фотографиях похожи

Н. Заболотнов, И. Синягин, Ф. Хасанов (в г. Ульяновске).
Ф. Асадуллин (в дер. Кунакбаево),
И. Синягин, М. Саулин (в дер. Ивановка Ульяновской области);

Г. Халиков (с. Учалы), Н. Шестакова (г. Уфа).

З. Иргалин (дер. Кунакбаево),
И. Синягин, П. Ризин (г. Ульяновск).

Все кунакбаевцы.

Т. Четверикова, Н. Шестакова (г. Уфа),

Е. Сатышева (г. Димитровград).

М. Каримов (дер. Кунакбаево),

М. Саулин (г. Ульяновск),

Т. Четверикова, Л. Катеринчук,

Н. Шестакова (г. Уфа).

М. Каримов и другие жители дер. Кунакбаево,

П. Ризин (г. Ульяновск),

Л. Катеринчук (г. Уфа) и др.

Утверждают:

А. Миникаева (г. Димитровград),

Г. Халиков (с. Учалы),

С. Гирфанова, Г. Заманов, Ф. Асадуллин, М. Каримов (дер. Кунакбаево).

Заключение Всесоюзного НИИ судебных экспертиз Министерства юстиции СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Председатель ставит вопрос	4
Тайна Григория Ивановича	8
«Шеф» приходит на помощь	12
«Штаб» советуется	16
Тень Катилы	26
Память людская	30
Мальчик с голубем в руках	39
Родники памяти	50
Брат Шакирьяна Муртаза	53
Радость Сании Гирфановой	57
Не верь каждому	61
«Полковники»	64
Башкирский парень Саша	71
Добрый совет аксакалов	81
Препятствие	85
Служит ли истине такая позиция?	90
Глас народа — глас божий	94
Странная фотография	102
«Федор Иванович»	103
«Что нам делить?»	111
Суд	116
Что означает «ЦПР»?	118
Возвращение памятника	125
Старый город с новым названием	127
«Саша прибыл с Урала!»	134
Радостные вести	140
Рядом с героем	143
Открытия Николая Васильевича	155
«Умру — ищите под фамилией Матросов»	160
Вместо послесловия	166
Краткий справочник по биографии А. Матросова	169

Научно-популярное издание

НАСЫРОВ Рауф Хаевич

ОТКУДА ТЫ РОДОМ, МАТРОСОВ!

Редактор *Булякова Р. М.*

Художник *Байназаров М. Ф.*

Художественный редактор *Ислахов Ф. Ф.*

Технический редактор *Пятаева Н. Г.*

Корректоры *Каюмова О. И., Пастушкова И. П.*

ИБ № 5228

Сдано в набор 03.11.93. Подписано к печати 30.03.94. Формат бумаги $84 \times 108^{1/32}$.
Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Условн. печ. л.
9, 24. Усл. кр.-отг. 9,6. Учетн.-издат. л. 9,91. Тираж 10000 экз. Заказ № 660.
Цена свободная.

Башкирское издательство «Китап». 450001, Уфа, ул. Левченко, 4а.
Уфимский полиграфкомбинат. 450001, Уфа, проспект Октября, 2.

Насыров Рауф Хаевич родился в 1935 году в деревне Кажеево Учалинского района Республики Башкортостан. Окончил Уральский государственный университет имени М. Горького в Екатеринбурге. По профессии журналист. В печати — с 1960 года. Пятнадцать лет работал редактором районной газеты. Сейчас заместитель главного редактора газеты «Башкортостан». Заслуженный работник культуры Республики Башкортостан и Российской Федерации, лауреат премии Союза журналистов имени Шагита Худайбердина.